

ISSN 2712-8407

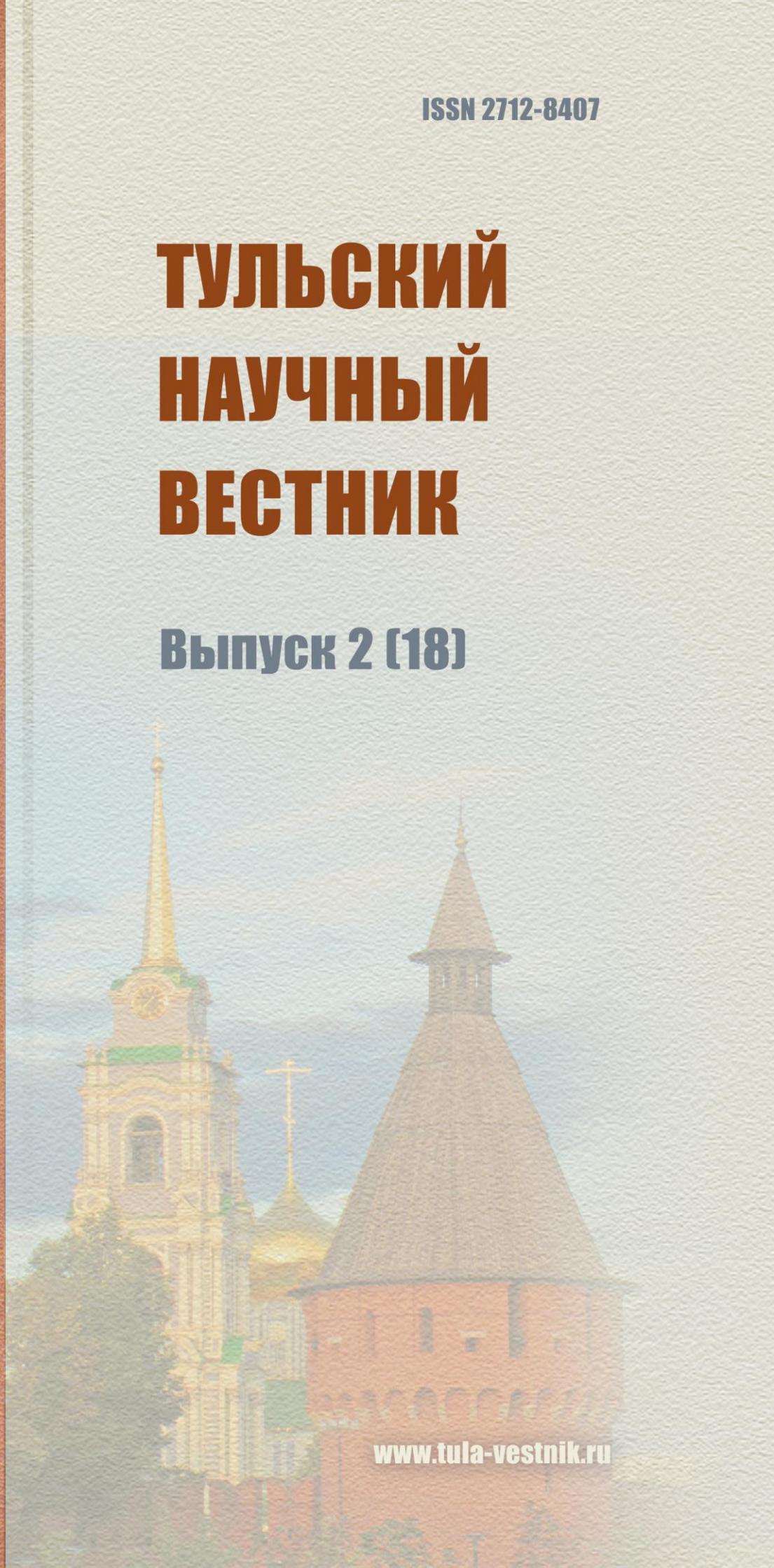
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (18)

2024

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (18)

**Тула
2024**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (18)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-2

Дата выхода в свет: 30.09.2024 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024
© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

Издатель:
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».
Адрес издателя:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

Анисимов К. А., Ярцев С. В. Борьба за гегемонию в Среднем Подунавье в III – II вв. до н. э. **8**

Сапожникова М. Г. К вопросу о трансформации дипломатии эпохи Феодосия II (на примере римско-персидских отношений) **21**

История повседневности

Змеева О. В. Из Харбина в Архангельск: транспортировка китайцев на Мурманстройку (1916 год) **30**

История благотворительности

Маслова И. В. Визуализация филантропии в Российской империи в конце XIX – начале XX в. как способ формирования культуры благотворительности **44**

Габдрафикова Л. Р. Благотворительная деятельность татарского предпринимательства в годы Первой мировой войны: между гражданским долгом и этноконфессиональной миссией **57**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Язык как основа национальной идентичности

Токарев Г. В. О лингвокультурологической интерпретации проблемы идентичности **69**

Маслова В. А. Идентичность региональной личности и роль языка в процессе идентификации **76**

Дединкин А. Л. Метод лингвистического маркирования понятийных единиц (из экспертной практики по делам об экстремизме) **86**

Ерофеева И. В., Пильгун М. А. Реконструкция этико-философского представления о любви в древнерусском языке (на материале летописного текста) **94**

Меркулова И. А. Национальный корпус русского языка о еврейском и евреях **106**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 2 (18)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-2

Released on September 30, 2024

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2024

© Authors of articles, 2024

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

The Ancient History

Anisimov K. A., Yartsev S. V. Struggle for Hegemony in the Middle Danube in the 3rd and 2nd Centuries BC **8**

Sapozhnikova M. G. The Transformation of Diplomacy During the Reign of Theodosius II (on the Example of Roman-Persian Relations) **21**

The History of Everyday Life

Zmeyeva O. V. From Harbin to Arkhangelsk: transportation of the Chinese to the Murmansk Rail-way Construction (1916) **30**

The History of Charity

Maslova I. V. Visualization of Philanthropy in the Russian Empire in the late 19th – early 20th Century as a Way to form a Culture of Charity **44**

Gabdrafikova L. R. Charitable Activities of Tatar Entrepreneurs During the World War I: Between Civil Duty and Ethno-Confessional Mission **57**

LINGUISTICS

Language as the Basis of National Identity

Tokarev G. V. On the Linguistic and Cultural Interpretation of the Identity Problem **69**

Maslova V. A. Regional Identity and the Role of Language in the Identification Process **76**

Dziadzinkin A. L. The Method of Linguistic Labeling of Conceptual Units (from Expert Practice in Cases of Extremism) **86**

Erofeyeva I. V., Pilgun M. A. Reconstruction of the Ethical and Philosophical Idea of Love in the Old Russian Language (Based on the Material of the Chronicle Text) **94**

Merkulova I. A. Mentions of Jewish and Jews in the Russian National Corpus **106**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

- Pimenova M. V.* Family (Rod) and Horde (Orda) as Factors of Self-identification in Linguoculture **117**
- Abramova V. I., Arkhangelskaya Yu. V.* Two Eternal Russian Questions as Markers of National Identity and Their Functioning in the Russian Internet Folklore **129**
- Prosyannikova O. I.* Tuvan Ritual Folklore as a Sample of Ethnocultural Identity **139**

REVIEWS

- Klymeonov A. A.* Belatedly about a Long-needed. Book Review: 'Voennoye Delo Drevnixh Persov' (Warfare of the Ancient Persians) by Aleksandr K. Nefyodkin (Eksmo publ, Yauza publ, Moscow, 2022, 272 p.) (The Best Warriors in History) **149**
- Bauer T. V.* Book Review: 'Population of the Kola Peninsula Between the Two World Wars: View of Historians and Anthropologists' (ed. by O. V. Zmeyaeva, Moscow: Nauka, 2022. 366 p.) **159**
- Romanov D. A.* Ahead of the Word: Review of the Monograph 'Word and Thought: One Step Ahead' by V. K. Kharchenko (Moscow, INFRA-M publ, 2024, 219 p.) **172**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Кирева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 8–20.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 8–20.

Научная статья

УДК 94(398.9)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-8-20>

БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ В СРЕДНЕМ ПОДУНАВЬЕ В III – II ВВ. ДО Н. Э.

**Константин Александрович
Анисимов¹**

**Сергей Владимирович
Ярцев²**

---

¹ Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Белгород, Россия, anisimov.cos@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4139-9965>

² Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия, s-yartsev@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4581-1873>

Аннотация. Статья¹ посвящена вопросу борьбы между иллирийскими, кельтскими и фракийскими племенами в Среднем Подунавье в III – II вв. до н. э. В трудах Страбона и Аппиана общается о сменяющих друг друга гегемониях фракийской народности трибаллов, иллирийцев – автариатов и кельтов – скордисков. Однако никаких хронологических привязок древними авторами не дается. Для того, чтобы разобраться в запутанных и противоречивых сведениях Страбона и Аппиана, необходимо привлечь данные других авторов, а также уточнить сложные вопросы исторической географии. На основании анализа имеющихся данных античной письменной традиции авторы приходят к выводу, что автариаты могли покорить на короткое время трибаллов лишь после галатского вторжения на Балканы в 280 – 279 гг. до н. э. Появление скордисков в Среднем Подунавье было связано с этим же нашествием, но доминирующей силой в регионе они стали не сразу, а лишь в результате борьбы с автариатами и трибаллами. На основании, главным образом, запутанных и противоречивых данных античной письменной традиции, авторы уточняют датировки вторжений и переселений участников этих событий, а также ставят вопрос об участии среднедунайских племен в этногенезе народов Карпато-Дунайского региона и Восточной Европы.

Ключевые слова: трибаллы, скордиски, автариаты, фракийцы, иллирийцы, кельты, гегемония, Фракия, Иллирия.

Для цитирования: Анисимов К. А., Ярцев С. В. Борьба за гегемонию в Среднем Подунавье в III – II вв. до н. э. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 8–20. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-8-20>

Сведения об авторах: К. А. Анисимов – аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, 14;

С. В. Ярцев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Анисимов К. А., Ярцев С. В., 2024

Scientific Article
UDC 94(398.9)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-8-20>

STRUGGLE FOR HEGEMONY IN THE MIDDLE DANUBE IN THE 3RD AND 2ND CENTURIES BC

*Konstantin A. Anisimov*¹

*Sergey V. Yartsev*²

---

¹ Belgorod State University
Belgorod, Russia, anisimov.cos@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4139-9965>

² Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, s-yartsev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4581-1873>

Abstract. The article deals with the issue of struggle between Illyrians, Celts and Thracians in the Middle Danube in the 3rd – 2nd centuries BC. According to Strabo and Appian, the hegemonies of the Triballi from Thrace, the Autariatae from Illyria and the Celtic tribe of Scordisci succeeded each other. However, the ancient authors do not give any chronological references. In order to understand the confusing and contradictory information of Strabo and Appian, it is necessary to use data from other authors, as well as clarify complex issues of historical geography. Based on the analysis of the available data of the ancient literary texts, the authors come to the conclusion that the Autariatae could conquer the Triballi for a short time only after the Galatian invasion of the Balkans in 280 – 279 BC. The appearance of the Scordisci in the Middle Danube was connected with this invasion. However, they did not become the dominant force in the region immediately, but as a result of their struggle with the Autariatae and Triballi. Based mainly on the confusing and contradictory data of the ancient literary texts, the authors specify the dates of the invasions and migrations of the participants of these events, and raise an issue of the Middle Danube tribes' participation in the Carpathian-Danube region and Eastern Europe. peoples ethnogenesis.

Keywords: Triballi, Scordisci, Autariatae, Thracians, Illyrians, Celts, hegemony, Thrace, Illyria.

For citation: Anisimov, KA & Yartsev, SV 2024, 'Struggle for Hegemony in the Middle Danube in the 3rd and 2nd Centuries BC', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 8–20, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-8-20> (in Russ.)

Information about the Authors: *Konstantin A. Anisimov* – Postgraduate Student of the Chair of World History, Belgorod State University, 14, Studencheskaya Str., Belgorod, 308015, Russia;
Sergey V. Yartsev – Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Целый ряд письменных источников римского времени сохранил информацию о борьбе за гегемонию между фракийскими, иллирийскими и кельтскими племенами, развернувшуюся в Среднем Подунавье. Сообщения эти отличаются довольно запутанным характером, представляя собой сокращение некоего общего источника. Из них не понятно, когда происходили описываемые события, как долго они продолжались. Несомненно, эта борьба отражалась на судьбах племенного мира Балканского полуострова, провоцируя миграции племен, хотя мы еще не вполне можем оценить масштаб этого влияния. Впрочем, уже сам факт того, что этот сюжет отразился в античной письменной традиции, не слишком внимательной к варварской периферии центров античной цивилизации, демонстрирует важность рассматриваемых событий. Тем важнее представляется определить их время и обстоятельства.

Интересующую нас информацию мы находим в трудах Страбона и Аппиана. Страбон несколько раз возвращается к сюжету о преходящем величии ряда балканских народов. Описывая упадок некогда могущественных иллирийцев – ардиев, он отмечает, что такая же судьба постигла и другие племена этого региона: бойев и скордисков среди галатских племен, автариатов и дарданов среди иллирийцев, трибаллов среди фракийцев. Здесь же Географ выделяет причины этого явления – их междоусобные войны и столкновения с Македонией и Римом [30. VII. V, 6]. Ниже он сообщает, что некогда самым большим и храбрым иллирийским племенем были автариаты. Они покорили трибаллов, страна которых простиралась на 15 дней пути, а также «властвовали над прочими фракийцами и иллирийцами». Впоследствии их одолели скордиски [30. VII. V, 11]. О том, какие земли имеются ввиду, мы можем судить из данных о месте проживания скордисков в период их расцвета. Эти данные нам также предоставляет Страбон: земли между Сегестикой (совр. Сисак) и рекой Ноар на западе и Маргом (Моравой) на востоке, затем земли на восток от Марга до земель трибаллов и мезов, живущих на реке Цибрице [о границах скордисков: 18, с. 23-24; 44; 49, с. 209–215]. Разумеется, не стоит думать, что трибаллы занимали всю эту территорию, но можно предполагать, что они, а затем автариаты, контролировали в свое время часть Подравины и Посавины. Геродот помещает в бассейне реки Моравы (в его труде она называется Бронгом) «Трибаллскую равнину» [7. IV, 49]. Фукидид уточняет, что восточной границей трибаллов в его время была река Оский (Искыр) и гора Скомбра, где берет начало эта река. Оский служил границей трибаллов с могущественным Одрисским царством [36. II. 96, 3-4]. Страбон также отмечает, что земли трибаллов располагались между Истром и страной агрианов, живущих в верховьях Стримона, берущего начало с той же горы [30. VII. V, 11; VII, fr. 36-37; ср.: 36. II. 96, 3]. Наконец, еще один раз Страбон обращается к этой теме, рассказывая о том, что трибаллы владели также землями на левом берегу Дуная, но были вынуждены допустить переселения в свою страну более сильных народов (скифов, бастарнов, савроматов), будучи сами вынуждены переселяться в земли более слабых племен. Далее говорится, что «известная часть их» осела на дунайских островах или во Фракии, а тех, «что жили на другой стороне реки» одолели иллирийцы. Однако, совершенно не понятно идет речь о трибаллах или же о задунайских пришельцах [30. VII. III, 13].

Аппиан во многом созвучен Страбону. Он сообщает о войнах скордисков с трибаллами, которые настолько истожили последних, что трибаллы вынуждены были бежать «за Истр, к гетам». Скордисков же постигла та же участь в результате войн с римлянами. Аппиан упоминает о войнах ардиев, сильнейших на море, и автариатов, сильнейших на суше. О покорении автариатами трибаллов он не упоминает [2. Illir. I, 3-4].

Отчасти Аппиана и Страбона дополняют Юстин и Афиней. Сравнивая сюжеты, которые мы видим у перечисленных выше авторов, можно довольно уверенно

утверждать, что, как минимум основная часть информации о борьбе придунайских племен восходит к труду историка и философа конца II – начала I вв. до н. э. Посидония, на которого прямо ссылались Страбон [30. IV. 1, 13] и Афиней [5. VI. 24]². Для того, чтобы определить более точно время интересующих нас событий, необходимо проанализировать информацию об участниках борьбы за гегемонию, упомянутых нашими источниками – трибаллах, автариатах и скордисках.

Трибаллы были одним из наиболее известных и могущественных племенных объединений Балканского полуострова V – IV вв. до н. э. Их былую славу подчеркивают и Страбон [30. VII. V, 6], и Аппиан [2. Illir. I, 3]. В 424 г. до н. э. царь одрисов Ситалк погиб во время похода на трибаллов [36. IV. 101, 5]. В 376 г. до н. э. огромное войско трибаллов, подстегиваемое голодом, поразившим их земли, обрушилось на Балканский полуостров, в том числе напало на крупный полис Абдеры, на побережье Эгейского моря. Абдеритов от гибели спас афинский военачальник Хабрий [12. XV, 36; 41. Panath. I, 172; 39. XV. 8-10]. С конца V в. до н. э. их имя становится весьма известным в Афинах. Их упоминают в комедиях, называют в честь них молодежную группировку, они упоминаются в речах ведущих ораторов [3. 1529; 10. LIV, 39; 15. VIII, 50; 15. XII, 227]. Во 2-ой – 3-ей четв. IV в. до н. э. трибаллы совершали грабительские походы на ближних и дальних соседей, в том числе упоминаются их нападения на Македонию [43. or. II, 9; 4. V. 26, 6; 4. VII. 9, 2; 25. NH. IV, 33] и скифов близ устья Дуная [27. VII. 44, 1; 35. II, 19]. В 339 г. до н. э. в их засаду попал Филипп II Македонский, возвращавшийся после победы над скифским царем Атеем. Царь был тяжело ранен и потерял обоз с добычей [40. IX, 2-3, 1-3]. Наконец, в 335 г. до н. э. трибаллам нанес тяжелое поражение Александр Великий, принудив их признать власть Македонии, впрочем, явно эта власть носила в значительной степени символический характер [4. I. 1, 4-13 – 5, 1-7; 30. VII. III, 8]. Трибаллы сохраняли фактическую независимость, хотя формально входили в состав державы Александра даже после его смерти [34. Agr. succ. fr. 1a, 7R]³.

Поражение, полученное от Александра, наверняка сильно ослабило трибаллов, что объясняет их исчезновение из письменных источников на следующие полвека. Следующий блок информации о трибаллах связан с галатским нашествием. Этому эпохальному событию посвящена обширная историография [например: 14; 16; 48]. Первое вторжение галатов пришлось отражать уже Кассандру, который умер в 297 г. до н. э. [25. NH. XXXI. 53]. Учитывая маршрут передвижения галатов в Среднем Подунавье, более чем вероятно, что прежде им пришлось столкнуться с трибаллами. К сожалению, более подробной информации у нас нет. У ряда исследователей появились даже сомнения в возможности связывать это известие с собственно кельтами-галатами, высказывались предположения, что речь шла о столкновении Кассандра с иллирийцами – автариатами в 310 г. до н. э. [46, p. 369]. Больше сведений сохранилось о нашествии 280 г. до н. э. Нашим главным источником выступает Павсаний, упоминающий трибаллов в своем подробном описании галатского вторжения на Балканы. Из этих сведений следует, что большому нашествию предшествовал рейд галатов во главе с вождем Камбавлом, который дошел до пределов Фракии. Ввиду своей малочисленности, галаты не решились вторгнуться в Элладу (а также, судя по всему, в Македонию). Этот поход не может быть отождествлен с тем нападением, которое отбил Кассандр [14, с. 73–74]. Контекст рассказа Павсания подразумевает, что Камбавл совершил свой рейд незадолго до следующего вторжения, датированного надежно 280 г. до н. э. Поскольку, первыми во Фракии на их пути должны были оказаться трибаллы, можно предполагать, что им уже пришлось столкнуться с кельтами. Участники первого галатского рейда способствовали новому, более массовому вторжению. Огромное войско было разделено на три части: «На фракийцев и на племя трибаллов должно было двинуться войско под начальством Керетрия;

начальниками тех, которые шли на Пеонию, были Бренн и Акихорий; Болгий двинулся на Македонию и Иллирию и вступил в сражение с Птолемеом, который был тогда македонским царем» [22. X. XIX, 4]⁴. Павсаний, рассказывая о подвигах Болгия, Бренна и Акихория, умалчивает о судьбе Керетрия, тем не менее далее упоминается о бедствиях, которые галаты причинили в этом вторжении фракийцам, пеонам и македонянам [22. X. XX, 1]. Из этого можно сделать вывод, что поход Керетрия также удался. Впоследствии Бренн сумел объединить силы галатов и организовал масштабное вторжение в Элладу, закончившееся разгромом его войска у Дельф. Остатки его воинства потерпели существенные потери во время отступления из Фессалии. Уцелевшие воины во главе с вождем Батанатом сумели пробиться к Дунаю, где положили начало племенному союзу скордисков или скордистов [5. VI. 25].

Часть галатов во главе с Леонорием и Лутарием отделились от войска Бренна еще накануне вторжения в Элладу, в Дардании. Они предпочли идти во Фракию, добрались до Геллеспонта и Византия, а затем перебрались в Малую Азию. Их точный маршрут не известен, но видимо земли трибаллов этот отряд не затронул. Еще одно войско галатов было оставлено Бренном для охраны их земель в тылу. Это войско в 15 тыс. пеших и 3 тыс. конных воинов разорили земли трибаллов и гетов [40. XXV. 1, 1-3], после чего двинулись к Херсонесу Фракийскому, где были разгромлены Антигоном Гонатом у Лисимахии [11. II. 141–142; 27. IV. 6. 17; 40. XXV. 1. 1–2, 7; 40. Trog. Proleg. XXV].

Галатское нашествие несомненно должно было сильно подкосить и без того ослабленных трибаллов. Именно в результате описанных выше событий по соседству с трибаллами появляются скордиски, которые представлены главными противниками трибаллов в письменной традиции [30. VII. V, 11; 2. Illir. I, 3]. Тем не менее, наши источники указывают, что войнам трибаллов со скордисками предшествовало завоевание их земель иллирийцами – автариатами.

Сами автариаты впервые упоминаются в истории в связи с их участием в иллирийском восстании против Александра Великого в 335 г. до н. э. [обзор источников по истории автариатов: 49, с. 69–100]. Они отправили войско на помощь иллирийскому царю Клиту и царю тавлантиев Главкии. Любопытно, что для Александра это был совершенно незнакомый народ, поэтому он обратился за информацией к своему союзнику Лангару, царю агрианов. Лангар весьма низко оценил боевые возможности автариатов, характеризуя их как «самых невоинственных» в регионе, а также взял на себя обязанность ликвидировать угрозу со стороны автариатов, пока Александр подавлял восстание иллирийцев [4. I. 5, 1–4].

Следующее упоминание автариатов связано с их нашествием на Пеонию в 310 г. до н.э. Пеонский царь Авдалеон обратился за помощью к диадоху Кассандру, правителю Македонии. Вместе они сокрушили автариатов, а Кассандр поселил 20 000 из них у горы Орбел, взяв их на службу [13. XX. 19. 2]. При этом, если верить традиции, автариаты были вынуждены предпринять попытку переселения в Пеонию из-за загадочного природного катаклизма («дождь из лягушек»), обрушившегося на их собственные земли [40. XV, 2, 1-2; 21. III, 23, 36-37].

В литературе представлено мнение, что движение автариатов было вызвано давлением кельтов [1, с. 244; 17, с. 254–255; 20, с. 97–98; 47, р. 280]. С ними связано очередное упоминание автариатов в античной традиции, описывающее хитрость кельтов, победивших автариатов [27. VII, 42]. При этом аналогичную хитрость другой источник приписывает кельтам также в борьбе с иллирийцами ардиеями, соседями автариатов, из чего можно сделать вывод о том, что два племени в данном случае действовали против кельтов совместно [6. X. 60]. Данное известие восходит ко II книге «Истории» Феопомпа, в которой описывались обстоятельства войны Филиппа II с иллирийским царем Бардиллом. Таким образом, данное известие является

одним из самых ранних свидетельств кельтской экспансии на Балканах [14, с. 69; 52, р. 138]. Хотя, Феопомп вполне мог сделать типичное для него отступление, чтобы рассказать о нравах иллирийцев. Исходя из того, что в 335 г. до н. э. кельты отмечены Птолемеем Лагом / Аррианом еще достаточно далеко от Среднего Подунавья, а Феопомп умер в период между 320 и 300 гг. до н. э., разгром этих племен кельтами нельзя датировать позднее IV в. до н. э. О том, что часть кельтских племен осела в Паннонии уже в IV в. до н. э. сообщает также Юстин, связывая это движение с вторжением кельтов в Италию [40. XXIV, 4, 3]⁵.

Все эти известия описывают автариатов как не слишком могущественное племя. Они еще не успели заработать репутацию народа, который не то, что обладает могуществом, но даже не считается особенно воинственным. Это не позволяет поддерживать точку зрения, согласно которой автариаты могли покорить трибаллов в какой-то более ранний период времени, предшествующий известным нам страницам их истории IV в. до н. э. [24, с. 45].

Аппиан и Страбон, тем не менее, характеризуют автариатов, как одно из самых могущественных в прежние времена иллирийских объединений. Следовательно, их могущество должно было иметь место позднее походов Александра Великого и галатов. Крайне запутанную историю автариатов изложил Аппиан в «Иллирийских войнах» [2. IIIr. I, 4], где смешивается история с «дождем из лягушек» (ок. 310 г. до н. э.), галатское нападение на Дельфы, участие в котором Аппиан приписывает также автариатам (280 г. до н. э.) и переселение кимвров (ок. 120 – 101 гг. до н. э.).

Смешение автариатов с галатами можно объяснить. Чтобы не подвергнуться разгрому в 280 г. до н. э., ряд среднебалканских племен сотрудничали с кельтами [50, р. 143; эта идея также подтверждается упоминанием пеонов и агрианов в числе союзников галатов в Малой Азии: 41]. Описание Аппиана позволяет предполагать, что к числу таких племен относились также автариаты [2. IIIr. I, 4]. На связь их с галатами косвенно указывает также имя вождя галатских наемников в Карфагене, поднявших восстание во время Ливийской войны 240 – 238 гг. до н. э. [26. I. 77, 4-80, 13]. Аппиан отмечает, что автариаты некогда были самыми могущественными на суше, когда ардиэи обладали могуществом на море. При этом ардиэи наносили много вреда автариатам. Из его сообщения можно сделать вывод, что автариаты за это уничтожили ардиэев. Более подробно сюжет о борьбе с ардиэями описывает Страбон. Причиной конфликта был спор о владении источниками соли. Об этих источниках соли и их стратегической важности для местных племен говорит Псевдо-Аристотель [28. 138]. При этом, согласно Страбону, упадку ардиэев способствовали римляне, переселившие их далеко от моря. В итоге некогда могущественное племя стало называться вардеями и практически вымерло [30. VII. V, 6]. Некогда могущественные вардеи известны также Плинию Старшему [25. NH. III. 143]. Возможно, уничтожение их автариатами следовало бы относить уже ко временам после создания провинции Иллирия, но в это время совершенно не известны автариаты. Поскольку фраза Аппиана не очень понятна, указание на уничтожение ардиэев можно толковать так, что это дело римлян. Но, нельзя исключать, что здесь снова Аппиан смешивает автариатов с кельтами, в таком случае его описание перекликается с рассказом Феопомпа / Афинейя о разгроме ардиэев кельтами в IV в. до н.э. [6. X. 60]. В таком случае эту фразу нельзя понимать буквально.

Поскольку нет серьезных оснований, кроме запутанного рассказа Аппиана, относить период гегемонии автариатов ко временам ранее III в. до н. э., единственной нашей опорой служит синхронизация периода их могущества с ардиэйской «талассократией» с одной стороны и прямым указанием Страбона, согласно которому конец гегемонии автариатов положили скордиски [30. VII. V, 11].

Комплекс известий о «соляных войнах» ардиев и автариатов, упоминание о разгроме ардиев и/или автариатов кельтами, а также отсутствие упоминания ардиев среди приморских племен Иллирии в «Перипле» Псевдо-Скиллака [29. 19-27], восходящего, судя по упоминанию в нем Амфиполя и Олинфа, как греческого города, к источнику последней трети V – сер. IV вв. до н. э. [19, с. 36], позволяют предполагать, что к моменту кельтского вторжения ардиев жили далеко от моря, по соседству с автариатами [19, с. 98]. Разгром их кельтами способствовал переселению ардиев на побережье Адриатики, где они усилились, создав мощный союз иллирийских племен. Могущество ардиев было связано с деятельностью царя Агрона около 250 – 230 гг. до н. э. [1, с. 244]. Конец гегемонии ардиев положили римляне в ходе Первой Иллирийской войны 229 – 228 гг. до н. э., окончательно они были разгромлены в ходе Второй Иллирийской войны 220 – 219 гг. до н. э.⁶ Учитывая это, а также то, что нам известно об истории автариатов более раннего периода, можно предполагать, что их гегемония в Западно-балканском регионе была синхронна гегемонии ардиев на Адриатике. Уместно предположить, что примерно в это же время автариатам удалось распространить свою власть на ослабленных кельтскими вторжениями трибаллов.

Скордиски были наиболее могущественным племенем в этом регионе уже в начале II в. до н. э. Тит Ливий [32. XL. 57] и Юстин [40. XXXII. 3, 5] свидетельствуют, что Филипп V, намереваясь сокрушить дарданов и натравить бастарнов на Италию, заключил союз с последними, а также с родственными им скордисками. Переговоры с бастарнами, согласно Титу Ливию, датируются около 183 – 182 гг. до н. э. После разгрома царя Персея в III Македонской войне, скордиски превращаются в одного из основных противников римлян на Балканах на протяжении II – I вв. до н. э. [31, с. 65]. Автариаты и трибаллы при этом не упоминаются. Таким образом, мы получаем нижнюю границу окончания борьбы за гегемонию в Среднем Подунавье около 180-х гг. до н. э.

Аппиан, комбинируя эту информацию с рассказом о «дожде из лягушек», сообщает, что автариаты были вынуждены покинуть места своего обитания, пройдя «двадцатитрехдневный путь», поселились в болотистой местности в стране гетов, «напротив бастарнов» [2. Illir. I, 4]. Описание местности напоминает придунайские районы Северной Добруджи (болотистой «земли гетов»), напротив которой, к северу от устья Дуная не позднее 200 г. до н. э. появляются бастарны [33; 38]. Впервые их упоминает около этого времени Деметрий Каллатийский, на которого ссылается Псевдо-Скимн (Ps.-Skimn. 797)⁷. Это подтверждает нашу датировку падения автариатов около рубежа III – II вв. до н. э., ближе ко времени Первой Македонской войны. Как отметил М. Щукин [37, с. 116–117], уже Помпей Трог помещал известие о каком-то «восстании бастарнов», впрочем, как отступление, в контексте событий 233 – 229 гг. до н. э. [40. Trog. Proleg. XXVIII, 1].

На основании того, что Аппиан упоминает исход автариатов после упоминания нашествия кимвров, предлагались также более поздние датировки этой миграции, около 105 г. до н. э. [53, р. 153]. При этом, Г. Циппель отождествлял автариатов с савдаратами Протогенова декрета, который он датировал этим временем. Эта идея не получила поддержки ввиду датировки Протогенова декрета рубежом III – II вв. до н. э., а самого события – еще более ранним временем [16, с. 158–159 (с обзором историографии вопроса); 19, с. 162; 37, с. 96 след.]. С учетом того, что было сказано выше об отсутствии автариатов и трибаллов как значимой политической силы в регионе Среднего Подунавья накануне III Македонской войны, более поздние датировки также не имеют основания.

Таким образом, мы можем восстановить ход событий следующим образом: после разгрома галатов под Дельфами и у Лисимахии, когда значительная их часть

ушла во Фракию и Малую Азию, в Иллирии усилились ардиэи и автариаты. Последним удалось подчинить трибаллов и ряд каких-то других иллирийских и фракийских племен. Однако, их гегемония не продлилась долго. Скордиски, часть галатов, осевшая на Нижней Саве в 279 – 278 гг. до н. э., сумели со временем разгромить автариатов. Затем, как отмечают наши источники, последовал длительный период междоусобных войн скордисков с трибаллами, вследствие чего последние окончательно пришли в ничтожество. Значительная часть трибаллов под давлением своих противников переселились за Дунай, где смешалась с гетами [2. *Ilir.* I, 3], прежние их земли стали вотчиной так называемых «малых скордисков», а какая-то часть сохранилась между скордисками и мезами. Часть автариатов также могла оставаться под властью скордисков, поскольку по словам Страбона римляне одолели их вместе со скордисками [30. VII. V, 11].

В заключение хотелось бы отметить, что фактор миграций трибаллов и автариатов, как когда-то справедливо указал М. Ткачук [33, с. 292], остается недостаточно оцененным историками. Выселение трибаллов объясняет резкое увеличение населения в будущей Дакии [33, с. 297], обеспечив на несколько столетий преобладание фракийского элемента к северу от Нижнего Дуная. Более того, эти события могли бы пролить свет на дунайские элементы, восходящие к традициям трибаллов и иллирийцев, выделяемые археологами в зарубинецкой культуре. Хотя их связывают с участием зарубинецких дружин в походах бастарнов [23, с. 19, 91, 221, 224, 284, 327], они могут указывать на то, что миграции трибаллов и/или автариатов могли уходить за пределы будущей Дакии, в леса Восточной Европы, где они могли принять участие в формировании будущих славянских культур.

Примечания

1. Статья представляет собой расширенный вариант доклада, представленного на I Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием «На берегах Понта Эвксинского в Древности и Средневековье – 2024: Проблемы взаимовлияния культур», г. Тула, 6 апреля 2024 года.
2. Однако, это наблюдение оказалось вне внимания исследователей источников, которыми пользовался Страбон [2, с. 81–86].
3. Наиболее полный обзор истории трибаллов до римского завоевания представлен в работе Ф. Папазоглу [22, с. 11–68].
4. Перевод С. П. Кондратьева.
5. Сторонники кельтской причины миграции автариатов связывают с этими событиями уже раннюю миграцию трибаллов в 378 г. до н. э. [52, р. 88].
6. После этого династию Агрона сменяют цари племени лабеатов [45, р. 17].
7. К. А. Анисимов благодарит О. Л. Габелко и И. Е. Сурикова за возможность использовать перевод, сделанный И. Е. Суриковым.

Список источников и литературы

1. *Абрамова В. В.* Ардиэйское царство (III – первая половина II вв. до н.э.) // Вопросы германской истории : збірник наукових праць. Дніпропетровськ: ДНУ, 2004. С. 244–251.
2. *Аппиан.* Римская история / [пер. С. П. Кондратьева и др.]. М.: АСТ : Ладомир, 2002. 880 с.
3. *Аристофан.* Комедии : фрагменты / пер. А. И. Пиотровского ; изд. подг. В. Н. Ярхо; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука : Ладомир, 2000. 1080 с.
4. *Арриан.* Поход Александра / пер. М. Е. Сергеенко. М.: МИФ, 1993. 272 с.
5. *Афиней.* Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. 1-8 / пер. Н. Т. Голинкевича; коммент. М. Г. Витковской [и др.]; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 2003. 656 с.
6. *Афиней.* Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. 9-15 / пер. и примеч. Н. Т. Голинкевича. М.: Наука, 2010. 597 с.

7. *Геродот*. История / пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 2005. 700 с.
8. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1986 год. М.: Наука, 1988. С. 6–175.
9. *Демосфен*. Речи. В 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. М.: Памятники ист. мысли, 1994. Т. 2. 608 с.
10. *Демосфен*. Речи. В 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. М.: Памятники ист. мысли, 1994. Т. 3. 624 с.
11. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова; ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. 570 с.
12. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека : в 3 т., [в 40 кн.] : пер. с древнегреч. / науч. ред. Э. Д. Фролов. М.: Рубежи XXI, 2021. Т. 2. 453 с.
13. *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека : в 3 т., [в 40 кн.] : пер. с древнегреч. / науч. ред. Э. Д. Фролов. М.: Рубежи XXI, 2021. Т. 3. 594 с.
14. *Домарадски М.* Келтите на Балканския полуостров, IV-I в. пр. н. е. София: Наука и искусство, 1984. 175 с.
15. *Исократ*. Речи. Письма. Малые аттические ораторы : [сб.] / под общ. ред. Ю. П. Фролова. М.: Ладомир, 2012. 1072 с.
16. *Казакевич Г.* Східні кельти: культури, ідентичності, історіографічні конструкції. Київ: Нілан-ЛТД, 2015. 358 с.
17. *Клейменов А. А.* Македонское направление иллирийской экспансии в контексте миграционного давления на Балканах первой половины IV века до н. э. // Цивилизация и варварство. 5: Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства. М.: Аквилон, 2016. С. 245–263.
18. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I – III веках. М.: Наука, 1973. 254 с.
19. *Малеванный А. М.* История иллирийцев и римской провинции Иллирик. Тула: Лев Толстой, 1997. 288 с.
20. *Малеванный А. М.* Fanula Papazoglu. Srednjobalkanska plemena и predrimsko doba. Centar za balkanoloska ispitivanja, Sarajevo, 1969 : [рецензия] // Вестник древней истории. 1974. № 4 (130). С. 160–166.
21. *Орозий Павел*. История против язычников: *Historiae adversum paganos* : кн. 1-7 / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 541 с.
22. *Павсаний*. Описание Эллады. В 2 т. / пер. С. П. Кондратьева. М.: Аст, 2022. Т. 1. 491 с.; Т. 2. 503 с.
23. *Пачкова С. П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры. Киев: Ин-т археолог. НАН Украины, 2006. 371 с.
24. *Петков П.* Към някои проблеми от политическата история на трибали, илири и келти през III – I в. пр. Хр. // *Thracia XXII*. Sofia, 2017. С. 35–58.
25. *Плиний Старший*. Естественная история. Кн. 4: О странах Европы / пер. с лат., коммент. и предисл. Б. А. Старостина // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 110–142.
26. *Полибий*. Всеобщая история. В 2 т. / пер. Ф. Мищенко. М.: АСТ, 2004. Т. 1. 765 с.
27. *Полиэн*. Стратегемы / пер. О. Ю. Владимирской [и др.]; под общ. ред. А. К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.
28. *Псевдо-Аристотель*. Рассказы о диковинах / пер. и вступ. ст. Н. А. Поздняковой // Вестник древней истории. 1987. № 3–4.
29. *Скилак Кариандский*. Перипл обитаемого моря / пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Ф. В. Шелова-Коведяева // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 253–256.
30. *Страбон*. География : в 17 кн. / под общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1964. 943 с.
31. *Тачева М.* История на българските земи в древността презелинистическата и римската епоха. София, 1997. 358 с.
32. *Тит Ливий*. История Рима от основания Города. В 3 т. Т. 3: кн. XXXIV–XLV. М.: Ладомир, 2002. 794 с.
33. *Ткачук М. Е.* Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 3. С. 274–304.

34. *Фотий*. Мириобиблион. Cod. 92. Арриан. О событиях после Александра / пер. Д. В. Мещанского // Симпозиум Συμπόσιον : сайт об античной литературе, античной истории и людях античности. Дата размещения: 18.05.2013. URL: <https://simposium.ru/ru/node/10519>.
35. *Фронтин Секст Юлий*. Военные хитрости (Стратегемы) / пер. А. Б. Рановича ; вступ. ст. и коммент. А. А. Новикова. СПб.: Алетейя, 1996. 224 с.
36. *Фукидид*. История / пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1999. 736 с.
37. *Щукин М. Б.* Забытые бастарны // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 75–90.
38. *Щукин М. Б.* На рубеже эр: опыт ист.-археол. реконструкции полит. событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Вост. и Центр. Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
39. *Эней Тактик*. О перенесении осад / пер., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Беляева // Вестник древней истории. 1965. № 1. С. 237–268; № 2. С. 215–243.
40. *Юстин Марк Юниан*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 490 с.
41. *Aristides P. Aelius*. The Complete Works / transl. Ch. A. Behr. Leiden: Brill, 1986. Vol. 1. 536 p.
42. *Barbantani S.* The Glory of the Spear. A Powerful Symbol in Hellenistic Poetry and Art. The Case of Neoptolemus “Of Tlos” (and Other Ptolemaic Epigrams) // Studi Classici e Orientali. 2007. Vol. 53. P. 67–138.
43. *Dio Chrysostom*. The Second Discourse on Kingship. Published in the Loeb Classical Library, 1932. Electronic version. URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Dio_Chrysostom/Discourses/2*.html. Access to Bill Thayer's Web Site.
44. *Drnic I.* The scordisci - A story from the verge of the La Tène world // Unité et diversité du monde celtique : Unity and Diversity in the Celtic World : Acts du 42e colloque international de l'AFEAF (Prague, 10-13 mai 2018) / ed. G. Pierrevelcin, J. Kysela, S. Fichtl. Paris ; Prague, 2020. P. 425–447.
45. *Dzino D.* Illyricum in Roman Politics, 229 BC–AD 68. Cambridge University Press, 2010. 223 p.
46. *Emilov J.* Celts // A Companion to Ancient Thrace / ed. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Wiley-Blackwell, 2015. P. 366–381.
47. *Greenwalt W. S.* Macedonia, Illyria and Epirus // A Companion to Ancient Macedonia / ed. J. Roisman, I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 279–305.
48. *In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC)* : Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010 / ed. L. F. Vagalinski, S. Rodway. Sofia, 2010. 131 p.
49. *Papazoglu F.* Srednjobalkanska plemena и predrimsko doba. Sarajevo: Akademija Nauka i Umjetnosti Bosne i Hercegovine publ., 1969. 498 p.
50. *Tarn W. W.* Antigonos Gonatas. Oxford: Clarendon Press, 1913. 502 p.
51. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Nachdruck der Ausgaben 1893 und 1894. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1975. 303 s.
52. *Wilkes J. J.* The Illyrians. Oxford: Blackwell, 1992. 384 p.
53. *Zippel G.* Die römische Herrschaft in Illirien bis auf Augustus. Leipzig: Teubner, 1877. 312 s.

References

1. Abramova, VV 2004, ‘Ardieyskoye tsarstvo (III – pervaya polovina II vv. do n.e.)’ (The Ardiæan Kingdom (3rd – first half of the 2nd century BC)), *Voprosy germanskoy istorii*, DNU publ, Dnipropetrovsk, pp. 244–251. (In Russ.)
2. Appian 2002, *Rimskaya istoriya* (Roman History), trans. S. P. Kondratyeva et al., AST publ, Ladomir publ, Moscow. (In Russ.)
3. Yarkho, VN & Gasparov, ML (eds.) 2000, *Aristofan. Komedii* (Aristophanes. Comedies), trans. A. I. Piotrovskiy, Ladomir publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

4. Arrian 1993, *Pokhod Aleksandra* (The Anabasis of Alexander), trans. M. Ye. Sergeyenko, MIF publ, Moscow. (In Russ.)
5. Vitkovskaya, MG & Gasparov, ML (eds.) 2003, *Afiney. Pir mudretsov. V 15 kn.* (Athenaeus. The Deipnosophistae. In 15 vols.), vols. 1-8, trans. N. T. Golinkevich; Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Athenaeus 2010, *Pir mudretsov. V 15 kn.* (The Deipnosophistae. In 15 vols.), vols. 9-15, trans. N. T. Golinkevich; Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Herodotus 2005, *Istoriya* (The Histories), trans. G. A. Stratanovskiy, Lodomir publ, Moscow. (In Russ.)
8. Gratsianskaya, LI 1988, '«Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya' (Strabo's 'Geography'. Problems of source studies), *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR : materialy i issledovaniya* (The most ancient states on the USSR territory: materials and research), Nauka publ, Moscow, pp. 6–175. (In Russ.)
9. Golubtsova, ES, Marinovich, LP & Frolov, ED (eds.) 1994, *Demosfen. Rechi. V 3 t.* (Demosthenes. Orations. In 3 vols.), vol. 2, Pamyatniki ist. Mysli publ, Moscow. (In Russ.)
10. Golubtsova, ES, Marinovich, LP & Frolov, ED (eds.) 1994, *Demosfen. Rechi. V 3 t.* (Demosthenes. Orations. In 3 vols.), vol. 3, Pamyatniki ist. Mysli publ, Moscow. (In Russ.)
11. Losev, AF (ed.) 1986, *Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* (Diogenes Laertius. Lives and Opinions of Eminent Philosophers), trans. M. L. Gasparov, Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
12. Frolov, ED (ed.) 2021, *Diodor Sitsiliyskiy. Istoricheskaya biblioteka. V 3 t.* (Diodorus Siculus. Bibliotheca historica. In 3 vols.), vol. 2, Rubezhi XXI, Moscow. (In Russ.)
13. Frolov, ED (ed.) 2021, *Diodor Sitsiliyskiy. Istoricheskaya biblioteka. V 3 t.* (Diodorus Siculus. Bibliotheca historica. In 3 vols.), vol. 3, Rubezhi XXI, Moscow. (In Russ.)
14. Domaradski, M 1984, *Keltite na Balkanskiya poluoostrov, IV – I v. pr. n. ye.* (The Celts on the Balkan Peninsula), Nauka i iskusstvo publ, Sofiya. (In Bulg.)
15. Frolov, YuP (ed.) 2012, *Isokrat. Rechi. Pisma. Malye atticheskiye oratory* (Isocrates. Orations. Letters. Minor Attic Orators), Lodomir publ, Moscow. (In Russ.)
16. Kazakevich, G 2015, *Skhidni kelti: kulturi, identichnosti, istoriografichni konstruktsii* (Eastern Celts: cultures, identities, historiographical constructions), Nilan-LTD publ, Kyiv. (In Ukr.)
17. Kleymenov, AA 2016, 'Makedonskoye napravleniye illiriyskoy ekspansii v kontekste migratsionnogo davleniya na Balkanakh pervoy poloviny IV veka do n. e.' (The Macedonian direction of Illyrian expansion in the context of migration pressure in the Balkans in the first half of the 4th century BC), *Tsivilizatsiya i varvarstvo. 5: Vyzovy destrukttsii v labirinte migratsii varvarstva* (Civilisation and barbarism. 5: Challenges of Destruction in the Maze of Barbarism Migration), Akvilon publ, Moscow, pp. 245–263. (In Russ.)
18. Kolosovskaya, YuK 1973, *Pannoniya v I-III vekakh* (Pannonia in the 1st–3rd centuries), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. Malevanny, AM 1974, 'Fanula Papazoglu. Srednjobalkanska plemena i predrimsko doba. Centar za balkanoloska ispitivanja, Sarajevo, 1969' (Fanula Papazoglu. Central Balkan tribes and the pre-Roman era. Center for Balkanological Research, Sarajevo, 1969), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no.4 (130), pp. 160–166. (In Russ.)
20. Malevanny, AM 1997, *Istoriya illiriytsev i rimskoy provintsii Illirik* (History of the Illyrians and the Roman province of Illyricum), Lev Tolstoy publ, Tula. (In Russ.)
21. Tyulenev, VM (ed.) 2004, *Oroziy Pavel. Istoriya protiv yazychnikov*: (Paulus Orosius. Historiae adversus paganos), vols. 1-7, Izd-vo Olega Abyshko publ, St.Petersburg. (In Russ.)
22. Pausanias 2022, *Opisaniye Ellady. V 2 t.* (Description of Greece. In 2 vols), vols 1-2, trans. S. P. Kondratyev, Ast publ, Moscow. (In Russ.)
23. Pachkova, SP 2006, *Zarubinarskaya kultura i latenzirovannyye kultury* (Zarubintsy culture and The La Tène culture cultures), In-t arkheolog. NAN Ukrainy publ, Kyiv. (In Russ.)
24. Petkov, P 2017, 'Km nyakoi problemi ot politicheskata istoriya na tribali, iliri i kelti prez III – I v. pr. Khr.' (On some issues in the political history of Triballoi, Illyrians and Celts in the 3rd-1st century BC), *Thracia 22. Sofia*, pp. 35–58. (In Bulg.)

25. Pliny the Elder 2007, 'Yestestvennaya istoriya' (The Natural History.), book 4, On the Countries of Europe, trans. B. A. Starostin, *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* (Studies in the History of Science and Technology), no. 3, pp. 110–142. (In Russ.)
26. Polybius 2004, *Vseobshchaya istoriya. V 2 t.*, (The Histories. In 2 vols), vol.1, trans. F. Mishchenko, AST publ, Moscow. (In Russ.)
27. Nefyodkin, AK (ed.) 2002, *Polien. Strategemy* (Polyaenus. Stratagems), trans. O. Yu. Vladimirskaia, Yevraziya publ, St.Petersburg. (In Russ.)
28. Pseudo-Aristotle 1987, 'Rasskazy o dikovinakh' (On Marvellous Things Heard), trans. N.A.Pozdnyakova, *Journal of Ancient History*, no.3-4. (In Russ.)
29. Scylax of Caryanda 1988, 'Peripl obitayemogo morya' (The Periplus of the Inhabited Sea), trans. F. V. Shelov-Kovedyayev, *Journal of Ancient History*, no. 1, pp. 253–256. (In Russ.)
30. Utchenko, SL (ed.) 1964, *Strabon. Geografiya : v 17 kn.* (Strabo. Geography. In 17 vols), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
31. Tacheva, M 1997, *Istoriya na blgarskitezemi v drevnostta prezelinisticheskata i rimskata yepokha* (History of Bulgarian lands in antiquity, the pre-Hellenistic and Roman eras), Universitet-sko izd-vo "Sv. Kliment Okhridski" publ, Sofiya. (In Bulg.)
32. Titus Livius 2002, *Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda. V 3 t.* (History of Rome. In 3 vols) vol. 3, books 34-45, Ladomir publ, Moscow. (In Russ.)
33. Tkachuk, MYe 1999, 'Getika, kotoruyu my poteryali (iz antologii khronologicheskikh razryvov)' (Getica that we have lost. (from the antology of chronological breaks)), *Stratum plus Journal. Archaeology and Cultural Anthropology*, no. 3, pp. 274–304. (In Russ.)
34. Photius 2013, 'Miriobiblion. Cod. 92. Arrian. O sobytiyakh posle Aleksandra' (Bibliotheca. Cod. 92.Arrian. Continuation), trans. D. V. Meshchanskiy, *Симнозуї Συμπόσιον*, <https://simposium.ru/ru/node/10519> (In Russ.)
35. Sextus Julius Frontinus 1996, *Voyennyye khitrosti (Strategemy)* (Stratagems), trans. A.B. Ranovich, Aleteyya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
36. Thucydides 1999, *Istoriya* (The History of the Peloponnesian War), trans. G. A. Stratanovskiy, Ladomir publ, Moscow. (In Russ.)
37. Shchukin, MB 1994, *Na rubezhe er: opyt ist.-arkheolog. rekonstruktsii polit. sobytiy III v. do n. e. – I v. n. e. v Vost. i Tsentr.Yevrope* (At the Turn of the Era: Experience of Historical and Archaeological Reconstruction of Political Events of the 3rd century BC – 1st century AD in Eastern and Central Europe), Farn publ, St.Petersburg. (In Russ.)
38. Shchukin, MB 1999, 'Zabytyye bastarny' (The Forgotten Bastarnae), *Stratum plus Journal. Archaeology and Cultural Anthropology*, no. 5, pp. 75–90. (In Russ.)
39. Aeneas Tacticus 1965, 'O perenesenii osad' (How to Survive under Siege), trans. V. F. Belyayev, *Journal of Ancient History*, no. 1, pp. 237–268, no. 2, pp. 215–243. (In Russ.)
40. Justin 2005, *Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historiae Philippicae»* (Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus), trans. A. A. Dekonskiy, M. I. Rizhskiy, Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Peterburg. (In Russ.)
41. Aristides, PA 1986, *The Complete Works*, vol. 1. trans. Ch. A. Behr, Brill publ, Leiden.
42. Barbantani, S 2007, 'The Glory of the Spear. A Powerful Symbol in Hellenistic Poetry and Art. The Case of Neoptolemus "Of Tlos" (and Other Ptolemaic Epigrams)', *Studi Classici e Orientali*, vol. 53, pp. 67–138.
43. Dio Chrysostom 1932, 'The Second Discourse on Kingship', *Bill Thayer's Web Site*, https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Dio_Chrysostom/Discourses/2*.html
44. Drnic, I 2020, 'The scordisci - A story from the verge of the La Tène world' in G. Pierrevelcin, J. Kysela (eds.) *Unité et diversité du monde celtique. Acts du 42e colloque international de l'AFEAF* (Unity and Diversity in the Celtic World. Proceedings of the 42nd AFEAF international symposium), 10-13 May 2018, Prague, S. Fichtl.publ, Paris, Prague, pp. 425–447.
45. Dzino, D 2010, *Illyricum in Roman Politics, 229 BC–AD 68*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
46. Emilov, J 2015, 'Celts'in J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.) *A Companion to Ancient Thrace*, Wiley-Blackwell publ., pp. 366–381.

47. Greenwalt, WS 2010, 'Macedonia, Illyria and Epirus' in J. Roisman, I. Worthington (eds.) *A Companion to Ancient Macedonia*, Blackwell publ, Oxford, pp. 279–305.
48. Vagalinski, LF & Rodway, S (eds.) 2010, 'In Search of Celtic Tyllis in Thrace (III C. BC)', *Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia*, 8 May 2010, Sofia.
49. Papazoglu, F 1969, *Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba* (Central Balkan tribes and the pre-Roman era), Akademija Nauka i Umjetnosti Bosne i Hercegovine publ, Sarajevo. (In Bosn.)
50. Tarn, WW 1913, *Antigonos Gonatas*, Clarendon Press publ, Oxford.
51. Tomaschek, W 1975, *Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Nachdruck der Ausgaben 1893 und 1894*, Biblio-Verlag publ, Osnabrück. (In Germ.)
52. Wilkes, JJ 1992, *The Illyrians*, Blackwell publ, Oxford.
53. Zippel, G 1877, *Die römische Herrschaft in Illirien bis auf Augustus*, Teubner publ, Leipzig. (In Germ.)

Вклад авторов:

Анисимов К. А. – идея; сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Ярцев С. В. – написание статьи; научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Anisimov K. A. – idea; collection of material; processing of material; writing an article.

Yartsev S. V. – writing an article; scientific text editing.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2024
Одобрена после рецензирования: 05.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 15.05.2024
Approved after reviewing: 05.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-21-29>

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ДИПЛОМАТИИ ЭПОХИ ФЕОДОСИЯ II (НА ПРИМЕРЕ РИМСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

**Мария Григорьевна
Сапожникова**

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия, sapozhnikova@bsu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1714-4281>

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу византийско-персидских конфликтов в эпоху Феодосия II. В ней рассмотрены основные причины вражды этих двух великих держав: территориальные споры, религиозные и идеологические различия. Автор останавливается на анализе изменений внешнеполитической стратегии Константинополя в первой половине V в. Одной из причин этого стал распад Римской империи на две части – Восточную и Западную в 395 г. Это усилило паритет Персии и Восточной Римской империи. Одновременно с этим появились новые игроки на политической авансцене – гунны, вандалы и другие варварские племена, угрожавшие обеим империям. Поэтому с целью минимизировать военные расходы на первое место выходит искусство переговоров. То, что современники тех событий трактовали как слабость Феодосия Младшего, что не соответствовало образу императора-воина, было прагматической необходимостью. В V в. начался процесс развития и адаптации ранневизантийской дипломатии к вызовам времени. Появляются новые должностные лица, наделяются особыми полномочиями уже существующие, например, магистры оффиций. Вспыхнувшие конфликты между Восточной Римской империей и державой Сасанидов в 420-е и 440-е гг. свидетельствуют о том, что «политика мира» ещё не была последовательной, а также о наличии всё ещё влиятельной группировки «воинственных регористов» при дворе Феодосия II.

Ключевые слова: Феодосий II, внешняя политика, Ранняя Византия, Восточная Римская империя, персы, Сасанидская империя, дипломатия.

Благодарности: выражаю благодарность своему научному руководителю – доктору исторических наук, профессору кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» Николаю Николаевичу Болгову.

Для цитирования: Сапожникова М. Г. К вопросу о трансформации дипломатии эпохи Феодосия II (на примере римско-персидских отношений) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 21–29. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-21-29>

Сведения об авторе: М. Г. Сапожникова – аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, 14.

© Сапожникова М. Г., 2024

Scientific Article

UDC 94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-21-29>

THE TRANSFORMATION OF DIPLOMACY DURING THE REIGN OF THEODOSIUS II (ON THE EXAMPLE OF ROMAN-PERSIAN RELATIONS)

Mariya G. Sapozhnikova

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia, sapozhnikova@bsu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1714-4281>

Abstract. The article analyzes the Byzantine-Persian conflicts in the era of Theodosius II. The author touches upon the main causes of the enmity between these two great powers – territorial disputes, religious and ideological differences. The main part of the article reveals the changes in Constantinople's foreign policy strategy in the first half of the 5th century. One of the reasons for these transformations was the breakup of the Roman Empire into two parts, Eastern and Western, in 395. This strengthened the parity of Persia and the Eastern Roman Empire. At the same time, new players appeared on the political scene – the Huns, Vandals and other barbaric tribes that threatened both empires. Therefore, in order to minimize military spending, the art of negotiation comes first. Contemporaries of those events interpreted pragmatic necessity as a weakness of Theodosius the Younger, inconsistent with the image of the warrior emperor. The 5th century begins the process of developing early Byzantine diplomacy and adapting it to the challenges of the time. During this period, new officials appeared and existing ones were given special powers (e.g., magister of offices). The conflicts that broke out between the Eastern Roman Empire and the Sassanid Empire in the 420s and 440s indicate that the 'policy of peace' was not yet consistent, as well as the presence of a still influential group of 'militant rigorists' at the court of Theodosius II.

Keywords: Theodosius II, foreign policy, Early Byzantium, Eastern Roman Empire, Persians, Sassanid Empire, diplomacy.

Acknowledgements: I express my gratitude to Nikolay Nikolayevich Bolgov, my scientific supervisor, Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor of the Department of General History of Belgorod State National Research University.

For citation: Sapozhnikova, MG 2024, 'The Transformation of Diplomacy During the Reign of Theodosius II (on the Example of Roman-Persian Relations)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 21–29, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-21-29> (in Russ.)

Information about the Author: *Mariya G. Sapozhnikova* – Postgraduate Student, Assistant of the Department of Universal History, Belgorod State National Research University, 14, Studencheskaya Str., Belgorod region, Belgorod, 308007, Russia.

© Sapozhnikova M. G., 2024

Введение

Отношения между Восточной Римской империей и государством Сасанидов были всегда напряжёнными. Противоречия базировались на целом ряде причин – и религиозных, и идеологических, и политических. После того как христианство стало официальной религией Рима, императоры должны были исполнять роль защитника веры, способствовать распространению учения за границей своей державы (Eus. VC. IV. 24). Поэтому Сасаниды опасались первых христиан III – IV вв. в собственном царстве, считая их своего рода «римскими агентами» [8, p. 136]. Жестокие преследования зороастрийцами последних стали поводом для римлян, которые желали отомстить за собратьев.

В III в. первые походы сасанидских царей на территорию римлян носили скорее разбойничий характер. Столетием позже причиной раздора между двумя соседствующими державами стала Армения. Временное затишье на римско-сасанидской границе установилось уже после неудачного похода Юлиана 363 г., по итогам которого был заключён мирный договор в пользу Персии. В 384 г. Феодосий I и Шапур III подтвердили условия договора – так, Нисибис и другие города в Верхней Месопотамии оставались за Сасанидской империей. В конечном итоге, это привело к разделу Армении.

Однако несмотря на то, что римско-иранские войны регулярно вспыхивали после смерти Константина Великого, а Сасанидская империя перешла в стан врагов, торговля между этими государствами не прекращалась [5, с. 22]. Правда, имелись некоторые ограничения – Маркиан в 456 г. издал указ, запрещающий вывоз из Восточной Римской империи металлов и оружия.

Цель работы – выяснить почему и как, несмотря на коренные противоречия Сасанидской и Восточной Римской империи, правители решили прийти к временному перемирию.

Материалы и методы

Сложность настоящего исследования заключается в ограниченном количестве источников по времени царствования Феодосия II. Основная масса сведений содержится в «Церковной истории» Сократа Схоластика, «Хронографии» Иоанна Малалы, Феофана Исповедника. Взгляд Армении на историю византийско-персидских отношений описан в труде богослова Елишэ.

Поскольку в статье основное внимание уделяется внешней политике Восточной Римской империи, то события рассматривались с точки зрения теории политического реализма. Она исходит из того, что межгосударственные отношения во все времена (в том числе и в позднеантичные) определялись необходимостью создания безопасности на границах стран и их выживания.

В ходе работы были использованы следующие методы: просопографический, позволивший изучить деятельность лиц, отвечавших за проведение дипломатических переговоров; сравнительно-исторический, который предоставил возможность выявить сходства и различия политики предшествующих императоров и Феодосия II в отношении «персидской проблемы».

Результаты

Когда Аркадий назначил персидского царя Йездигерда I опекуном своего сына Феодосия, казалось, что все былые противоречия между империями забыты (Proc. VP I. 2). Феофан Исповедник приводит в своём труде письма, направленные римскому сенату от лица Йездигерда: «По кончине Аркадия, назначившего меня попечителем сыну своему, посылаю к вам мужа, который займёт моё место. Да не покусится никто на злоумышление против дитяти, и тем да не возбудит непримиримой войны против римлян!» (Theoph. AM 5900).

Выбор давнего соперника в качестве опекуна был сложным и неоднозначным.

На первый взгляд проще было бы назначить на эту роль западно-римского соправителя, но это означало отдать сына и империю в руки военных узурпаторов, которые зачастую умерщвляли своих юных подопечных. Поэтому нужно было заключить союз с державой равной по силе с Западной Римской империей, чтобы в случае попытки захвата власти, была возможность противостоять ей. В этом отношении стоит отдать должное императору Аркадию, который по мнению современников, не отличался рассудительностью (Proc. VP I. 2.6). По одной из версий, на императора мог повлиять епископ Тагритский Маруфа, который находился при дворе Йездигерда [7]. К тому же шаханшах тоже был заинтересован в союзе с римским императором: в 420-е гг. в Персии шло соперничество между царским двором и элитой на местах. Поэтому Йездигерд решил сделать ставку на христиан, с этих пор для них был сделан ряд послаблений [3, с. 50].

Однако с провозглашением августой сестры юного императора Пульхерии византийско-персидские отношения резко ухудшились. Феофан Исповедник описывает гонения на евреев, организованных сестрой Феодосия, и упоминает смерть кувикулярия Антиоха (Theoph. 5905). В этом контексте можно было бы увидеть намёк на начало «крестового похода» царицы. Но другие источники приписывают инициативу удаления перса со двора самому императору и связывают это событие с нежеланием Антиоха снять с себя полномочия регента: «Он продолжал и после того, как Феодосий вырос, относиться к нему властно, так как был патриkiem» (Mal. XIV. 15).

Р. Блокли изложил свою версию начала конфликта. Учёный считает, что инициаторами были сторонники «агрессивной христианской ортодоксии» при дворе, которые по традиции продолжали пропагандировать образ императора-воина [9, p. 54].

Первое вооружённое столкновение произошло в 420 г., когда Феодосию было уже 19 лет. Тем не менее в этот время всё ещё были сильны позиции его старшей сестры и стоящей за ней «партии войны» [1, с. 77]. К. Холам и вовсе утверждает, что эта война была инициативой исключительно Пульхерии [12]. Формальным поводом к конфликту послужил отказ императора выдать персидских христиан, которые попросили убежища в Восточной Римской империи. В свою очередь новый царь Вахрам задержал римских золотодобытчиков и разрешил грабить византийских купцов на своей территории. Феодосию пришлось использовать более жёсткие методы урегулирования конфликта, приказав военному магистру Ардаурию войти в Арзанену, где был разгромлен Михр-Нарсех. После этого молодой император осадил персов в Нисибисе.

В итоге, благодаря серии успешных боевых действий римской армии, Сасаниды согласились заключить с императором столетний мир (Soz. IX. 4). Существует несколько версий, почему Феодосий решил приостановить наступление своих войск. Официальная имперская пропаганда ссылалась на благородство (*ἀγαθός*) и миролюбие своего государя (Soz. VII. 20), но были и другие причины. Во-первых, в это же время, воспользовавшись ситуацией, гунны вторглись во Фракию. Во-вторых, император опасался чрезмерного усиления позиций военачальников, поддерживающих его сестру.

Константинополь к тому же использовал устоявшуюся практику почётного заложничества, приказав грузинскому царю Вараз-Бакуру прислать своего сына Мурвана ко двору императора. Помимо клятв верности царь вместе с сыном отправил в столицу мощи святых мучеников, которых убили в Персии (Vit. Petr. Iber. 8). Монашеский образ жизни Феодосия и его жены Евдокии существенно повлиял на благочестие Мурвана. В итоге он отправился в Иерусалим, где принял постриг и получил имя Петра.

Не осталась безучастной и молодая августа, которая наравне с мужем продви-

гала культ благочестивого императора: «После того, как римляне получили от Бога эту победу, многие отличавшиеся красноречием мужи писали в честь царя похвальные речи и произносили их всенародно. Да и сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что почиталась женщиной умной» (Soc. VII. 21). Есть версия, что Евдокия во время этого мероприятия была уже беременна [1, с. 80]. Не случайно Сократ Схоластик тут же отмечает, что царица сначала была язычницей, а затем перед тем как стать императрицей, её крестил епископ Аттик — этот эпизод подчёркивает ещё одну победу христианского правителя над язычниками.

Таким образом, то, что начиналось как крестовый поход, возглавляемый царицей Пульхерией, закончилось торжеством Феодосия и Евдокии и их «политикой мира».

Конфликт с Сасанидами 440 г. отражал уже специфику дипломатической политики императора. С конца 430-х гг., во время вторжения нашествия гуннов в Верхнюю Мёзию, послы и военачальники заключали с Атилиой мирные договоры, одним из условий которых была выплата ежегодной дани варварам.

Армянский историк Елишэ точной причины нападения персов на Восточную Римскую империю не называет, зато даёт информацию о том как Феодосию удалось избежать более крупных столкновений: «А блаженный кесарь Феодосий, ибо был он миролюбив во Христе, не пожелал встретить его войною, но послал к нему со множеством сокровищ мужа по имени Анатолий, который был его спарапетом Востока» (Elisha Vardapet, I. 195). Правда, по мнению армянского историка, этот способ умиротворения конфликта не принёс должного эффекта. Йездигерд II воспринял действия своего венценосного соседа как слабость и продолжил агрессивную политику, ужесточив гонения на христиан в Персии и начав вторжение в Армению.

В это время устанавливается чёткий протокол ведения дипломатических переговоров. В «Шахнаме» описывается процедура встречи византийских послов в Персии:

*«Откуда бы — из Рума иль Турана —
Ни приезжал посол в предел Ирана,
Едва марзбан об этом узнавал,
Людей послу навстречу посылал
Ночлег готовить на любой стоянке;
А ведали тем делом канаранги.
Они везли шатры, запас еды,
Чтобы посол ни в чем не знал нужды.
Когда наместник узнавал причину,
Зачем посланец едет к властелину,
Он на верблюде посылал гонца
С письмом к порогу шахского дворца.
И шахские палаты украшались.
Князья послу навстречу устремлялись,
Вдоль по дороге строились войска,
Одеты в златотканые шелка.
Владыка звать велел посла в палаты,
Сажал на золотой престол богатый.*

*Распросы вел: как имя, как дела?
Какая цель посланца привела?
Зло иль добро царит в его державе,
О шахе, о войсках его и славе.*

*Тут шах вставал. Посланца наконец
На отдых уводили во дворец.
А вечером вели в палату пира,
Сажали близ престола Ардашира.
Шах на охоту брал с собой посла.
Охота пышной, царственной была;
Домой с почетом провожал посланца.
Своим халатом награждал посланца» (Shahnameh, 218).*

Конечно, этот отрывок рассказывает о более раннем времени, но подробно описывает уровень сасанидской дипломатии. Многие из этого практиковались и в V в. – например, предоставление послам охраны, торжественные церемонии в городах, которые проезжали путники; покрытие любых расходов и т. п. Организаторами этих широкомасштабных мероприятий в сасанидском Иране были местные князья, хранители границ (марзбаны), командующий северо-восточной пограничной провинции (канаранг) и др. В Восточной Римской империи подготовкой переговоров занимались следующие лица: praefectus orbis, силентарии, сакелларии, комит частного имущества и др.

Но особую роль играл магистр оффиций [14, p. 110]. Этот факт хорошо прослеживается в описании Константином Багрянородным визита иранского посла Яздгушнаспа в византийскую столицу и в сохранившихся фрагментах «Истории» Приска Панийского. Так, Феодосий II совместно с магистром Марциалием выбирали состав посольства к гуннам (Prisc. fr. 7). Во время римско-персидского конфликта 420-х гг. ответственным за проведение переговоров был назначен Гелион (Soc. VII.20). С этого времени в источниках постоянно фигурирует упоминание магистра оффиций в качестве лица, представляющего интересы империи: Целер при Анастасии (Marcell. com. s.a. 503), Гермоген (правда Иоанн Малала указывает, что он «бывший магистр») в 532 г. (Mal. XVIII. 34, 36) и Пётр, по прозвищу Патрикий (Procop. H.a. XVI, 2-5).

Круг обязанностей магистра оффиций как посла был обширным: надзор за выполнением дипломатических протоколов, составление официальных писем для посланников, организация приёма, размещения и питания иностранных послов на территории Восточной Римской империи (Const. Porph. De Cer. 89 – 90). Кроме того, Notitia Dignitatum сообщает, что в подчинении у магистра оффиций находился корпус переводчиков (Notitia Dig. Or. IX. 46). Одновременно с этим появляется новый орган — scrinium barbarorum, отвечающий за хранение дипломатических записей (Const. Porph. De Cer. 89 – 90).

После конфликта 420-х гг. император решил сражаться с язычниками не только на поле боя, но и в идеологическом плане. В это же время к константинопольскому двору прибыл армянский просветитель Месроп Маштоц, чтобы получить разрешение на распространение своего языка. С одной стороны, это упростило бы миссионерскую деятельность христианских проповедников и ещё больше отделило бы армянский народ от персов. Но с другой – Феодосий был не удовлетворён тем, что за основу нового алфавита брались не греческие или латинские буквы, а сирийские; к тому же католикос Саак Великий пользовался расположением царя-зороастрийца Врамшапуха (Mos. Chron. III. 57).

Тем не менее, гости были приняты с подобающими почестями. Организацию переговоров взял на себя магистр magister utriusque militiae Анатолий. Сначала он сопровождал армянскую делегацию от границы в столицу, а затем после переговоров, по приказу императора, отправился с Месропом и Сааком в Армению. Там он заложил основу для строительства нового города – Феодосиполя и способствовал откры-

тию христианских школ [2, с. 160].

Выводы

V в. был беспрецедентно мирным в отношении внешней политики ранневизантийских императоров, в частности Феодосия Младшего. Отчасти этому способствовала угроза вторжения варварских племён как на территорию Восточной Римской империи, так и во владения Сасанидов. Но основной причиной этого хрупкого перемирия между двумя державами была попытка построения дипломатических отношений в конце IV – начале V в. В последующие годы император продолжал развивать эту политику. В этот период повысилась роль магистров оффиций, отмечается увеличение числа переводчиков, дипломатов и т. д.

Конец IV – начало V в. – время трансформации отношений римлян и соседних государств. Если до этого рубежа военная мощь первых устрашала последних и заставляла принимать условия империи, то теперь речь шла уже чуть ли не о паритете. Формально характер ведения дипломатии начал меняться незадолго до 378 г. Теперь Константинополь стал осознавать преимущества установления мира с Персией – это позволило сократить скопление сил на восточной границе и усилить дунайские рубежи, где бесчинствовали гунны.

Имперская дипломатия стала реальной и жизнеспособной альтернативой войне. Более того, дипломатический язык и церемонии, появившиеся в результате совершенствования имперской дипломатии, помогли создать новую идеологию взаимозависимости, которая стала альтернативой укоренившейся идеологии конфликта, существовавшей ранее. Новые структуры при дворе и накопление дипломатического опыта способствовали сохранению мира с Сасанидской империей на протяжении V столетия.

Список источников и литературы

1. *Александрова Т. Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401 – 450). СПб.: Алетей, 2018. 417 с.
2. *Болгова А. М., Денисова И. В.* К истории образования и школы в Армении IV – VII вв. // Классическая и византийская традиция. 2015: материалы IX междунар. науч. конф. Белгород: ИД Белгород, 2015. С. 157–163.
3. *Дмитриев В. А.* Борьба Римской (Византийской) империи и сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III – VII вв.). Псков: ПГПУ, 2008. 148 с.
4. *Егшише.* О Вардане и войне армянской / пер. с древнеарм. акад. И. А. Орбели. АН АрмССР; Ин-т литературы им. М. Абеяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. 192 с.
5. *Ермолова И. Е.* Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 18. С. 20–32.
6. *Марцеллин Комит.* Хроника. Белгород: ГиК, 2010. 230 с.
7. *Пикин А. В.* Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2018. № 10. С. 53–60.
8. *Barnes T. D.* Constantine and the Christians of Persia // *Journal of Roman Studies.* 1985. Vol. 75. P. 126–136.
9. *Blockley R. C.* East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds: Cairns, 1992. 283 p.
10. *Constantine VII Porphyrogenitus (Emperor of the East).* The Book of Ceremonies. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 2012. 870 p.
11. *Ferdowsi H.* Shahnameh: The Persian Book of Kings / transl. D. Davis. Viking Penguin, 2006. 886 p.
12. *Holum K. G.* Pulcheria's Crusade a.d. 421 – 422 and the Ideology of Imperial Victory //

- Greek-Roman and Byzantine Studies. 1977. № 18. P. 153–172.
13. *Ioannis Malalae Chronographia* / ed. Ioannes Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. 551 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae – Series Berolinensis, vol. 35).
  14. *Lee A. D. Treaty-Making in Late Antiquity // War and Peace in Ancient and Medieval History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 107–119.
  15. *Notitia Dignitatum* / ed. O. Seeck. Berlin: Wiedmann, 1905. 378 p.
  16. *Socrates. Ecclesiastical History* / ed. R. Hussey. Oxford: Clarendon Press, 1878. 511 p.
  17. *Sozomenus. Kirchengeschichte* / ed. G. Gh. Hasen. Berlin: Akademie Verlag, 1995. 615 p.
  18. *The Chronicle of Marcellinus: a translation and commentary: (with a reproduction of Mommsen's edition of the text)*. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995. 152 p.
  19. *The fragmentary history of Priscus: Attila, the Huns and the Roman Empire, AD 430 – 476*. Merchantville, NJ: Evolution Publishing, 2014. 194 p. (Christian Roman Empire series. Vol. 11.)
  20. *Theodoret. Kirchengeschichte*. Berlin, 1954. XXIX, 445 s. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der erstern Jahrhunderte, 44).

References

1. Aleksandrova, TL 2018, *Vizantiyskaya imperatritsa Afinaida-Evdokiya: zhizn i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniya imperatora Feodosiya II (401 – 450)* (The Byzantine Empress Athenais-Evdokia: Life and Work in the context of the Reign of Emperor Theodosius II (401 – 450)), Aleteyya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Bolgova, AM & Denisova, IV 2015, 'K istorii obrazovaniya i shkoly v Armenii IV – VII vv.' (On the history of education and schools in Armenia in the 4th -7th centuries) in *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. 2015: materialy IX mezhdunar. nauch. konf.* (Classical and Byzantine Tradition. 2015: Proceedings of the 9th International Scientific Conference), ed. N.N. Bolgov, Belgorod, pp. 157–163. (In Russ.)
3. Dmitriyev, VA 2008, *Borba Rimskoy (Vizantiyskoy) imperii i sasanidskogo Irana za preobladaniye v Peredney Azii (III – VII vv.)* (The struggle of the Roman (Byzantine) Empire and Sasanian Iran for supremacy in the Near East (3rd – 7th centuries)), PGPU publ, Pskov. (In Russ.)
4. Yuzbashyan, KN (ed.) 1971, *Egishe. O Vardane i voyne armyanskoy* (Elishe. History of Vardan and the Armenian War at the request of David Mamikonian), trans. I. A. Orbeli, Izdvo AN ArmSSR publ, Erevan. (In Russ.)
5. Yermolova, IE 2010. 'Ekonomicheskiy aspekt otnosheniy pozdney Rimskoy imperii s vneshnimi narodami' (The economical aspect of the Later Roman Empire relations with external peoples), *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 18, pp. 20–32. (In Russ.)
6. Marcellinus Comes 2010, *Khronika* (Chronicle), trans. N.N. Bolgova, BelGU, tipografiya GiK publ, Belgorod. (In Russ.)
7. Pikin, AV 2018, 'Tak nazyvayemoye zaveschaniye imperatora Arkadiya i posolstvo Marufy Mayferkatskogo' (So-called testimony of the emperor Arcadius and the embassies of Marutha of Maipherkat), *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekovaya i Vozrozhdeniya*, no. 10, pp. 53–60. (In Russ.)
8. Barnes, TD 1985, 'Constantine and the Christians of Persia', *Journal of Roman Studies*, vol. 75, pp. 126–136.
9. Blockley, RC 1992, *East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius*, Cairns publ, Leeds.
10. Reiske, J (ed.) 2012, *Constantine VII. De ceremoniis* (The Book of Ceremonies), Australian Association for Byzantine Studies publ, Canberra.
11. Ferdowsi 2006, *Shahnameh: The Persian Book of Kings*, trans. D. Davis, Viking publ.
12. Holum, KG 1977, 'Pulcheria's Crusade a.d. 421 – 422 and the Ideology of Imperial Victory', *Greek-Roman and Byzantine Studies*, no.18, pp. 153–172.
13. Ioannis Malalae 2000, 'Chronographia', *Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis 35*, Berlin, New York.

14. Lee, AD 2008, 'Treaty-Making in Late Antiquity', *War and Peace in Ancient and Medieval History*, Cambridge University Press publ, Cambridge, pp. 107–119.
15. Seeck, O (ed.) 1905, *Notitia Dignitatum*, Wiedmann publ, Berlin.
16. Hussey, R (ed.) 1878, *Socrates. Ecclesiastical History*, Clarendon Press publ, Oxford.
17. Hasen, GGh (ed.) 1995, *Sozomenus. Kirchengeschichte*, Berlin. (In German)
18. *The Chronicle of Marcellinus: a translation and commentary: (with a reproduction of Mommsen's edition of the text)* 1995, Australian Association for Byzantine Studies publ, Sydney.
19. *The fragmentary history of Priscus: Attila, the Huns and the Roman Empire, AD 430 – 476. Christian Roman Empire series* 2014, vol. 11, Merchantville NJ.
20. Theodoret 1954, 'Kirchengeschichte', *Die griechischen christlichen Schriftsteller*, Berlin. (In German)

Статья поступила в редакцию: 13.06.2024
Одобрена после рецензирования: 05.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 13.06.2024
Approved after reviewing: 05.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 930.253(98)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-30-43>

ИЗ ХАРБИНА В АРХАНГЕЛЬСК: ТРАНСПОРТИРОВКА КИТАЙЦЕВ НА МУРМАНСТРОЙКУ (1916 ГОД)

**Ольга Васильевна
Змеева**

Кольский научный центр

Российской академии наук

Апатиты, Россия, zmeyeva@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Аннотация. Цель исследования – показать возможности одной железнодорожной управленческой структуры в организации беспересадочной перевозки значительных партий китайских рабочих из Маньчжурии в Архангельскую губернию Российской империи в обстоятельствах военного времени. Рост числа трудовых мигрантов на территориях российско-китайского пограничья в начале XX в. происходил в ситуации господства этнических стереотипов, распространенных среди российского населения и властей дальневосточного фронта. Образ китайского гражданина как «чужого» препятствовал расширению межэтнических взаимодействий. Неустойчивость российской миграционной политики на Дальнем Востоке и в Сибири, негативное отношение населения к привлечению дешевого труда мигрантов из Китая, стремительное изменение этнической и социально-демографической ситуаций в стране с началом Первой мировой войны явились ключевыми факторами трансформации системы представлений о мигрантах-китайцах.

Статья опирается на документальные источники, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Карелия, в которых представлены сведения о найме и организации перевозки граждан Китая на Север Европейской территории России весной-летом 1916 г. Анализ документов, выполненный в рамках исторической антропологии, показал, что процесс вербовки, комплектования, перевозки и доставки крупных партий мигрантов на места работ был строго запланирован и организован. Впервые показано, какие способы использовала железнодорожная администрация для организации групп рабочих, для обеспечения взаимодействия китайских граждан с сопровождавшими их лицами, для решения проблем длительной транспортировки крупных партий трудовых мигрантов. Выявлены практики установления языкового контакта с китайскими рабочими. Государственные структуры были нацелены на решение бытовых проблем этнической группы. Показано, что сформированная система управляемой трудовой миграции оказала влияние на неформальную дифференциацию мигрантов-китайцев. Разграничивались мигранты, полезные для государства, и те, которые наносили вред стране. Организованные группы трудовых мигрантов, участвовавшие в промышленных, строительных и других масштабных работах, воспринимались в качестве полезных этнических сообществ.

Ключевые слова: китаец, трудовой мигрант, Мурманская железная дорога, 1916 год, этническая стереотипия, взаимодействие, организация найма, перевозка рабочих.

Благодарности: статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002

Для цитирования: Змеева О. В. Из Харбина в Архангельск: транспортировка китайцев на Мурманстройку (1916 год) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 30–43. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-30-43>

Сведения об авторе: О. В. Змеева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», 184209, Россия, Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40А.

Scientific Article
UDC 930.253(98)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-30-43>

FROM HARBIN TO ARKHANGELSK: TRANSPORTATION OF THE CHINESE TO THE MURMANSK RAILWAY CONSTRUCTION (1916)

Olga V. Zmeyeva

Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
Apatity, Russia, zmeyeva@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Abstract. The article shows how one railway management structure organized the uninterrupted transport of large batches of Chinese workers from Manchuria to the Arkhangelsk province of the Russian Empire under wartime circumstances. The growing number of labour migrants in the territories of the Russian-Chinese borderland in the early 20th century took place in a situation dominated by ethnic stereotypes prevalent among the Russian population and the authorities of the Far Eastern frontier. The Chinese citizen image as an ‘outsider’ prevented inter-ethnic cooperation. The activities of ethnic groups remained ‘enclaved’. The instability of Russian migration policy in the Far East and Siberia, the negative attitude of the population towards attracting cheap migrant labor from China, the rapid change in the ethnic and socio-demographic situations in the country with the outbreak of the First World War were the key factors in the transformation of the system of ideas about Chinese migrants.

The author refers to the documentary sources preserved in the National Archives of the Republic of Karelia, which provide information about the hiring and organization of transportation of Chinese citizens to the North of the European Russia in the spring and summer of 1916. An analysis of documents carried out within the framework of historical anthropology shows that the process of recruitment, manning, transportation and delivery of large batches of migrants to work sites was strictly planned and organized. The system for regulating workers' traffic problems was situationally adjusted to emerging needs. The article shows for the first time the methods used by the railway administration to organize groups of workers, to ensure interaction between Chinese citizens and their escorts, and to solve the problems of long transportation of large batches of migrant workers. The author was able to identify the practices of establishing language contact with Chinese workers. State structures intended to solve everyday problems of the ethnic group. They used various opportunities to regulate migrant movements. The article shows that the formed system of managed labor migration had an impact on the informal differentiation of Chinese migrants. There were migrants both useful and harmful to the country. Useful ethnic communities were organized groups of labor migrants involved in industrial, construction and other large-scale works.

Keywords: Chinese, labor migrant, Murmansk railway, 1916, ethnic stereotypy, interaction, organization of hiring, transportation of workers.

Acknowledgments: The article was supported by the federal budget on the topic of the state assignment of the RAS Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Center No. FMEZ-2024-0002.

For citation: Zmeyeva, OV 2024, ‘From Harbin to Arkhangelsk: transportation of the Chinese to the Murmansk Railway Construction (1916)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 30–43, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-30-43> (in Russ.)

Information about the Author: *Olga V. Zmeyeva* – PhD in History, Senior Research, RAS Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Center, 40A, Academgorodok, Apatity, 184209, Russia.

© Zmeyeva O. V., 2024

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Прежде всего, историко-этнографическими. Российско-китайская граница второй половины XIX – начала XX вв., как известно, не являлась существенным препятствием для приграничного населения обеих стран. Этнограф И. С. Левитов, рассказывая в одном из докладов о поездке в Забайкалье в 1900 г., обратил внимание на «совершенно новое явление» – наблюдавшуюся им массовую миграцию рабочих-китайцев, прибывших на российские территории по Забайкальской железной дороге [15, с. 5]. Во всех приграничных районах отмечался рост числа отходников и рабочих из Китая. Китайцы, будучи, по мнению И. С. Левитова, деловыми людьми, после выполнения работы непременно стремились вернуться на родину. Эта потребность «вахтовика» конца XIX – начала XX вв. осложняла миграционный контроль на российско-китайской границе.

Несмотря на внимательное отношение российских властей приграничных регионов к проблемам легализации и регулирования миграционных потоков из Китая, незаконное массовое пересечение границы китайцами остановить не удавалось [13; 27; 22; 28]. Как действовавший миграционный режим, так и ландшафтные особенности приграничных территорий облегчали задачу желающим пересечь границу: «Трудно остановить людей, которым, чтобы попасть на русский берег Амура, нужно только переплыть реку в лодке» [15, с. 36].

Неконтролируемый рост численности китайцев на приграничных территориях привел к тому, что региональные власти не могли влиять на миграционные потоки, и вынуждены были лишь устранять их последствия. Мигранты, в свою очередь, использовали всевозможные сухопутные и водные пути для переезда в Российскую Империю [24, с. 175, 179]. На приграничных территориях китайцы вовлекались во многие сферы экономики: занимались земледелием, охотой, поиском женьшеня, торговлей, строительством, врачебной деятельностью. В том числе они участвовали в нелегальном бизнесе: торговле ханшином, азартных играх, разбойничестве, незаконной расчистке участков, добыче и перепродаже золота и др. [2].

Экономические обстоятельства присутствия мигрантов связаны с демографическими показателями. И. С. Левитов в 1900 г. считал, что нет возможности достоверно определить число китайцев ни в Забайкалье, ни в районах Амура, ни в Уссурийском крае. При этом он красочно описывал масштабность этнической миграции: «Можно смело сказать, что Амур кишит китайцами» [15, с. 13]. Современные исследователи считают, что в результате изменения миграционного законодательства в 1915 г., а именно отмены паспортно-визовых ограничений, значительно увеличилось число иностранных рабочих в Сибири и на Дальнем востоке [22, с. 191]. Так, в Приамурском регионе «осенью 1916 г. работало до 70 тыс. китайских рабочих от общей численности в 165 000 китайских рабочих действовавших в России» [12, с. 466]. Для огромных территорий российского дальневосточного фронта десятки и даже сотни тысяч иностранных граждан в качестве трудового ресурса были полезны.

Для российского государства привлечение китайцев снимало проблему недостатка рабочих рук. Ключевое качество китайской миграции заключалось в ее дешевизне. Некоторые исследователи утверждают, что азиатский труд в России только казался таковым. Смещение исследователями понятий «заработная плата» и «стоимость труда» привело к тому, что азиатский труд часто оценивался как дешевый [см. 26, с. 102]. Однако анализ расходов рабочих на питание, например, практически уравнивал чистый заработок русского подданного и китайского гражданина. Причина – таможенные пошлины на продукты «заграничного происхождения», которые потребляли иностранцы [26, с. 103]. Кроме дешевизны затрат на китайский труд учитывалась и дешевизна производимых китайцами продуктов. В целом, дешевизна

«желтого» труда – это основа, на которую нанизываются все представления о качествах и способностях китайских «вахтовиков» рубежа XIX – XX вв.

Система стереотипов – еще один важный фактор, влиявший как на изменение миграционного законодательства, так и на взаимодействия представителей местного и пришлого населения¹. Азиатские рабочие имели преимущества перед российскими рабочими. Трудовая конкуренция выходцев из Китая обычно оценивается как успешная, что связано с представлениями о массовости, сплоченности, организованности китайцев; их неприхотливости в питании, проживании; практическом отсутствии пьянства; нежелании оседать на местах работы, острой потребности в возвращении на родину. А. А. Панов обратил внимание на то, что российские работодатели предпочитали выбирать китайцев для работы в тех сферах, в которых русские рабочие традиционно находились вне конкуренции: «...где требуется ловкость и сноровка или более высокая напряженность работы. Но русские рабочие, в противоположность китайцам, не организованы. У них нет артелей, которые, были бы ответственны перед работодателем за правильность и срочность исполнения работы, а потому китайцам и оказывается предпочтение» [23, с. 57–58]. При всем разнообразии этнографических, исторических, статистических и художественных описаний, в которых отражены взаимодействия русских и китайских поданных, образ Китая и китайцев в российском сознании оставался «стереотипно-схематическим» [см., напр.: 25, с. 11].

Итак, стереотипы возникали и закреплялись вокруг трудовых характеристик китайских граждан, в целом характерных для групп этнически «чужих». Стереотипный набор характеристик мигранта-китайца начала XX в. во многом соответствовал образу и представлениям о деятельности транснационального мигранта рубежа XX – XXI в. [см., напр.: 1; 16].

Перемещения и деятельность множества китайских граждан в приграничных дальневосточных российских регионах во второй половине XIX – начале XX вв. имели серьезные последствия как для русских колонистов, так и для региональных властей. Закрепление, воспроизведение и расширение терминологии, связанной с использованием определителя «желтый» («желтый труд», «желтая раса», «желтолицый») в быту и документообороте, спровоцировали объединение разных этнических групп в одну, квазиэтническую. Ее основой, по всеобщему представлению, стали китайцы. Рассуждениям о «желтой проблеме», затем о «желтой опасности» прочно сопутствовала идея об угрозе безопасности России именно со стороны Китая и проживавших в нем «китайцев». Подтверждением служит активное участие представителей администрации приграничных регионов в общественной дискуссии по «желтой проблеме» [см. 6; 9]. В работах начала XX в., авторы которых предлагали решение «желтого вопроса», китайцев определяли как основной источник опасности [см., напр. 5].

Китайские трудовые мигранты, фактически свободно (часто нелегально) перемещавшиеся через границу, с которыми не представлялось возможным конкурировать экономически, оставались культурно «чужими». Как отмечали исследователи, китайцы не интегрировались в российское общество, создавая анклав и сохраняя «китайскость»: «Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещенных китайцев, но не обрусевших... Ни в строе жизни, ни в обычаях, ни в одежде, ни в привычках христианин-китаец не изменяется. И какие бы усилия не применялись, китаец навсегда останется китайцем» [2, с. 242–243]. То же наблюдалось в городах: «Китайские кварталы в городах русского Дальнего Востока, как это обычно и происходит с поселениями китайцев за границей, воспроизводили традиционный китайский уклад жизни, практически не испытывая культурного влияния принимающей страны и оставаясь глубоко чужеродной средой для остальных горожан» [21, с. 56]. Культурная чужеродность и экзотичность этой условной этнической группы для

многих регионов России лишь упрочивали представления о «желтой опасности» и в конечном итоге сформировали комплекс «врага с Востока», этническим воплощением которого оказались китайцы [10].

Первая мировая война изменила принятые социальные, экономические и политические условия. С началом военных действий и мобилизации населения в России, значительно возросла потребность в замещении внутренних трудовых ресурсов на внешние. Китай предлагал в большом количестве дешевую рабочую силу, которая могла быть вовлечена в разнообразные сферы российской экономики [см., напр., 30, с. 23–24]. Российская же сторона проявляла интерес к использованию организованного и дешевого «желтого труда» в условиях роста спроса на трудовые ресурсы. В результате экономические потребности государства разрешались при помощи ослабления миграционного законодательства. Потенциальная агрессия со стороны азиатских народов перестала быть актуальной. Проблемы, которые еще недавно множились вокруг известной угрозы, и терзали российское руководство, утратили «прежнюю остроту» [24, с. 178], а о надвигающейся «желтой опасности забыли» [14, с. 21].

Таким образом, в короткий период как будто осуществилась искусственно-принудительная и планомерно-организованная коррекция ранее сформированного этнического образа. С началом Первой мировой войны претензии к деятельности китайских граждан в приграничных районах сохранялись со стороны и властей, и местных жителей. То же касается образа этнически «чужого» китайца, хотя характеристики «желтого» гражданина как вражеского, опасного, угрожающего несколько смягчились.

Сформированная структура представлений о китайцах («желтых») как будто не изменилась, однако оценка отдельных качеств иностранцев подверглась трансформации. Способность китайцев работать коллективно и создавать крупные артели, неприхотливость, адаптивность, охотное согласие на любую работу, дешевизна их труда – все эти свойства на протяжении десятилетий подавались как негативные, поскольку составляли основу конкуренции русским рабочим в пограничье [об этом см., напр., 9, с. 74]. Эти же «особенности» в период острого спроса на рабочую силу стали аргументами в пользу массового привлечения трудовых мигрантов из Китая в Россию. Китайская миграция теперь всячески поощрялась российским государством: отменялись паспортно-визовые ограничения, был облегчен порядок найма, введены льготы на ввоз рабочих и т.д. [7, с. 212; 12, с. 467].

Высокий российский спрос на дешевую рабочую силу сформировал очаги распределения китайцев внутри государства. География китайской миграции расширялась, иностранные рабочие были востребованы на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале и в регионах Европейской России [14, с. 67; 24, с. 178; 30, с. 11].

Таким образом, существовал комплекс связанных этносоциальных проблем российского-китайского взаимодействия конца XIX – начала XX вв. С одной стороны, миграционная политика Российской империи в отношении дальневосточного фронта была изменчивой, непостоянной. С другой стороны, система восприятия мигрантов противостояла культурной стабилизации в отношениях между этническими группами. За несколько десятилетий до начала Первой мировой войны в стране создавались и поддерживались стереотипы, связанные с китайской экспансией, и в целом с опасностью азиатского населения для россиян (по терминологии В. И. Дятлова – «русской версии общемировой ксенофобии» [10, с. 27]). С третьей стороны, сложившуюся систему этносоциальных представлений и взаимодействий между китайскими мигрантами и условно российскими колонистами на пограничных территориях нарушили производственно-экономические потребности российского государства, которые вызвали увеличение миграционных потоков ино-

странных рабочих, в том числе из Китая. В период Первой мировой войны изменились представления об отдельных азиатских народах. Ключевыми факторами стали военные обстоятельства, мобилизация российских граждан, рост спроса на рабочую силу, приспособление законодательства под экономические потребности государства.

Материалы и методы

Цель работы – показать, каким образом в условиях Первой мировой войны, сопровождаемых стереотипным восприятием «желтых» и оценкой их труда, осуществлялась организация найма и транспортировка «экзотических» рабочих из Китая на территорию Европейского Севера России для участия в строительстве важного стратегического объекта.

Документальную основу статьи составили материалы Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК). В фондах архива сохранились документы, содержащие сведения о найме и транспортировке граждан Китая на строительство Мурманской железной дороги в 1916 г.² Несмотря на то, что исследователи, занимавшиеся историей Европейского Севера России, обращали внимание на использование труда китайцев на железнодорожных работах во время Первой мировой войны [см., напр.: 3; 8; 29], изучение отдельных вопросов найма и транспортировки трудовых мигрантов в рамках исторической антропологии не проводилось.

Результаты

Одним из крупнейших нанимателей китайских граждан в период Первой мировой войны было Управление работ по постройке Петрозаводск-Сорокской и Мурманской железных дорог (далее – Управление). Подготовка к летнему строительному сезону 1916 г. сопровождалась острой нехваткой рабочих. В отчете о строительстве Мурманской железной дороги сообщалось, что поиск рабочей силы оказался весьма затруднительным, так как «ближайшие ее источники и рынки были использованы» [17, с. 70]. Невозможность нанять русских рабочих³ сопровождалась распространением информации о положительном опыте использования китайцев в железнодорожном строительстве на Дальнем Востоке, об их профессиональном статусе в этой сфере. Упоминалось о «выдающихся качествах китайцев» в выполнении земляных работ [17, с. 70]. Стереотип эффективного китайца-землекопа⁴ в кругу железнодорожного руководства сформировался в процессе создания Китайско-Восточной и Амурской железных дорог (соответственно, 1897 – 1903 гг. и 1907 – 1915 гг. постройки). Поэтому и интерес к квалификационному уровню потенциального рабочего, сфере его деятельности агенты по найму не проявляли. Для них все нанятые китайцы – это «гарантированные землекопы» [18, л. 38]⁵.

В апреле-мае 1916 г. Управлением постройки принято решение о найме десяти тысяч китайских рабочих. Окончательная цифра обусловлена предварительными расчетами с опорой на возможности железной дороги обеспечить беспересадочную транспортировку указанного количества рабочих из китайского Харбина до российского Архангельска в ограниченный промежуток времени [11]. 7 мая 1916 г. в Китай был командирован агент М. Ф. Черниховский «для организации найма и отправки из Харбина до Архангельска китайских рабочих...» [18, л. 2]. В середине мая на Дальний Восток были отправлены и другие агенты Управления. Они занимались приобретением этнографических предметов, повседневно используемых китайцами и необходимых им, по мнению руководства, для жизни по прибытии на место работ⁶. Вещи, удовлетворявшие социально-бытовые потребности, должны были напоминать рабочим «привычную обстановку». Китайцев обеспечивали «особыми решетками для изготовления хлеба по китайскому способу, чашками и палочками для еды, особой обувью (кожаные башмаки и суконные туфли), теплой одеждой и проч.» [17, с. 70].

Китайцев, как и других рабочих Мурманстройки, нанимали на шесть месяцев. Срок окончания работ был оговорен – 1 ноября 1916 г., но китайцам позволялось продлить договор до 1 января 1917 г. По истечении указанного срока Управление дорог, выполнявшее функции работодателя, имело обязательства перед Китайским государством вернуть иностранных граждан на родину (обеспечивая транспорт, питание и сопровождение).

Вербовка рабочих организовывалась при дополнительно нанятых на китайской стороне агентах-подрядчиках – как русских, так и китайских. Обычно договор с рабочими заключали на железнодорожных станциях в разных провинциях и областях. Китайцев нанимали большими партиями, ежедневно вербовалось до 1000 человек [см., напр., 4, л. 67]. К каждой группе прикреплялся сопровождающий. Он должен был направлять свою группу на первоначальный медицинский осмотр, который необходимо было производить на месте, то есть на той станции, где рабочий был вербован. Для этих целей на ту или иную станцию специально приглашался врач.

Однако прием иностранцев одновременно на нескольких станциях большими партиями приводил к серьезным проблемам. Заведующий наемкой китайский рабочих, упомянутый выше М. Ф. Черниковский в одном из заявлений, в июне 1916 г., сообщал: «На станции Куанчензцы будет скапливаться от 500 до 1000 рабочих ежедневно и это обстоятельство обязывает меня иметь там помещение для рабочих, каковые в короткий срок устроить не представляется возможным» [4, л. 67].

В результате для временного размещения рабочих на станциях начали использовать чумные бараки, которые принадлежали Китайско-Восточной железной дороге (далее – КВЖД). Эти помещения арендовались по договоренности Управлений КВЖД и Мурманской железной дороги. Временное пребывание китайцев на местах найма объяснялось необходимостью первоначального медицинского осмотра, по результатам которого производился отбор готовых к дальнейшей отправке.

Сформированные на станциях группы отправлялись в Харбин. Именно он являлся местом, откуда начинался запланированный беспересадочный путь китайцев из Маньчжурии в Архангельск. Там концентрировались все нанятые для нужд Мурманстройки рабочие. В пунктах размещения на ст. Харбин, они вторично подвергались медицинскому осмотру «причем китайцы мылись в бане, и получали новое платье, а старое дезинфицировалось или сжигалось» [20, л. 57 об.]. Процедуру дезинфекции проходили и все вещи, которые китайцы «желали взять с собой» [17, л. 70].

Для отправки рабочих по железной дороге в период с 1 по 25 июня 1916 г. ежедневно в Харбин направлялись десять вагонов. Количество отправленных рабочих зависело от типа поезда, к которому присоединяли вагоны [об изменении правил комплектования поездов для отправки рабочих см. напр.: 30, с. 19–20]. Их могли прицеплять к «товаро-пассажирским поездам» [18, л. 5–5 об.]. В таком поезде китайцев размещали партиями по 300 – 400 человек. Другой способ – соединение выделенных вагонов с маршрутными поездами. В этом случае количество рабочих в партии составляло до 600 человек [20, л. 56].

Таким образом, поезд смешанного типа под № 21 отправлялся из Харбина и следовал через станции Маньчжурия, Иркутск, Красноярск, Омск, Екатеринбург, Вятка, Вологда – в Архангельск. Из десяти выделенных вагонов девять были «приспособлены под перевозку людей, и один крытый вагон для клади по расчету не более двух пудов на человека» [18, л. 11, 88].

Посадка в вагоны производилась по медицинским документам, а также по накладным, которые составлялись на всю партию. Облегченные условия найма и особые законодательные льготы распространялись, как известно, на организованные группы китайских рабочих [12, с. 467; 7, с. 243]. В одной накладной был пред-

ставлен список китайцев, размещенных в одном вагоне. Группы, таким образом, формировались по заранее составленным спискам.

С каждой партией, отправленной из Харбина в Архангельск, ехал один сопровождающий (эти функции выполняли конторщики). Он отвечал в целом за транспортировку и, в частности, за доставку рабочих до конечного пункта, то есть до Архангельска. Сопровождающий был обязан телеграфировать начальству о движении партии из всех крупных станций. Кроме него, каждой группе рабочих полагался один китайский стражник, один доверенный подрядчика (он же русский десятник, стражник), один старший рабочий и один переводчик [18, л. 24; 17, с. 70].

Внутри партий из китайских граждан выделяли одного старшего рабочего и одного стражника. Стражнику полагалось иметь оружие, он был вооружен, как правило, пистолетом. В функции китайского стражника входило соблюдение внутреннего порядка. Эта обязанность вменялась ему, прежде всего потому, что он знал китайский язык. Китайский стражник подчинялся, с одной стороны руководству партии (т.е. сопровождающему), с другой стороны, русскому стражнику. Таким образом, из завербованных рабочих формировалась команда китайских стражников. От других рабочих внутри поезда ее отличала, прежде всего, униформа. Всем остальным в партии выдавалась однообразная одежда, которая обязательно имела штамп Мурманской железной дороги. Обязанности стражника оплачивались сразу – ему назначали месячное жалованье в размере 25 руб., а также дополнительно суточные (1 руб.) [18, л. 21]. Однако по прибытии в район стройки стражник и старший рабочий не сохраняли свои «должности», часто их переизбирали начальники на местах.

Помимо специальной маркированной одежды китайским рабочим полагались вещи, «купленные в Китае и привезенные на линию» (костюмы серые/белые, носки, кепки, пояса, полотенца, улы, туфли, костюмы ватные, шапки ватные, рукавицы меховые, носки ватные/меховые, одеяла ватные, циновки для постелей). Кроме того, они получали с собой кухонную утварь (ситы, котлы чугунные, тазики, чашки каменные, ложки большие/маленькие, вилки/палочки, чайники, ведра для супа), корытца, корзины.

Вместе с рабочими в поездах перемещались и «продукты китайского питания из Китая» (масло бобовое, перец, чеснок, соя, горошек зеленый, фасоль, сода) [19, л. 41–51]. По пути от Харбина до Екатеринбурга рабочие обеспечивались продовольствием. Расчет сохранялся следующий: получать горячую пищу один раз в сутки. Провиант заготавливался «на переселенческих питательных пунктах» [17, с. 70–71]. Такая же схема была разработана и на участках пути от Екатеринбурга до Архангельска. Для обеспечения горячим питанием рабочих в поездах, на крупных станциях (Екатеринбург, Вятка, Вологда) нанимались помощники.

Руководство предполагало, что при транспортировке иностранных граждан по территории России возникнут этно-социальные противоречия, во-первых, между перевозимыми китайцами и российскими гражданами на остановках, во-вторых, связанные с внутренними разногласиями среди групп рабочих. Главными были языковые проблемы. Преодолевать их в пути следования из Китая в районы Архангельской губернии должны были студенты. Первоначально планировалось сопровождение поездов студентами, говорящими по-китайски. Требовалось 25 человек, по одному студенту на каждую партию рабочих. Этот план оказался нереализованным из-за отсутствия нужного числа сопровождающих. Предлагалось использовать труд отдельных «студентов-восточников», командированных на практику и размещенных на станциях Маньчжурия, Иркутск, Красноярск, Омск, Екатеринбург, Вятка, Вологда, Архангельск. На них возлагались обязанности заготовки продовольствия и обеспечения рабочих пищей, а также вербальное взаимодействие с представителями

местной администрации в случаях жалоб со стороны китайцев или возникновения санитарных и прочих проблем [18, л. 28, 61].

Еще одной проблемой, которая сопровождала каждую партию в пути, являлось переманивание рабочих в другие отрасли экономики. Ситуация виделась руководству особенно тяжелой по дороге в дальневосточных и сибирских районах. Там промышленники организовывали целые компании для перевербовки китайцев. Как только в месте остановки поезда создавалось скопление рабочих, рядом возникали лица, которые занимались промышленной пропагандой. Строительным Управлением по линии следования партий рабочих было разослано предупреждение: «...В крупных центрах по линии Сибирских жж. дд., как то в Чите, Иркутске, Челябинске существуют особые комиссионеры, которые появляются к поездам и, высмотрев следующих в них китайских рабочих, сманивают их с целью наемки для золотых приисков, копей и пр. частных промышленных предприятий» [18, л. 8].

Поскольку транспортировка рабочего из Китая в Архангельск стоила Управлению серьезных затрат (доставка одного человека оценивалась в 90 руб.), администрации потребовалась принимать меры по пресечению каких-либо взаимодействий проезжающих иностранцев с посредниками в местах остановок. Одно из оперативных решений – изоляция вагонов с китайцами на крупных станциях, усиление жандармско-полицейского надзора на стоянках на всем протяжении пути (особенно от станции Маньчжурия до Урала). Путь из Китая через всю страну в Архангельскую губернию и без того сопровождался некоторыми потерями рабочих (заболевших снимали с поезда, были случаи побегов), так что проблема перехода китайцев на другие работы на полпути серьезно волновала Управление.

Для того, чтобы прервать поездку китайского рабочего в район Европейского Севера России, агитаторы использовали военные слухи. Особый успех имели разговоры, поясняющие китайцам, что везут их не на стройку, а «на войну, в окопы, на передовые позиции» [18, л. 84].

Управление призывало все ответственные структуры особо контролировать побег и переходы китайцев к другим работодателям. Утрата рабочих рук являлась более значимой, чем финансовые потери. Потребность сохранить состав транспортируемых рабочих, не допустить потерю рабочей силы администрация аргументировала военными обстоятельствами и условиями «исключительной спешности», в которых происходило строительство Мурманской железной дороги.

В период с 23 мая по 25 июля 1916 г. Управление организовало перевозку из Харбина в Архангельск 23 партий китайских рабочих (всего 9 246 человек) [11]. Каждая партия проводила в пути от 22-х до 30-ти дней. В Архангельск прибыло 5 857 человек, которые впоследствии были отправлены на строительные участки.

Заключение

Анализ архивных материалов показал, что железнодорожная перевозка рабочих из Китая в Россию была строго регламентирована. Руководством производился подробнейший учет каждой отправленной из Харбина в Архангельск партии китайцев. Составление беспересадочного железнодорожного маршрута основывалось не только на знаниях о железнодорожной системе России и Китая, но и на транспортных возможностях, которые могли быть реализованы на разных участках железных дорог Дальнего Востока, Сибири, Урала, Северо-Европейской части России. Отправка людей большими группами, исчисляемыми сотнями людей, требовала высокого уровня организации бытового, социального и медицинского сопровождения. Система представлений о характере, поведении, предпочтениях, опасности китайцев, сформированная обществом в начале XX в. на пограничной российско-китайской территории, сопровождала этническую группу и на рабочих местах в период Первой мировой войны. Вместе с тем потребность в рабочей силе и высокий спрос на рабо-

чих-китайцев, способствовали своеобразной дифференциации мигрантов. В самом примитивном виде разграничивались мигранты, полезные для государства, и те, которые наносили вред стране. К первым относились трудовые мигранты. Во вторую категорию объединялись бандиты, шпионы, нелегальные мигранты, приграничные торговцы (распространители опасных товаров).

Война, нужда в рабочей силе, сжатые сроки строительства дороги, законодательные возможности создания управляемой миграции, – под влиянием всех этих факторов трансформировались образы «врага» и «желтой опасности», что позволило организовать легальные массовые перемещения китайских граждан в Россию.

Примечания

1. Мы принимаем во внимание изменения российского законодательства в области регулирования миграции в регионах, граничащих с Китаем. Тем не менее, полагаем, что данное обстоятельство если и сказывалось, то незначительно на устойчивых представлениях о мигрантах принимающего населения и представителей власти.
2. Строительство Мурманской железной дороги (сокращенное название – Мурманстройка) осуществлялось одновременно на трех участках: Петрозаводск – Сорока (март – декабрь 1915 года); Сорока – Кандалакша (сентябрь 1915 – ноябрь 1916 года); Кандалакша – Мурман (июнь 1915 – апрель 1916 года). Построенные в 1913 – 1917 годах железнодорожные линии Званка – Петрозаводск, Петрозаводск – Мурманск позволили соединить Кольский полуостров (Александровский уезд Архангельской губернии) с Олонецкой и Санкт-Петербургской (Петроградской) губерниями. По завершении строительства эти линии были объединены с Петроградским железнодорожным узлом и составили единую магистраль, получившую уже известное ранее наименование – Мурманская железная дорога.
3. Определитель «русские» здесь и далее не указывает на принадлежность граждан к определенной этнической группе. Называя рабочих русскими, мы соглашаемся с предложением рассматривать эту группу рабочих в качестве обладателей общеимперского русского подданства. Уточнение приведено в одном из примечаний «Краткого очерка постройки железной дороги на Мурманск...» (1916 г.) При этом «в этническом отношении вольнонаемные рабочие принадлежали к различным группам» [17, с. 71 (примечание *)].
4. В «Кратком очерке постройки...» упоминается о найме маньчжурских рабочих-землекопах. Авторы упоминают о двух группах: китайцах и маньчжурах. Однако затем всех рабочих объединяют в одну группу, называя их китайцами. Никаких указаний, распределяющих «китайцев» на этнические или локальные группы, в документах нам пока не встречалось. По всей видимости, их объединяли в одну категорию «китайцы» по аналогии с русскими рабочими. Таким образом, осуществлялось разделение групп: на рабочих – российских подданных, и рабочих – граждан других государств. Таким образом, «китайцы» – это подданные Китайского государства. Квазиэтноним «китайцы» в архивных материалах употреблялся повсеместно. Если же в документах приводились упоминания о других группах (например, корейцах), использовались обобщенные определители «желтые», «желтолицые», вероятно, как своего рода локальный маркер метаэтнической (азиатской) общности.
5. В указ. статье М. В. Ходякова и Ч. Чжао приводятся сведения о снабжении китайцев в Харбине необходимыми вещами. Среди одежды и посуды авторы отмечают самый «главный инструмент», которым обеспечивали китайцев, – лопаты [30, с. 21].
6. Прибывшие в Архангельск из Харбина китайцы далее были распределены по строительным участкам Архангельской губернии: часть рабочих отправлена на строительство линии от Кандалакши до Колы (3500 человек), часть – на возведение железнодорожного пути от Сороки до Кандалакши (5100 человек) [20, л. 56]. Учитывая географические условия (Север и Крайний Север), социальное окружение (базовое отсутствие других, принимающих китайцев, в районе строительства), бытовую необеспеченность (проживание во временно-устроенных бараках), заботой руководства о потребностях этнических групп было сгладить социальную напряженность в обстоятельствах географически, социально и этнически далеких для китайцев условий пребывания.

Список источников и литературы

1. *Абашин С. Н.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.

2. *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае ; Нансен Ф.. В страну будущего. М.: Крафт+, 2004. 352 с. Ранее опубликовано: Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае : очерк ист.-этногр. Хабаровск: тип. Канц. Приамур. ген.-губернатора, 1914. 208 с.
3. *Голубев А. А.* Мурманская железная дорога: история строительства (1894 – 1917 гг.) : монография. СПб.: Петербург. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
4. Государственное бюджетное учреждение Республики Карелия "Национальный архив Республики Карелия" (НА РК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 10/71.
5. *Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : отчет уполномоч. М-ва иностр. дел В. В. Граве. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 489 с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции ; вып. 11).
6. *Гузей Я. С.* «Желтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в кон. XIX – нач. XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гузей Яна Сергеевна. СПб., 2014. 248 л.
7. *Дацьшен В. Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации : монография. Красноярск: СФУ, 2008. 306 с.
8. *Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А.* Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918 : монография. СПб.: Нестор- История, 2017. 432 с.
9. *Дятлов В. И.* Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 63–89.
10. *Дятлов В. И.* Экзотизация и «Образ врага»: синдром «Желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2 (20), т. 1. С. 23–41.
11. *Змеева О. В.* Трудовые мигранты на Мурманстройке: размышления антрополога о численности китайцев // Труды Кольского научного центра РАН. Сер.: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 30–35.
12. *Изаксон Р. А.* Правовые аспекты использования труда мигрантов в период Первой мировой войны // Образование и право. 2023. № 6. С. 464–469.
13. *Кабузан В. М.* Как заселялся Дальний Восток: (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск: Кн. изд-во, 1973. 192 с.
14. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Вост. книга, 2009. 512 с.
15. *Левитов И. С.* Желтая раса. 1. Триумфальное шествие китайцев в Россию. 2. Эмиграция китайских чернорабочих (кули) в новый свет. 3. Что делать? СПб.: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1900. 49 с.
16. *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX–XXI веков : [сб. ст.] / науч. ред. В. И. Дятлов.* Иркутск: Отгиск, 2010. 640 с.
17. *Мурманская железная дорога.* Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Изд. Упр. по постройке Мурман. ж. д., 1916. 204 с.
18. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561.
19. НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 72/587.
20. НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 104/813.
21. *Нестерова Е. И.* Атлантида городского масштаба: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 44–58.
22. *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России : (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
23. *Панов А. А.* Желтый вопрос в Приамурье : ист.-стат. очерк. СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1910. 66 с.
24. *Позняк Т. З.* Миграционные режимы российско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 174–179.
25. *Сенина Е. В.* Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской литературе и публицистике первой половины XX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сенина Екатерина Владимировна. Благовещенск, 2018. 246 с.

26. Синиченко В. В. Влияние таможенного обложения и паспортно-визовых правил на стоимость «желтого труда» в дореволюционной России // Известия ИГЭА. 2003. № 3-4 (36-37). С. 102–105.
27. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
28. Сорокина Т. Н. К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского университета. Сер.: История. Краеведение. Этнология. Археология. 2004. № 281. С. 66–69.
29. Трошина Т. И. «Желтый труд» на Европейском севере. Привлечение китайских рабочих на строительство Мурманской железной дороги и порта // Мурманск в истории Российской государственности : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Сократ, 2016. С. 156–161.
30. Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

References

1. Abashin, SN 2004, 'Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokalnyye soobshchestva, transnatsionalizm' (Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism), *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), no. 4, pp. 3–13. (In Russ.)
2. Arsenyev, VK 2004, 'Kitaytsy v Ussuriyskom kraye. F. Nansen. V stranu budushchego' (The Chinese in the Ussuri region) in *V stranu budushchego* (To the land of the future), F. Nansen, Kraft+ publ, Moscow. (In Russ.)
3. Golubev, AA 2011, *Murmanskaya zheleznaya doroga. Istoriya stroitelstva (1894 – 1917 gg.)*. (Murmansk Railway. The history of construction (1894–1917)), Peterburg. gos. un-t putey soobshcheniya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Respubliki Kareliya "Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya" (NA RK) (State Budgetary Institution of the Republic of Karelia "National Archive of the Republic of Karelia"), fund 320, inventory 3, file 10/71. (In Russ.)
5. Grave, VV 1912, 'Kitaytsy, koreytsy i yaponsy v Priamurye: Otchyot upolnomochennogo Mva inostr. del V.V. Grave' (Chinese, Koreans and Japanese in the Amur region: Report of the V.V. Grave, Commissioner of the Ministry of Internal Affairs), *Trudy komandirovannoy po vysochayshemu poveleniyu Amurskoy ekspeditsii* (Proceedings of the Amur Expedition sent by Imperial order), no. 11, tip. V. F. Kirshbauma publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Guzey, YaS 2014, «Zheltaya opasnost»: predstavleniya ob ugroze s Vostoka v Rossiyskoy imperii v kon. XIX – nach. XX vv. (The Yellow Peril: perceptions of the threat from the East in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries), PhD thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Datsyshen, VG 2008, *Kitaytsy v Sibiri v XVII-XX vv.: problemy migratsii i adaptatsii*. (The Chinese in Siberia in the 17th - 20th centuries: problems of migration and adaptation), SFU publ, Krasnoyarsk. (In Russ.)
8. Dubrovskaya, EYu & Korablyov, NA, 2017, *Kareliya v gody Pervoy mirovoy voyny: 1914–1918*. (Karelia during the First World War: 1914-1918), Nestor–Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Dyatlov, VI 2000, 'Migratsiya kitaytsev i diskussiya o «zheltoy opasnosti» v dorevolyutsionnoy Rossii' (Chinese migration and the 'yellow peril' debate in pre-revolutionary Russia), *Vestnik Evrazii* (Acta Eurasica), no. 1 (8), pp. 63–89. (In Russ.)
10. Dyatlov, VI 2014, 'Ekzotizatsiya i «Obraz vruga»: sindrom «Zheltoy opasnosti» v dorevolyutsionnoy Rossii' (Exotization and "The Enemy Image": The Syndrome Of "Yellow Peril" in pre-revolutionary Russia), *Ideas and Ideals*, no. 2(20), vol. 1, pp. 23–41. (In Russ.)
11. Zmeyeva, OV 2024, 'Trudovyye migranty na Murmanstroyke: razmyshleniya antropologa o chislennosti kitaytsev' (Migrant workers at Murmanstroyka: reflections of an anthropologist on the number of Chinese), *Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennyye i gumanitarnyye nauki* (Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Natural Sciences and Humanities Series), vol. 3, no. 2, pp. 30–35. (In Russ.)

12. Izakson, RA 2023, 'Pravovyye aspekty ispolzovaniya truda migrantov v period Pervoy mirovoy voyny' (Legal aspects of the use of migrant labor during the First World War), *Education and Law*, no. 6, pp. 464 – 469. (In Russ.)
13. Kabuzan, VM 1973, *Kak zaselyalsya Dalniy Vostok: (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka)* (How the Far East was settled: (second half of the 17th – beginning of the 20th centuries)), Kn. izd-vo publ, Khabarovsk. (In Russ.)
14. Larin, AG 2009, *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost* (Chinese migrants in Russia. History and modernity), Vost. Kniga publ, Moscow. (In Russ.)
15. Levitov, IS 1900, *Zholtaya rasa* (The Yellow race), vol. 1. Triumfalnoye shestviye kitaytsev v Rossiyu (The triumphal Chinese march the to Russia.), vol. 2. Emigratsiya kitayskikh chernorabochikh (kuli) v novyy svet (Emigration of Chinese laborers (coolies) to the new World), vol. 3. Chto delat? (What is to be done?), tip. inzh. G.A. Bernshteyna publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Dyatlov, V (ed) 2010, *Migratsii i diaspory v sotsiokuturnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* (Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. The frontiers of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries), Ottisk publ, Irkursk. (In Russ.)
17. *Murmanskaya zheleznaya doroga. Kratkiy ocherk postroyki zheleznoy dorogi na Murman s opisaniyem yeye rayona* (Murmansk Railway. A brief sketch of the construction of the railway to Murmansk with a description of its area) 1916, Izd. Upr. po postroyke Murman. zh. d. publ, Petrograd. (In Russ.)
18. NA RK, fund 320, inventory 3, file 70/561. (In Russ.)
19. NA RK, fund 320, inventory 3, file 72/587. (In Russ.)
20. NA RK, fund 320, inventory 3, file 104/813. (In Russ.)
21. Nesterova, EI 2008, 'Atlantida gorodskogo masshtaba: kitayskiye kvartaly v dalnevostochnykh gorodakh (konets XIX – nachalo XX v.)' (Atlantis of the urban scale: Chinese quarters in Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)), *Etnograficheskoe Obozrenie* (Ethnographic Review), no. 4, pp. 44–58. (In Russ.)
22. Nesterova, EI 2004, *Russkaya administratsiya i kitayskiye migranty na yuge Dalnego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* (Russian administration and Chinese migrants in the South of the Russian Far East : (second half of the 19th – early 20th centuries)), Izd-vo Dal'nevost. un-ta publ, Vladivostok. (In Russ.)
23. Panov, AA 1910, *Zholtyy vopros v Priamurye* (The yellow issue in the Amur region), tip. F. Vaysberga i P. Gershunina publ, St. Petersburg. (In Russ.)
24. Poznyak, TZ 2011, 'Migratsionnyye rezhimy rossiysko-kitayskoy granitsy na Dalnem Vostoke vo vtoroy polovine XIX- nachale XX v.' (Migratory Modes of the Russian-Chinese Border in the Far East at the Second Half of the 19th- the Beginning of the 20th Centuries), *Izvestiya of Altai State University*, no. 4-1, pp. 174–179. (In Russ.)
25. Senina, EV 2018, *Obrazy vzaimnogo vospriyatiya russkim i kitaytsev v russkoy literature i publitsistike pervoy poloviny XX v.* (Images of mutual perception of Russians and Chinese in the Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the 20th century), PhD thesis, Blagoveshchensk. (In Russ.)
26. Sinichenko, VV 2003, 'Vliyaniye tamozhennogo oblozheniya i pasportno-vizovykh pravil na stoimost' «zhelтого труда» v dorevolyutsionnoy Rossii' (Influence of imposition of customs duties and passport and visa rules on cost of «yellow labor» in pre-revolutionary Russia), *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, no. 3–4 (36–37), pp. 102–105. (In Russ.)
27. Solovyov, FV 1989, *Kitayskoye otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v epokhu kapitalizma (1861–1917 gg.)* (Chinese seasonal work in the Russian Far East during the era of capitalism (1861–1917)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
28. Sorokina, TN 2004, 'K voprosu o vyrabotke immigratsionnogo zakonodatel'stva dlya dal'nevostochnykh oblastey Rossii v kontse XIX – nachale XX v.' (On the development of immigration legislation for the Russian Far Eastern regions in the late 19th – early 20th centuries), *Vestnik Tomskogo universiteta. Ser.: Istoriya. Krayevedeiye. Etnologiya. Arkheologiya*, no. 281, pp. 66–69. (In Russ.)
29. Troshina, TI 2016, '«Zholtyy trud» na Yevropeyskom severe. Privlecheniye kitayskikh rabochikh na stroitel'stvo Murmanskoy zheleznoy dorogi i porta' ("Yellow labor" in the

European North. Attracting Chinese workers to the construction of the Murmansk Railway and port), *Murmansk v istorii Rossiyskoy gosudarstvennosti. Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Murmansk in the history of Russian statehood : collection of reports of the international scientific and practical conference), Socrat publ, Yekaterinburg, pp. 156–161. (In Russ.)

30. Khodyakov, MV & Zhao, Ch 2017, 'Trudovaya migratsiya kitaytsev v Rossiyu v gody Pervoy mirovoy voyny' (Chinese Labor Migration to Russia during the First World War), *Modern history of Russia*, no. 1. pp. 7–30. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.06.2024

Одобрена после рецензирования: 13.09.2024

Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 13.06.2024

Approved after reviewing: 13.09.2024

Accepted for publication: 13.09.2024

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 44–56.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 44–56.

Научная статья
УДК 94(470):930
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-44-56>

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ФИЛАНТРОПИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

**Инга Владимировна
Маслова**

Елабужский институт
Казанского (Приволжского)
федерального Университета
Елабуга, Россия, imaslovainga@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0914-0707>

Аннотация. Статья¹ посвящена исследованию приемов и практик визуализации филантропии как способа формирования культуры благотворительности в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Основу культуры благотворительности в России составляли нравственные ценности и духовные традиции, принятые в обществе. В Российской империи к концу XIX в. сформировались основные компоненты этой культуры, которые включали законодательство в сфере филантропии, традиционно сложившиеся нормы этики благотворителя, инфраструктуру, состоящую из благотворительных организаций и учреждений.

Примером визуализации благотворительных акций являлись афиши об их проведении, которые представляли собой социальную рекламу конца XIX – начала XX в. В условиях экстремальной повседневности в годы Первой мировой войны необходимость в сборе пожертвований резко возросла. Именно в это время визуализация благотворительных акций в поддержку пострадавших от войны получила широкое распространение.

Среди приемов привлечения внимания к сбору пожертвований в пользу воинов и пострадавших от войны были выпуск благотворительных открыток и виньеток, почтовых марок. Несмотря на то, что благотворительность в массовом сознании россиян была сферой, где много лишений и страданий в качестве образов печатной социальной рекламы конца XIX – начала XX в. использовались вместо сострадания – героизм и сила духа нуждающихся в помощи.

Ключевые слова: филантропия, визуализация благотворительности, социальная реклама, Российская империя XIX – начала XX в., благотворительные афиши, открытки, марки.

Для цитирования: Маслова И. В. Визуализация филантропии в Российской империи в конце XIX – начале XX в. как способ формирования культуры благотворительности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 44–56. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-44-56>

Сведения об авторе: И. В. Маслова – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального Университета, 423600, Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

Scientific Article
UDC 94(470):930
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-44-56>

VISUALIZATION OF PHILANTHROPY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY AS A WAY TO FORM A CULTURE OF CHARITY

Inga V. Maslova

Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region)
Federal University
Yelabuga, Russia, imaslovainga@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0914-0707>

Abstract. The article examines the techniques and practices of visualizing philanthropy as a way of forming a culture of charity in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries.

The basis of the charity culture in Russia was the moral values and spiritual traditions accepted in society. By the end of the 19th century, the main components of this culture had been formed in the Russian Empire, which included legislation in the field of philanthropy, traditionally established norms of philanthropist ethics, and an infrastructure consisting of charitable organizations and institutions.

An example of visualization of charity events were posters about their holding in the form of social advertising of the late 19th – early 20th century. With the extremes of everyday life during the First World War, the need to collect donations increased dramatically. It was during this time that the visualization of charitable acts in support of war victims became widespread.

Among the techniques to draw attention to the collection of donations in favour of soldiers and war victims were the issue of charity cards and vignettes, and postage stamps. Despite the fact that charity in the mass consciousness of Russians was a sphere with a lot of hardship and suffering as images of printed social advertising of the late 19th – early 20th century used instead of compassion - heroism and fortitude of those in need of help.

Keywords: philanthropy, visualization of charity, social advertising, Russian Empire of the 19th – early 20th centuries, charity posters, postcards, stamps.

For citation: Maslova, IV 2024, 'Visualization of Philanthropy in the Russian Empire in the late 19th – early 20th Century as a Way to form a Culture of Charity', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 44–56, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-44-56> (in Russ.)

Information about the Author: *Inga V. Maslova* – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Universal and Russian History, Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, 89 Kazanskaya Str., Yelabuga, 423600, Russia.

Введение

Культура благотворительности представляет собой совокупность нравственных ценностей, традиций и законов, принятых в обществе. В современной России культура благотворительности включает несколько компонентов: законодательство о благотворительной и добровольческой деятельности; информацию об истории и современных тенденция филантропии в России, которая распространяется через медиа-контенты, путем издания книг и буклетов; инфраструктуру, объединяющую систему благотворительных организаций и учреждений; профессиональное сообщество, то есть людей, являющихся носителями и популяризаторами культуры благотворительности.

В XVIII – XIX вв. филантропия составляла основу духовности российского общества. Благотворительность как аксиологически значимая культурная традиция сложилась в среде российского предпринимательства. Слой предпринимателей в России в массе своей был чрезвычайно «молодым». Отцы и деды крупных капиталистов были выходцами из крестьян, и занятие бизнесом редко распространялось более чем на два три поколения в одном роду. Народные нужды были им несравненно ближе и понятней, чем давно оторвавшемуся от народных корней русскому дворянству. Эта генетическая связь объясняет то, что дело благотворительной помощи народу было для многих предпринимателей более естественным, чем для других привилегированных групп населения.

В начале XIX в. благотворительность согласовывалась с реальными традициями и проявлялась в виде подачи милостыни нищим и убогим, а также пожертвованных церковным учреждениям, без учёта их практических последствий. Это была типичная форма филантропии, которая отличалась от подачи милостыни лишь своими масштабами. Во второй половине XIX в. проявилась многовариативность благотворительных деяний, которые приобрели новые формы и виды, а сеть общедоступных больниц, школ, приютов, столовых, мастерских, училищ охватила за каких-то тридцать лет всю Россию. Вместе с тем, как отмечают исследователи, «буржуазная благотворительность быстро выходит за рамки общественной филантропии, она распространяется и на область духовной жизни, и крупнейшие жертвователи начинают выполнять важные функции созидателей культурной среды. При этом филантропические и культурные занятия тесно переплетались» [14, с. 64].

Материалы и методы

Историки с конца 1990-х гг. начали активно освещать вопросы благотворительности и меценатства как одной из сфер деятельности предпринимателей [2, 4, 5]. При этом выявились определенные сложности научного осмысления экономических, социологических и психологических черт российской филантропии. В научно-гуманитарном знании содержались лишь самые первичные и фрагментарные представления о феномене российской благотворительности, о роли добровольных частных и общественных пожертвований, о разнообразии видов помощи бедным и малоимущим слоям населения. Крупнейшим исследователем проблем благотворительности в России является Г. Н. Ульянова [16; 17]. В последние годы круг научных проблем по истории благотворительности в России был значительно расширен за счет исследования целевых капиталов (эндаументов), ментальных установок и поведенческих практик филантропии, анализа архитектурного наследия, как материального воплощения пожертвований в XIX – начале XX в. [8; 9; 19; 21].

Целью нашего исследования стало изучение приемов визуализации филантропии, как способа формирования культуры благотворительности среди широких слоев населения российского общества в конце XIX – начале XX в. Исследование построено на основе анализа сохранившихся в фондах российских библиотек и музеев

аутентичных изобразительных источников: благотворительных афиш, виньеток, открыток.

Результаты

Традиции христианского сострадания и помощи неимущим, широкий размах частной (индивидуальной) благотворительности привели проникновению идей социальной помощи в широкие слои общества. Оказание благотворительной помощи стало приобретать характер распространенных социальных практик, которые выражались в членстве в благотворительных обществах, участии в благотворительных подписках, лотереях, балах. Подобные массовые формы филантропии с одной стороны свидетельствовали о формировании культуры благотворительности в общероссийском масштабе, но с другой показывали, что постепенно утрачивалась нравственная составляющая этого явления, когда человек принимая участие в благотворительном спектакле воспринимал свой взнос, как плату за входной билет, а не как оказание помощи нуждающимся. Свидетельством популярности благотворительных балов и скептического к ним отношения являются слова писателя, издателя сатирического журнала Н. Г. Шебуева: «Не посещайте же никаких балов, кроме благотворительных. Приучайтесь же, господа, благотворить ногами. Приучайтесь благотворить так, чтобы ни правая, ни левая рука не знали, что делают ноги, но не так, чтобы правая нога не знала, что делает левая. Когда я танцую с благотворительной целью, я положительно не чувствую разлада между ногами. Потому что танцую сердцем, а не ногами» [20, с. 32].

Вместе с тем широкое распространение массовых благотворительных акций свидетельствовало о формировании системы информирования о нуждающихся в помощи и о формах оказания этой помощи. Шел процесс зарождения социальной рекламы целью которой было привлечение внимания к социальным проблемам и путям их решения. В современной России знания о благотворительности распространяются посредством медийных проектов, образовательных программ, изданий иллюстрированных брошюр, книг. Но уже во второй половине XIX в. – начале XX в. предпринимались первые попытки привлечь внимание к акциям социальной поддержки путем визуализации информации. Подобные попытки получили наибольшее распространение при организации сбора средств путем проведения лотерей, спектаклей, музыкальных вечеров и т.д. Эти формы сбора средств использовались как специализированными благотворительными организациями, так и органами местного самоуправления, общественными учреждениями.

Распространенной формой сбора пожертвований были лотереи и ярмарки, которые проводились как часть большого благотворительного мероприятия или как отдельная акция. Организаторами подобных мероприятий выступала инициативная группа конкретной благотворительной организации. Процесс подготовки к проведению включал формирование призового фонда, поиск будущих участников и места проведения, печать входных и лотерейных билетов, афиш, оформление залов, процедуру согласования в различных инстанциях. Всю эту деятельность осуществляли члены благотворительного общества на волонтерских началах. В газетах заблаговременно публиковалась информация, в которой сообщалось о целях, дате и времени проведения лотереи, указывались цены на билеты.

С целью привлечения большего количества участников информацию о проведении массового благотворительного мероприятия стали размещать на иллюстрированных плакатах-афишах. Сохранившиеся в фондах музеев и научных библиотек афиши являются визуальным источником, который еще не в полной мере введен в научный оборот учеными - историками. Примером может служить афиша Международной костюмированной рождественской ярмарки [13, Приложение 1]. В верхней части афиши писалась цель проведения благотворительного мероприятия и его ор-

ганизаторы: «в пользу Попечительства о Бедных Евангелического Исповедания в Москве, состоящего под покровительством, Ея Императорского Высочества, Великой Княгини Марии Павловны». Далее содержалась информация о сроках, времени и месте проведения: 4-7 декабря 1909 г., с 18.00 до 24.00 во всех залах Российского благотворительного собрания. Для привлечения участников на афише печаталась подробная программа мероприятия. Например, программа рождественской ярмарки 1909 г. предлагала продажу разнообразных товаров, возможность посетить рестораны и кафе. Гостям рекомендовалось посетить интерактивные площадки «Боярский теремок XVI в.», «Знойный уголок Испании», «Сказочный домик из пряников», покататься на горке и принять участие в представлении у Рождественской елки. Танцевальная площадка «Весенний праздник в Швеции» предлагала народные увеселения, танцы и песни. Посетителям игровой площадки с интригующим названием «Новейшие игры в счастье» помимо множества сюрпризов в качестве главного приза предлагался «роскошный свадебный сервис фирмы К. Фаберже», ценою в 450 р.».

Ежедневно на ярмарке производили розыгрыш лотереи-аллегри. Участники лотереи покупали запечатанный билет, в котором можно было обнаружить число (номер для розыгрыша) или шутивную надпись *allegri* (с итал. «не огорчайтесь»). Лотерейный билет ценой в 25 коп. позволял претендовать на выигрыш главного приза – пианино фабрики М. Шидмайер.

В течение четырех дней на мероприятии звучала живая музыка оркестра Е. Кончека. А чтобы мероприятие запомнилось надолго посетители могли за дополнительную плату сделать моментальное фото.

При подготовке афиши учитывались различные приемы привлечения аудитории. Например, входной билет стоимостью один рубль давал возможность бесплатно привести с собой ребенка, это расширяло целевую аудиторию, а значит и кассовые сборы благотворительной ярмарки. Первые 10 000 билетов давали право их обладателям принять участие в дополнительном розыгрыше призов.

Вся вышеперечисленная информация излагалась краткими емкими текстами и компактными блоками размещалась на афише, визуальной доминантой которой был рисунок с изображением девочки с рождественской елкой в руках на фоне ярмарочных балаганов.

В целом визуализация благотворительных акций и мероприятий находила выражение в афишах нескольких типов:

Афиши-программы о благотворительных ярмарках, лотереях, базарах, балах содержащие подробно описание предстоящего мероприятия.

Афиши событий – содержащие краткое объявление о предстоящем мероприятии.

Театральные афиши публиковались в том случае если спектакль, музыкальный вечер, концерт проходил с целью сбора благотворительных средств.

В период Первой Мировой войны произошел всплеск благотворительности среди самых разных слоев общества. Координацией деятельности государственных и общественных организаций, осуществлявших помощь жертвам войны, занимался созданный в 1914 г. Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов под председательством императрицы Александры Федоровны [6. С.32]. «Совет стал временным органом для координации в начальный период войны работы по «объединению правительственной, общественной и частной деятельности по призрению семей воинов» [18, с. 447].

За помощь семьям воинов в столице и в регионах отвечали самые разные организации: приходские попечительства, органы городского управления, земства, благотворительные общества. Каждое из этих учреждений для привлечения благотворительных средств использовало привычные формы сбора средств. Учитывая,

что пожертвования на военные нужды или в пользу пострадавших находили большой отклик среди самых разных слоев россиян, но не каждый желающий располагал средствами, размеры благотворительных взносов устанавливались не большими. Но собранные средства требовали строгого учета с этой целью стали использовать благотворительные марки, которые относили к категории не почтовых марок и поэтому их часто называли виньетками. Эти марки служили своего рода иллюстрированной квитанцией о сделанном благотворительном взносе. Подобные марки собирали и хранили, а иногда даже прикалывали к одежде в знак солидарности с проводимой благотворительной деятельностью. Изготавливались подобные марки небольшими тиражами в литографиях и печатнях. Именно поэтому они стали довольно редкими и сохранились в основном в частных коллекциях филателистов, а отдельные экземпляры представлены в музейных коллекциях. Благотворительные марки были крупнее почтовых и привлекали внимание изображением и надписями. «Некоторые образцы выполнены на высоком художественном уровне, в их создании участвовали видные художники того времени Нестеров, Васнецов, Билибин, Нарбут и др.» [11, с. 17]. Благотворительные марки выпускались во многих городах Российской империи. Например, на марке Вятки в лучах восходящего солнца изображены гербы Российской империи и Вятской губернии, а в центре надпись «семьям призванных на войну». Кроме этого, обозначен год сбора средств (1914 г.) и размер пожертвования (10 коп.). Филателист-коллекционер О. Левитский писал о том, что в коллекции его отца представлены выпуски благотворительных марок более 50 городов России. «В Казани, например, были выпущены марки с портретом А. Ф. Керенского и призывом вступить в батальоны «защитников свободы» [11, с. 17].

В годы Первой Мировой войны начался выпуск почтовых благотворительных марок. На марке из фондов Государственного исторического музея Южного Урала аллегорическое изображение: Россия в виде женщины в одежде русской княжны опекает детей воинов. Надпись «почта» в верхней части свидетельствует о том, что это почтовая марка, но есть указание «в пользу воинов и их семей». На марке указано две цены: 7 коп. и продажная цена – 8 коп. Это означало, что при покупке почтовой марки за восемь копеек, ее можно использовать для почтовых отправок, но при этом семь копеек от уплаченных денег в виде пожертвования будет отправлено на благотворительность [12].

Еще одним очень популярным способом сбора пожертвований с использованием визуальных приемов распространения информации о них был выпуск благотворительных открыток.

Примером подобной работы является издательская деятельность «Общины Святой Евгении», созданной в 1893 г. при Санкт-Петербургском Комитете попечения о сестрах милосердия Красного Креста. Покровительницей общины являлась внучка Николая I принцесса Евгения Олденбургская. Как и многие августейшие особы принцесса являлась попечительницей нескольких благотворительных обществ, в том числе Императорского Общества Поощрения Художеств. Именно близкое знакомство с искусством и художниками способствовало воплощению в жизнь весьма новаторского начинания: организации выпуска почтовых конвертов и художественных открытых писем. Отметим, что главной целью издания благотворительных открыток был сбор средств на реализацию медицинского проекта Общины по устройству амбулатории, обучению сестер милосердия, организации службы патронажной помощи. Издание благотворительной печатной продукции началось в 1896 г. «В первый год были выпущены к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова конверты вместо визитов, а с 1897 г. издаются открытые письма» [10, с. 9]. Практика пасхальных и рождественских визитов была широко распространена в Российской империи. Обычно объявлялся общественный обед в благородном собрании, клубе или

других общественных местах, в ходе которого собирались средства на конкретную благотворительную цель. Например, в 1897 г. в Котельниче – уездном городе Вятской губернии в Пасху более 80 горожан собрались на общественный обед в клуб. В ходе мероприятия было предложено учредить благотворительное общество для содержания дома трудолюбия, а также начался сбор средств в пользу бедных жителей города [3].

С развитием печатной продукции во второй половине XIX в., стала распространяться новая поведенческая практика: обязательные по этикету праздничные визиты, все чаще стали заменять отправлением поздравительных карточек и открыток. При этом открытки посылали не только по почте в другие города, но и с посылным отправляли даже ближайшим соседям. О популярность подобных явлений свидетельствуют рекламные объявления. Например, в 1898 г. в провинциальном издании «Камский листок объявлений» накануне Пасхи из номера в номер печаталось извещение о том, что «к празднику Св. Пасхи изготавливаются всевозможных сортов поздравительные карточки письма в типографии И. Н. Кибардина» [7].

Отличительной чертой деятельности Общины Святой Евгении по изданию почтовых карточек было то, что собранные средства использовались на благотворительность. Но главное Община смогла организовать издательскую деятельность, не имея средств даже для первого тиража. Делопроизводитель Общины И.М. Степанов обратился «лично к художникам, и получил от них бесплатно десять акварелей, заказал печатанье картографическому заведению А. А. Ильина, которое любезно приняло на себя печатанье рисунков с уплатою, по распродаже, лишь стоимости исполнения их в мастерских» [10, с. 9]. Можно утверждать, что культура благотворительности проникла в самые разные слои российского общества. Благотворительные карточки и конверты первоначально печатались два раза в год, но в дальнейшем их тиражи стали посвящать юбилейным и памятным датам (юбилей А.С. Пушкина, юбилей Санкт-Петербурга, серия посвященная Петру I). С 1899 г. при Обществе поощрения художеств стал проводиться конкурс рисунков, победители которого получали премии, а их полотна печатались на открытках Общины Святой Евгении. Стараниями принцессы Евгении Олденбургской было получено исключительное право воспроизведения на открытках портретов «Особ Императорской Фамилии». Позднее Община получила право издания на открытках изображений из коллекции Императорского Эрмитажа.

На лицевой стороне открыток не было указаний на благотворительные цели их издателей, но на обороте в верхнем левом углу стоял штамп «В пользу Общины Св. Евгении». Для увеличения продаж почтовых карточек и конвертов Община издавала афиши с социальной рекламой [Приложение 2]. На афише, изданной в 1898 г. сообщалось:

«Открытые письма, карточки с рисунками художников: Елиз. Бема, Н. Самошкина, Е. Визеля, М. В. Вилье, Н. К. Каразина, К. М. Маковского, В. О. Овсянникова, И. Р. Репина, С. Смокишь-Судовской и С. Соломко.

Конверты «Красного Креста» (вместо визитов)

в пользу больницы в память

Императора Александра III.

продаются здесь

10 откр. писем в конверте.....1 руб.

Карточка в конверте.....15 коп.

Открытое письмо прежнего издания (без конверта)..5 коп.

Конверт вместо визита .....5 коп.» [14]

Текст афиши печатался на русском и французском языках.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что основу культуры благотворительности в России второй половины XIX – начала XX в. составляли нравственные ценности и духовные традиции, принятые в обществе. В Российской империи сформировались основные компоненты этой культуры, которые включали законодательство в сфере филантропии, традиционно сложившиеся нормы этики благотворителя, инфраструктуру, состоящую из благотворительных организаций и учреждений. Широко распространённые практики подачи милостыни и призрения убогих и сирот ко второй половине XIX в. эволюционировали в крупные пожертвования частных лиц. С развитием капиталистической модернизации благотворительность стала аксиологически значимой традицией предпринимательства. Российские коммерсанты и бизнесмены расширили направления и сферы, на которые направлялись пожертвования, что способствовало популяризации филантропических практик среди широких слоев населения. Это в свою очередь привело к применению визуальных приемов для вовлечения в благотворительную деятельность представителей различных социальных слоев. Примером визуализации благотворительных акций являлись афиши об их проведении, которые можно условно разделить на: афиши-программы, афиши, сообщающие о предстоящем благотворительном событии, театральные афиши о проведении спектакля или концерта для сбора пожертвований. В целом афиши благотворительных мероприятий представляли собой социальную рекламу конца XIX – начала XX в. Они серьезно отличались от обычной рекламы тем, что были сдержанными в цвете и в сюжетах. Особенностью благотворительных афиш было использование на них религиозных мотивов, что являлось данью христианским традициям помощи ближнему.

Еще одним средством визуализации информации о филантропической акции и одновременно способом сбора пожертвований являлся выпуск благотворительных открыток и почтовых марок. В условиях экстремальной повседневности в годы Первой Мировой войны необходимость в сборе пожертвований резко возросла. Именно в это время социальная реклама благотворительных акций в поддержку пострадавших от войны получила широкое распространение. Размах патриотизма и массовое желание поддержать российских воинов привело к тому, что размеры индивидуальных пожертвований были небольшими (от 1 руб.), но количество жертвователей возросло в сотни раз. Это ставило задачу организации строгого учета пожертвований. С этой целью стали выпускать непочтовые благотворительные марки (виньетки), которые тоже представляли собой способ визуализации российской филантропии.

Несмотря на то, что благотворительность в массовом сознании россиян была сферой, где много лишений и страданий в качестве образов печатной социальной рекламы конца XIX – начала XX в. использовались вместо сострадания – героизм и сила духа нуждающихся в помощи.

Примечания

1. Статья подготовлена по итогам работы научного семинара «История российского предпринимательства и благотворительность: новые грани научного исследования проблемы» в рамках деятельности Центра исследований истории предпринимательства регионов России (Институт российской истории РАН, Елабужский институт (филиал) КФУ).

Список источников и литературы

1. Акользина М. К. Благотворительная деятельность купечества уездных городов Тамбовской губернии в XIX в. // Социокультурная и научная деятельность российского музея

- в современных условиях: сохранение исторического наследия и перспективы развития : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию со дня рождения М. В. Асеева, и III Всерос. науч. конференции. Тамбов: ИД Державинский, 2020. С. 7–11.
2. *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 192 с.
  3. *Вятский край*. 1897. 29 апр.
  4. *Галвин М.* Российские Медици. Портреты предпринимателей. М.: Academia, 1996. 293 с.
  5. *Думова Н. Г.* Московские меценаты. М.: Мол. гвардия, 1992. 333 с.
  6. *Елисеенко С. М.* Деятельность благотворительных учреждений на территории Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 34. С. 31–38.
  7. *Камский листок объявлений*. 1898. 1 марта.
  8. *Комлева Е. В.* «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века) // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 42–58.
  9. *Конуник К. Е.* Благотворительный фонд как способ эффективной организации благотворительности // Наука и образование сегодня. 2018. № 4 (27). С. 103–105.
  10. *Курбатов В. Я.* Обзор художественных изданий общины св. Евгении. СПб., 1909. 18 с.
  11. *Левитский О.* Марки призывали к милосердию // Филателия. 2001. № 3. С. 16–19.
  12. Марка почтово-благотворительная. "В пользу воинов и их семейств. Аллегория. Россия опекает детей воинов". 8+7 копеек : [период создания: 1914 г.] // Госкаталог.РФ : офиц. сайт / Минкультуры России. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38970960> (дата обращения: 25.02.2024).
  13. Международная костюмированная рождественская ярмарка : [афиша]. М.: Лит. Ю. Кирстен, 1909. 1 л. Цифр. копия печ. изд. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/mezhdunarodnaya-kostyumirovannaya-rozhdestvenskaya-yarmarka>. Доступ на сайте НЭБ Книжные памятники.
  14. Открытые письма, карточки с рисунками художников / худож. В. Шнейдер; Комитет попечения о сестрах Красного креста. СПб.: Лит. А. Ильина, 1898. 1 л. Цифр. копия печ. изд. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010011661/. Доступ на сайте НЭБ.
  15. *Скоч А. В.* Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX – XX веков. М.: СЭ-Пресс, 2004. 332 с.
  16. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в России в первой половине XIX в.: итоги и перспективы изучения законодательства и статистики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 2 (100). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840014110-0-1>.
  17. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 402 с.
  18. *Ульянова Г. Н.* Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Полит. энцикл., 2014. С. 446–468.
  19. *Ульянова Г. Н.* Целевые фонды в финансировании благотворительности: "Приступать к учреждению... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства" // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 215–218.
  20. *Шебуев Н.* Жизнь в присядку : юморист. альм. : [Рассказы. Негативы. Переделки. Стихи]. М.: Тип. т-ва А. Д. Сытина, 1902. 96 с.
  21. *Шекова Е. Л.* Целевой капитал как новый источник финансирования учреждений культуры // Петербургский экономический журнал. 2015. № 1. С. 103–110.

References

1. Akolzina, MK 2020, *Blagotvoritelnaya deyatel'nost' kupechestva uездnykh gorodov Tambovskoy gubernii v XIX v. (Charity activities of merchants of district towns of Tambov province in the 19th century.)*, *Sotsiokulturnaya i nauchnaya deyatel'nost' rossiiskogo muzeya v sovremennykh usloviyakh: sokhraneniye istoricheskogo naslediya i perspektivy razvitiya*.

- Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu so dnya rozhdeniya M.V. Aseyeva, i III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Sociocultural and scientific activity of the Russian museum in modern conditions: preservation of historical heritage and prospects of development. Proceedings of the II International Scientific Conference dedicated to the 160th anniversary of M. V. Aseev's birth and the III All-Russian Scientific Conference)*, ID Derzhavinskiy publ, Tambov, pp. 7–11. (In Russ.)
2. Bokhanov, AN 1989, *Kollektsionery i metsenaty v Rossii* (Collectors and patrons of art in Russia), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
  3. *Vyatskiy kray 1897*, 29 April. (In Russ.)
  4. Galvin, M 1996, *Rossiyskiye Medichi. Portrety predprinimateley* (Russian Medici. Portraits of entrepreneurs), Academia publ, Moscow. (In Russ.)
  5. Dumova, NG 1992, *Moskovskiye metsenaty* (Moscow patrons of the arts), Mol. gvardiya publ, Moscow. (In Russ.)
  6. Yeliseyenko, SM 2014, 'Deyatelnost' blagotvoritelnykh uchrezhdeniy na territorii Yeniseyskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny' (Activities of charitable institutions in the Yenisei province during the First World War), *Aktualnyye voprosy sovremennoy nauki*, no. 34, pp. 31–38. (In Russ.)
  7. *Kamskiy listok obyavleniy* (Kama advertiser) 1898, 1 March. (In Russ.)
  8. Komleva, EV 2022, '«S kapitala, navsegda im pozhertvovannogo...»: endaumenty v kupecheskoy srede Sibiri (XIX – nachalo XX veka)' ("From the capital, forever donated by him...": endowments in the merchant environment of Siberia (the 19th - early 20th centuries)), *Journal of Frontier Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 42–58. (In Russ.)
  9. Konunik, KE 2018, 'Blagotvoritelnyy fond kak sposob effektivnoy organizatsii blagotvoritelnosti' (Charitable foundation as a way to effectively organize charity), *Science and Education Today*, vol. 27, no. 4, pp. 103–105. (In Russ.)
  10. Kurbatov, VYa 1909, *Obzor khudozhestvennykh izdaniy obshchiny sv. Yevgenii* (Review of art editions from the St. Evgenia community), St. Petersburg. (In Russ.)
  11. Levitskiy, O 2001, 'Marki prizyvali k miloserdiyu' (Stamps called for mercy), *Filateliya*, no. 3, pp. 16–19. (In Russ.)
  12. Marka pochtovo-blagotvoritelnaya. "V polzu voynov i ikh semeystv. Allegoriya. Rossiya opekayet detey voynov" 8+7 kopeyek (Charity postage stamp. "In favor of soldiers and their families. Allegory. Russia cares for the children of warriors". 8+7 kopecks) 1914, *Goskatalog.RF*, viewed 25 February 2024, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38970960> (In Russ.)
  13. 'Mezhdunarodnaya kostyumirovannaya rozhdestvenskaya yarmarka' (International Costume Christmas Fair) 1909, *NEB Knizhnyye pamyatniki*, Lit. Yu. Kirsten publ, Moscow, viewed 31 January 2024, <https://kp.rusneb.ru/item/material/mezhdunarodnaya-kostyumirovannaya-rozhdestvenskaya-yarmarka> (In Russ.)
  14. *Otkrytyye pisma, kartochki s risunkami khudozhnikov. Komitet popecheniya o sestrah Krasnogo kresta* (Open letters, cards with artists' drawings. Committee for the Care of the Red Cross Sisters) 1898, Lit. A. Ilyina publ., St. Petersburg, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010011661/ (In Russ.)
  15. Skoch, AV 2004, *Metsenatstvo i blagotvoritelnost v otechestvennom obrazovanii XIX – XX vekov* (Patronage and charity in national education of the 19th – 20th centuries), SE-Press publ, Moscow. (In Russ.)
  16. Ulyanova, GN 2021, 'Blagotvoritelnost v Rossii v pervoy polovine XIX v.: itogi i perspektivy izucheniya zakonodatelstva i statistiki' (Philanthropy in Russia in the first half of the 19th century: legislation and statistics research results and perspectives), *The Journal of Education and Science "ISTORIYA"* (History), vol. 12, no. 2 (100), doi. 10.18254/S207987840014110-0 (In Russ.)
  17. Ulyanova, GN 2005, *Blagotvoritelnost v Rossiiskoy imperii XIX – nachalo XX veka* (Charity in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
  18. Ulyanova, GN 2014, 'Filantropicheskaya aktivnost obshchestva' (Society's philanthropic activity), in Yu.A. Petrov (ed), *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoye polozheniye, sotsial'nyye protsessy, politicheskiy krizis* (Russia during the First World War:

- economic situation, social processes, political crisis), Polit. Entsikl. publ, Moscow, pp. 446 – 468. (In Russ.)
19. Ulyanova, GN 2013, ‘Tselevyye fondy v finansirovaniy blagotvoritel'nosti: "Pristupat k uchrezhdeniyu... zavedeniy togda tolko, kogda k sodержaniyu ikh naznacheny budut dostat-ochnyye sredstva" (Trust funds in the financing of charity: “Proceed with the establishment of... institutions only when there are sufficient funds for their maintenance”), *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* (Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities), no. 23, pp. 215-218. (In Russ.)
  20. Shebuyev, N 1902, *Zhizn v prisyardku* (Life in a squat), Tip. t-va A. D. Sytina publ, Moscow. (In Russ.)
  21. Shekova, EL 2015, ‘Tselevoy kapital kak novyy istochnik finansirovaniya uchrezhdeniy kul'tury’ (Endowment fund as a new source of funding for cultural institutions), *St. Petersburg Economic Journal*, no. 1, pp. 103–110. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.04.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 16.04.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Приложения

Приложение № 1

ПРИГЛАШАЕМЪ ВАСЪ НА
БАЗАРЪ въ пользу Попечительства о Бѣдныхъ Евангели-
ческаго Исповѣданія въ Москвѣ, состоящаго
подъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, Великой
Княгини Маріи Павловны.

„Международная
Костюмированная
Рождественская
ЯРМАРКА“
4, 5, 6 и 7 Дек. 1909.

Лит. Ю. Кирстенъ, премія Б.Р. Менертъ, Москва.

**ВО ВСѢХЪ ЗАЛАХЪ
РОССІЙСК. БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ**

4-го Декабря отъ 6 ч. веч. до 12 ч. ночи.
5-го и 6-го „ „ 3 „ „ 12 „ „
7-го „ „ 3 „ „ 3 „ „

БЕЗПРЕРЫВНО: ЗАБАВА
ВЕСЕЛЬЕ
МУЗЫКА.

Продажа разнообразныхъ предметовъ по магазиннымъ цѣнамъ.
Лоттерей-аллегри по 25 коп. билетъ.
Главный выигрышь планино известной фабрики М. Шидмайеръ, въ Штуттгартѣ.
Весенній праздникъ въ Швеціи.
Танцы, пѣніе, народныя увеселенія.
Ресторанъ на Океанскомъ Пароходѣ.
Американскій Баръ.
Бутылка Гигантъ „Муммъ“
Погоня за шампанскимъ.
Кафе „Дунайскія Волны“
Уютная Старая Вѣна.
Моментальная фотографія.
Боярскій теремокъ XVI вѣка.

Знойный уголокъ Испаніи.
Новѣйшія игры въ счастье со всевозможными сюрпризами, между проч.— роскошный серебряный сервантъ фирмы Н. Фаберже, цѣною въ 450 р.
Сказочный домикъ изъ пряниковъ.
Катаніе съ горъ.
Извѣстный оркестръ Е. Кончекъ.
Елка и проч. и проч.
ВХОДЪ 1 руб. включая благотв. оборъ.
Дѣти въ сопровожденіи взрослыхъ—бесплатно.

ПЕРВЫЕ 10.000 БИЛЕТОВЪ дають право на ПОДАРОКЪ при входѣ.

Печатать разрѣшается 23 Ноября 1909 г. Московскій Градоначальникъ Генераль-Майоръ Адриановъ.

Международная костюмированная рождественская ярмарка.
Афиша. Литография Ю. Кирстен. 1909.

Афиша СПб Комитета попечения о сестрах Красного креста. 1898 г.

Научная статья
УДК 94(47):“1914/1917”
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ДОЛГОМ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ МИССИЕЙ

*Лилия Рамилевна
Габдрафикова*^{1, 2}

---

¹ Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
² Казанский научный центр РАН
Казань, Россия, bahetem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Аннотация. Статья¹ посвящена анализу благотворительной деятельности татарских предпринимателей в условиях Первой мировой войны, когда в рамках одного сообщества были объединены две задачи: 1) традиционные пожертвования в пользу своих единоверцев; 2) помощь гражданам страны, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Благотворительная работа татарского предпринимательства с рубежа XIX – XX вв. базировалась на идеях этноконфессиональной общности и необходимости модернизации татарской социокультурной сферы. Во время войны им приходилось искать баланс между этноконфессиональной миссией и общегражданским долгом.

В статье приводятся различные примеры благотворительности татарского предпринимательства из разных уголков Российской империи. Они участвовали в организации госпиталей, приютов, оказывали материальную помощь военным и их семьям. Специальной благотворительной акцией тех лет стал «День Красной звезды» (аналог «Красного креста»).

При этом в условиях шпиономании (в том числе «панисламизма») татарские благотворители демонстрировали иногда нерешительность даже при необходимости помощи единоверцам. Поэтому крупные пожертвования татарских предпринимателей осуществлялись под эгидой представителей государственной власти. Такая деятельность выступала маркером лояльности мусульман.

Изучение разных направлений благотворительной деятельности татарского предпринимательства позволило выявить взаимосвязь между проектами с этноконфессиональной спецификой и общегражданскими инициативами. Активные благотворители именно в годы войны получили возможность для юридического оформления татарских социокультурных проектов (обществ, учебных заведений и т. п.).

Ключевые слова: мусульмане Российской империи, татарское купечество, Первая мировая война, Волго-Уральский регион, история благотворительности.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Благотворительная деятельность татарского предпринимательства в годы Первой мировой войны: между гражданским долгом и этноконфессиональной миссией // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 57–68. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

Сведения об авторе: Л. Р. Габдрафикова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 420011, Россия, г. Казань, ул. Бабуринова, 7; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН», 420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

© Габдрафикова Л. Р., 2024

Scientific Article
UDC 94(47):"1914/1917"
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

CHARITABLE ACTIVITY OF TATAR ENTREPRENEURS DURING THE WORLD WAR I: BETWEEN CIVIL DUTY AND ETHNO-CONFESSIONAL MISSION

Liliya R. Gabdrāfikova^{1,2}

---

¹ Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences

² Kazan Scientific Center
of Russian Academy of Sciences
Kazan, Russia, bahetem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Abstract. The article studies the history of the charitable activity of Tatar entrepreneurs during the World War I, when the community had two tasks: 1) to make traditional donations in favor of their co-religionists; 2) to help citizens, regardless of their confession. The ideas of ethno-confessional community and the need to modernize the Tatar socio-cultural sphere were the basis of charity work of Tatar entrepreneurs at the turn of the 19th – 20th centuries. During the war, they sought a balance between the ethno-confessional mission and general civil duty.

The article includes various examples of Tatar entrepreneurship charity in different regions of the Russian Empire. Entrepreneurs participated in the organization of hospitals, shelters, and donated to the servicemen and their families. A special charity event of those years was Red Star Day (an analogue of the Red Cross).

At the same time, in conditions of spy fever (including Pan-Islamism), Tatar philanthropists sometimes demonstrated indecisiveness even when it was necessary to help their coreligionists. Therefore, large donations from Tatar entrepreneurs were made under the aegis of governmental authorities. Such activities were a marker of Muslim loyalty.

The study of different areas of charitable activity of Tatar entrepreneurs made it possible to identify connections between ethno-confessional projects and general civic initiative. It was during the war years that philanthropists received the opportunity to legally formalize Tatar sociocultural projects (societies, educational institutions, etc.).

Keywords: Muslims of the Russian Empire, Tatar merchants, World War I, Volga-Urals region, history of charity.

For citation: Gabdrāfikova, LR 2024, 'Charitable Activities of Tatar Entrepreneurs During the World War I: Between Civil Duty and Ethno-Confessional Mission', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 57–68, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68> (in Russ.)

Information about the Author: *Liliya R. Gabdrāfikova* – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7 Baturina Str., Kazan, 420011, Russia; Chief Researcher at FIC 'Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences', 2/31 Lobachevskogo Str., Kazan, 420111, Russia.

© Gabdrāfikova L. R., 2024

Введение

В современных условиях, когда российское общество столкнулось с новыми вызовами, приобретает актуальность детальное изучение и осмысление военно-исторического опыта страны 1914 – 1917 гг., в том числе жизнь тылового населения. Благотворительность является частью тыловой повседневности, эта деятельность отражает и общественные настроения, выступает связующим звеном между государством и обществом. В Российской империи, полиэтничном и поликонфессиональном в своей основе государстве, благотворительная деятельность имела определенные особенности. Помимо традиционного сословного подхода (социальные проекты Императорского дома и дворянства, купеческая филантропия и т. д.) существовала благотворительность, связанная с функционированием отдельных этноконфессиональных сообществ.

К началу Первой мировой войны татарские предприниматели вели коммерческие дела практически по всей Российской империи. Помимо торгово-промышленных интересов, их объединяла принадлежность к одной этноконфессиональной и социокультурной общности. Наряду с организацией мусульманских приходов (*махалля*) с мечетями и школами при них (*мектеб, медресе*), на рубеже XIX – XX вв. возникли принципиально другие образования. Прежде всего, это попечительства и мусульманские благотворительные общества. Новым направлением стала и культурно-массовая работа на татарском языке (СМИ, клубы, театральные труппы и т. д.).

У татарских предпринимателей начала XX в. наблюдался общий стиль жизни, в которой благотворительная деятельность в области этнических (*милли*) дел занимало одно из ведущих мест. Свое сообщество люди той эпохи определяли как *миллет*. Сегодня это слово переводится с татарского языка как «нация», но для татарского народа изучаемой эпохи данное понятие имело более широкое значение и включало в себя также и религиозную (мусульманскую) общность.

С началом Первой мировой войны, безусловно, поменялся характер благотворительной деятельности татарского предпринимательства, появились новые направления. Однако не были забыты и первоначальные задачи о необходимости развития собственного этноконфессионального сообщества. В новых условиях татарским благотворителям приходилось искать баланс между гражданским долгом и этноконфессиональной миссией.

Материалы и методы

Изучение купечества и благотворительной деятельности данной сословной корпорации, в том числе и социальной активности татарских предпринимателей, обозначается как отдельное направление исторических исследований с 1990-х гг., в связи со сменой научной парадигмы. В татарстанской историографии это сопровождалось еще и исследованием историко-культурного наследия татарского народа. В ходе изучения знаковых архитектурных объектов Татарстана XVIII – начала XX вв. и сбора архивных сведений о владельцах домов и других строений появлялись детали и об их благотворительной деятельности. Итогом этой работы стала книга-справочник под авторством Р. Р. Салихова и Р. Р. Хайрутдинова [25]. Идеи этой книги были развиты в работах Р. Р. Салихова, в которых благотворительные проекты татарского предпринимательства рубежа XIX – XX вв. показаны в контексте их общественно-политической деятельности. Именно в публикациях этого автора раскрываются основные детали социальной активности татарской буржуазии и их этноконфессиональная миссия [24]. Кроме того, нужно отметить публикации З. С. Миннуллина, в которых уделялось особое внимание правовому регулированию мусульманских благотворительных обществ Российской империи [19; 20]. Продол-

жением тренда на изучение истории благотворительности имперского периода стала публикация документов по этой теме в начале 2000-х гг. [27].

Научное изучение Первой мировой войны, традиционно считавшейся «забытой войной», в 2000-е годы получило новый вектор – внимание к тыловой повседневности [21; 22; 23; 31]. Исследовательский интерес к данному военному периоду истории России особенно вырос в связи со 100-летием начала Первой мировой войны в 2014 г. Было опубликовано немало научных трудов по этой теме [7; 2; 8]. Не остался в стороне и вопрос о благотворительной деятельности в военный период. Однако детальное изучение этих страниц истории еще продолжается.

Целью нашего исследования является системный анализ разных направлений благотворительной деятельности татарского предпринимательства в годы Первой мировой войны, выявление взаимосвязи между различными компонентами, в том числе между проектами с этноконфессиональной спецификой и общегражданскими инициативами.

Основными документальными источниками послужили материалы периодической печати – наиболее оперативного информационного канала военных лет.

Результаты

Летом 1914 г. и существующие Мусульманские благотворительные общества, и срочно организованные временные комитеты в Казани, Оренбурге, Уфе и других городах империализма развернули активную деятельность по сбору помощи солдатам и их семьям, раненым и другим нуждающимся. Тут надо отметить, что первые благотворительные организации, учрежденные татарами, возникли еще в пореформенное время¹ и за несколько десятков лет существования набрались определенного опыта в деле призрения. Поэтому многие из них отреагировали на военное положение довольно быстро.

В первую очередь собирали средства для раненых воинов. Так, уже 24 июля состоялось заседание по этому поводу Оренбургского мусульманского благотворительного общества, где была собрана внушительная сумма [33, с. 208]. Были пожертвования и от непрофильных организаций. Например, в первые дни войны организовал благотворительный сбор «Восточный клуб» в Казани [2, с. 182].

Помимо сборов на лекарства, вещи и т.п. предметы для нужд фронта возникла необходимость в организации госпиталей. Осенью 1914 г. Петроградское мусульманское благотворительное общество, организованное еще в 1898 г., выступило с инициативой об организации Мусульманского полевого госпиталя. Для осуществления этого проекта были привлечены разные силы. Прежде всего, рассчитывали получить помощь от существующих Мусульманских благотворительных обществ. Однако к ноябрю того же года положительный ответ дали лишь 43 из 83 организаций. Среди них были общества из таких мест компактного проживания татар как Оренбург, Челябинск, Саратов, Москва, Омск и т. д. [11].

2 ноября 1914 года торжественно открылся Мусульманский лазарет в Казани. В церемонии открытия присутствовали губернатор, городской голова, военные начальники [27, с. 61–62]. Мусульманский госпиталь был рассчитан на 60 мест, но уже в апреле 1915 г. организаторы приняли решение о необходимости довести число коек до 75 [15, 14]. Это было своеобразное образцово-показательное медицинское учреждение, полностью организованное силами местных татар. Его устройства потребовало внушительных финансовых вложений. Только на годовое содержание в 1914/1915 гг. было потрачено более 18 тыс. руб., без учета аренды помещения. Все расходы оплачивались из пожертвований. Безусловно, такая работа могла быть осуществлена только при поддержке крупных татарских предпринимателей. В их числе были казанские купцы Мухаметсадык Галикеева, Абдрахман Ишмуратов, Сулейман Аитов, Измаил Утямышев, Садык Мусин, Бадретдин Апанаев, Абдулвалей Юнусов,

Гайнутдин Мукминов и другие лица. Даже врачами и медсестрами в Мусульманском лазарете трудились татары. Сюда были направлены лучшие силы (врачи Абубакир Терегулов, Суфия Агеева (Кулахметова) и др.). Интересно, что предприниматели договаривались между собой даже о том, что каждую пятницу (в честь мусульманского праздника) будут приносить подарки пациентам лазарета. Самым первым взял на себя раздачу подарков купец Измаил Утямышев [12].

Открывались госпитали, организованные татарскими купцами, и в других городах империи. Например, уфимский купец Абдулатиф Хакимов передал свой дом в Уфе под лазарет №7 на 37 коек. Кроме того, на свои средства он оборудовал 20 коек [7, с. 5]. В Оренбурге мусульманский лазарет с осени 1914 г. функционировал в здании медресе «Хусаиния» [3, л. 142 об.]. Это учебное заведение поддерживалось купеческой фамилией Хусаиновых. В начале войны планировалось, что под лазарет будет предоставлено здание местного мусульманского благотворительного общества, где планировалось размещение 30 кроватей [26, с. 53], но позднее решили, что более подходящим будет здание «Хусаинии». В учебном заведении пришлось отменить занятия.

Кроме стандартных военных лечебниц, появлялись и необычные лазареты. Например, летом 1915 г. недалеко от г. Уральска открылась кумысолечебница на 20 мест для больных и раненых солдат. Пациенты располагались в войлочных кибитках, имелись также общие деревянные постройки. Одним из главных жертвователей стал местный купец Фатих Шарифов [18].

В сентябре 1914 г. в Петрограде была попытка создания «Общества помощи раненым воинам и их семьям, организованным русскими мусульманами». По сведениям З. С. Миннулина, данная организация была воспринята татарской общественностью скептически, появились критические отклики в прессе. Общее недовольство, главным образом, было связано с тем, что интересы «русских мусульман» представляли неизвестные им люди. В одной из жандармских справок по этому поводу было указано, что организаторы преследуют корыстные цели, ибо «среди народных масс наблюдается столько готовности идти на помощь жертвам войны». Судя по всему, данное Общество, несмотря на зарегистрированный 23.09.1914 г. устав, не получило дальнейшего развития [20, с. 174].

Очевидно для пресечения таких сомнительных проектов и для юридического оформления действующих общественных инициатив, для большей консолидации тыловых сил с 6 по 10 декабря 1914 г. мусульманами-депутатами IV-й Государственной Думы в Петрограде был созван Всероссийский съезд представителей мусульманских общественных организаций. Основной целью съезда, в которой приняли участие около 70 делегатов, была организация помощи раненым воинам. Делегаты решили оборудовать и содержать от имени российских мусульман передовой санитарный отряд на Кавказском фронте, создать местные комитеты мусульманских общественных организаций для сбора средств [32].

Некоторые авторы (по всей видимости, ошибочно) указывают, что к началу 1915 г. в Казанской, Уфимской и других губерниях появились отделения «Общества помощи раненым воинам и их семьям, организованного русскими мусульманами», учрежденного в Петрограде в сентябре 1914 г. [21, с. 84].

Из-за схожести названий и целей двух организаций – юридической (сентябрьской) и фактической (декабрьской) – произошла путаница и в нашей работе [2, с. 184]. Следует признать, что многочисленные местные отделения «Общества русских мусульман» были связаны все-таки с декабрьской инициативой мусульманских депутатов Госдумы, а не с организацией, вызвавшей подозрение даже у жандармерии.

К началу 1915 г. их было 34 по всей стране [16]. Например, активистами казанского комитета были купцы Сулейман Аитов (1862 – 1922), Салих Губайдуллин (1862 – 1935) и другие уважаемые татарские предприниматели города [13].

Росло и количество татарских женских благотворительных обществ. Показательно, что летом 1914 г. по всей стране было зафиксировано всего 6 мусульманских дамских обществ, а к февралю 1917 г. число таких организаций выросло до 19 [19, с. 201]. После начала войны в Москве был зарегистрирован «Комитет мусульманских женщин для помощи русским воинам» [5]. Аналогичный комитет, под руководством представительницы известной купеческой семьи Яушевой, работал в г. Троицке Оренбургской губернии. В Казани активной участницей благотворительных акций была супруга купца Сулеймана Аитова – Фатиха Аитова (урожденная Яушева). Например, она была в числе немногих женщин, купивших кровати для Мусульманского госпиталя в Казани. Кроме того, ученицы её школы, по сообщению журнала «Сююмбике», подготовили 120 мешков благотворительной помощи для солдат: они собрали предметы первой необходимости, продукты питания и т. д. [31, с. 421].

Благотворительная помощь требовалась не только военнослужащим, но и их семьям. В этот период организовывались ясли и приюты. 7 ноября 1914 г. в Самаре открылся приют-ясли для детей татар-военнослужащих. Одним из организаторов был крупный предприниматель города, занимавшийся транспортными перевозками, Махмуд Баишев. На открытии приюта присутствовали самарский губернатор, городской голова и другие представители городских властей [1].

Такого рода образцовые социальные проекты нередко появлялись по негласному распоряжению властей. Например, в 1915 г. в г. Акмолинске построил на свои средства каменное здание приюта петропавловский предприниматель Нурмухамед Забиров. Идея о строительстве возникла после замечания акмолинского губернатора местной городской думе. Тогда Забиров предложил на свои средства (15 тыс. руб.) организовать строительство и передать здание в распоряжение городских властей. При этом благотворитель собирался содержать за свой счет 5 мальчиков сирот из мусульман [29].

Средства для фронта собирались самыми разными способами. Были и коллективные, и индивидуальные пожертвования. В пользу раненых воинов отчислялась коммерческая прибыль некоторых татарских предприятий. Очень часто деньги перечислялись в местные отделения Красного креста. Устраивались благотворительные показы. Например, в сентябре 1914 г. владелец синемаатографа «Свет» (располагался в Татарской слободе г. Казани) Шайхутдин Ишмухаметов распорядился отдать сбор с пятничного сеанса на благотворительные цели [6]. В целом, татарские культурно-развлекательные мероприятия (концерты, спектакли и т. п.), организованные с целью благотворительного сбора, стали характерным явлением военного времени. Их тоже поддерживали, в основном, купцы.

Кроме того, организовывались постоянные кружечные сборы в татарских лавках. Т.е. в этом случае предприниматели выступали уже не как жертвователи, а посредники между широкими слоями населения и благотворительными организациями. Например, в октябре 1914 г. казанский купец Гайнутдин Мукминов просил разрешения у губернатора на то, чтобы кружку для сбора из своей лавки вынести на улицу, т.к. приближался Курбан-байрам и в дни мусульманского праздника он рассчитывал на более активные пожертвования от единоверцев [27, с. 46].

Сотрудничество мусульманских благотворителей с Красным крестом было оформлено оригинальным образом. На первом этапе войны среди татарского населения проводились благотворительные акции «Дни Красной звезды». Это был аналог Дня Красного креста, но поскольку по религиозным соображениям татары не спешили покупать предметы с христианской символикой, общественными деятеля-

ми была придумана альтернатива для мусульман – Красная звезда. Средства, собранные с продажи флажков со звездой, шли в пользу раненых солдат российской армии. «Дни Красной звезды» проводились в Казани (27 сентября 1914 г.), Уфе (26 июня 1915 г.) и других городах. В числе основных спонсоров акции тоже были предприниматели. Например, в Уфе – Сабирзян Шамгулов, Гибадулла Усманов, Садретдин Назиров и другие [30; 17].

Таким образом, различных эпизодов помощи фронту и семьям военных было очень много. Практически в каждом городе встречались татарские предприниматели, принимавшие посильное участие в данной работе. С одной стороны, это было проявлением их гражданского долга, с другой они следовали и своим этноконфессиональным установкам. Объектом их первостепенной заботы выступали единоверцы – солдаты-мусульмане и их семьи, беженцы (польские татары) и т.д. Происходило это как из-за особенностей менталитета, так из-за внутренней политики государства. Во многом власти сами ставили определенные ограничения, указывая мусульманам их зону социальной ответственности.

С ограниченной зоной ответственности были связаны и определенные инсинуации относительно мусульман Российской империи. Например, показателен эпизод о крупном татарском предпринимателе из Челябинска – Шакире Ахметове. В ходе войны им были подготовлены предметы первой необходимости для российской армии (мыло, табак, курительная бумага, спички и др. нужные вещи) [22, с. 179]. Потратил он не только свои средства, а еще и пожертвования от других лиц. Но его частная инициатива была интерпретирована недоброжелателями в совершенно ином свете. На предпринимателя в апреле 1916 г. поступил донос в Оренбургское жандармское управление, где говорилось о том, что он производит среди мусульман сбор денег в пользу османской армии. Однако после проверки данного сообщения оказалось, что Ахметов занимался сбором пожертвований исключительно в пользу российских воинов [3, л. 333].

Возникшие в ряде городов трудности с проведением Дня Красной звезды тоже были связаны с необоснованными подозрениями. Например, такое мероприятие было сорвано в 1915 г. в Ташкенте. Надо отметить, что тогда в этом городе довольно активно проявляли себя татарские купцы. Например, у троицких купцов Яушевых в Ташкенте работал собственный торговый дом.

Местный мусульманский комитет не ограничился лишь продажей флажков со звездой, хотел еще установить ее в качестве отличительного знака для своих отделов и отрядов. Но ходатайство было отклонено властями, т.к. символ считался составной частью османского герба [9, с. 458]. Уже в 1916 г. не было упоминаний о проведении Дней Красной звезды, поэтому можно предположить, что на этом благотворительная акция российских мусульман была окончательна свернута.

Попытки связать представителей татарского сообщества с османской армией были не единичными. Например, в январе 1916 г. развернулось целое жандармское расследование «О татаро-турецкой организации существующей в городах империи, занимающейся подготовкой и осуществлением побегов из России военнопленных офицеров, враждебных нам государств». В рамках этого дела прошли обыски у татарских книгоиздателей-братьев Каримых в Уфе, у временного иркутского купца Загидуллы Шафигуллина в Цивильском уезде Казанской губернии, а в Иркутске был арестован его родной брат, местный купец Шайхулла Шафигуллин (1853 – ?). Он был известным общественным деятелем, благотворителем, единственным гласным-татаринном Иркутской городской думы. Под подозрения жандармерии попали почти все, кто хоть как-то контактировал с османскими военнопленными. Например, среди них был самарский торговец фруктами Саттар Маннафов. В его магазине обнаружили покупателя-военнопленного. Однако проведенное жандармское расследование пока-

зало, что все указанные лица не совершали никаких противозаконных действий, тем более направленных в пользу армии противника [23].

Такого рода обвинения останавливали, в том числе благотворительные порывы, некоторых татарских предпринимателей. Довольно любопытный диалог был запроотолирован на заседании Самарской городской думы 16 января 1915 г. В это время в Самару было отправлено много османских военнопленных. Местные власти хотели выявить больных, провести опрос среди них, чтобы не допустить распространения эпидемии. Единственный гласный-татарин, известный благотворитель Махмуд Баишевупорно отказывался выступить посредником в этом деле. На просьбу городского головы, что ему удобнее будет обращаться с турками, купец Баишев заявил: «Для меня что турок, что немец, что австрияк, как воюющаясторона с Россией – враги». Не хотел он соглашаться и с доводом, что это его единовержцы [8, с. 113]. Очевидно, одним из сдерживающих факторов для М. Х. Баишева были как раз его опасения, что эти контакты могут вызвать необоснованные подозрения.

Очень показательна цитата из статьи писателя Гаяза Исхаки, опубликованной в татарской газете «Иль» в 1915 г. «Я не хочу верить тому, что господа, каждый день устраивающие театры, вечера в пользу раненых воинов, Красного креста, делают это только ради получения медалей и “спасибо”», – писал он, осуждая равнодушные татарских купцов к бедственному положению карских мусульман, оказавшихся гражданскими жертвами Кавказского фронта Первой мировой войны [10, с. 41]. Лишь после большой агитационной работы через татарскую прессу широкие слои начали собирать благотворительную помощь в пользу мусульман Карской области. Но сначала страх необоснованных обвинений сдерживал даже известных татарских благотворителей.

Очевидно, с подозрительностью властей такого рода (прежде всего, панисламизм) связано и то, что еще до начала войны некоторые татарские общественные объединения (в их числе и мусульманские благотворительные общества) сталкивались с бюрократической волокитой и долго не могли утвердить свой устав. В то же время парадоксально, но в военных условиях открылись и новые возможности: если на первом этапе еще были сложности с юридическим оформлением, в дальнейшем чиновники проявляли большую лояльность к различным этноконфессиональным общественным инициативам.

Так лишь в октябре 1914 г. утвердили устав мусульманской богадельни Общества пособия бедным мусульманам г. Казани. Фактически богадельня работала с 1900 г. [24, с. 245]. Аналогичная ситуация была в Симбирске. Там с 1913 г. пытались открыть «Симбирское мусульманское общество» [4, л. 8]. Зарегистрировали общество в мае 1915 г., хотя общество действовало уже с 1908 г. В конце 1914 г. был утвержден устав Стерлитамакского мусульманского благотворительного общества. И таких примеров на самом деле было много.

Интересно, что в июле 1914 г. министр внутренних дел Н. Маклаков дал указание о том, что следует утверждать уставы лишь мусульманских благотворительных обществ, а рассмотрение уставов культурно-просветительских объединений или обществ «смешанного типа» временно приостановить [21, с.79].

Мы можем предположить, что активная благотворительная деятельность в пользу фронта давала преференции и для осуществления других проектов. Прежде всего, в культурно-просветительской сфере. Например, обращает на себя внимание, что в 1916 г. получил официальный статус гимназии частная татарская женская школа Фатихи Аитовой. Эта была первая татарская гимназия. Как уже было отмечено выше, и её супруг Сулейман Аитов и сама Фатиха активно занимались организацией благотворительной помощи солдатам и их семьям. Их случай – это наиболее

яркий пример нахождения баланса между общегражданским долгом и этноконфессиональной миссией.

Еще один благотворитель, казанский предприниматель Гайнутдин Мукминов в 1916 г. учредил Товарищество на вере – фирму «Умид» («Надежда») для издания газет, журналов, книг на татарском и других языках [25, с. 9]. Хотя это было коммерческое предприятие, нужно отметить, что получение разрешения на книгоиздательское дело для татарских предпринимателей было не простым делом. Главным образом, из-за панисламистских подозрений.

Что касается, иных татарских культурно-просветительских объединений, то в течение войны все-таки удалось дать юридическое оформление некоторым проектам. Например, весной 1915 г. начал функционировать «Петроградское общество распространения знаний среди русских мусульман» [28]. С 1916 г. действовало Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество, учрежденное местными купцами Хусаиновыми, редактором газеты «Вақыт» Фатыхом Карими и другими лицами [26, с. 57]. Были, безусловно, и другие объединения.

Заключение

Готовность сделать пожертвование в пользу нуждавшихся являлось характерной чертой менталитета как татарского, так и в целом российского предпринимательства начала XX в. В мирное время благотворительная деятельность в пользу татарских медресе, мечетей, мусульманских благотворительных обществ и других учреждений рассматривалась торговцами и промышленниками, в том числе, в качестве символического капитала (для формирования собственного социального престижа).

Первая мировая война стала для них новым вызовом. В сложившуюся к началу XX в. систему татарских социокультурных институтов, базировавшейся во многом на материальной поддержке татарского предпринимательства, встраивались задачи общегражданского характера. В этот период основные силы были брошены на нужды военных и их семей, организацию медицинской помощи и т. д. Довоенный опыт организации социальной помощи, накопленный в рамках деятельности мусульманских благотворительных обществ, был применен татарским предпринимательством уже в работе различных временных комитетов.

Стоит отметить, что благотворительная помощь данной социальной группы, в основном, имела этноконфессиональный характер. Это было следствием заданных органами власти определенных координат в общественной жизни. Обратной стороной данных установок стали попытки экстраполяции опыта татар-мусульман на другие сферы, возникали стереотипные образы и даже ложные представления о татарских деятелях начала XX в. Поэтому в годы войны были зафиксированы парадоксальные ситуации, когда татары-мусульмане, среди них и известные благотворители, отказывались помогать единоверцам из числа гражданских жертв войны и военнопленных.

С другой стороны, именно в годы Первой мировой войны инициативы татарского предпринимательства общегражданского характера подчеркивали их лояльность государству, что давало им возможность для реализации ранее неосуществимых татарских социокультурных проектов. Это было связано с юридическим оформлением различных общественных объединений (прежде всего, благотворительных), открытием учебных заведений и т. д.

Примечания

1. Статья подготовлена по итогам работы научного семинара «История российского предпринимательства и благотворительность: новые грани научного исследования проблемы» в рамках деятельности Центра исследований истории предпринимательства регионов России (Институт российской истории РАН, Елабужский институт (филиал) КФУ).
2. В 1867 г. было организовано Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге.

Список источников и литературы

1. Волжское слово. 1914. 8 нояб.
2. *Габдрафикова Л. Р., Абдуллин Х. М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Казань: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2015. 395 с.
3. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4.
4. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 79.
5. Город Казань. 1914. 29 авг.
6. Город Казань. 1914. 7 сент.
7. *Забывтая война. Сто лет* : (путеводитель) / авт.-сост. В. Макарова. Уфа: Нац. музей Республики Башкортостан, 2014. 12 с.
8. *Зубова О. В., Калягин А. В.* «По чьему-то великому и преступному недомыслию...» (турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2015. № 3. С. 104–136.
9. *Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)* : сб. материалов / сост. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 479 с.
10. *Исхакый Г. Әсәрләр. Т. 7.* Публицистика (1915-1916). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 365 б.
11. Казанский телеграф. 1914. 6 нояб.
12. Казанский телеграф. 1914. 14 нояб.
13. Казанский телеграф. 1915. 9 апр.
14. Казанский телеграф. 1915. 20 окт.
15. Камско-Волжская речь. 1915. 14 апр.
16. Камско-Волжская речь. 1915. 21 мая.
17. Камско-Волжская речь. 1915. 4 июля.
18. Камско-Волжская речь. 1915. 8 июля.
19. *Миннуллин З. С.* Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского университета. 2008. Т. 150, кн. 8. С. 198–202.
20. *Миннуллин З. С.* Источники по истории татарских благотворительных организаций второй половины XIX - начала XX в. // Гасырларавазы. 2019. № 3. С. 168–182.
21. *Мясникова О. С.* Мусульманское население г. Петрограда в 1914 – нач. 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мясникова Ольга Сергеевна. СПб., 2004. 228 с.
22. *Рязанский И. В.* Тыловая российская повседневность в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Рязанский Илья Вячеславович. Челябинск, 2006. 233 с.
23. *Салихов Р. Р.* Участие татарской буржуазии в судьбах турецких военнопленных в годы Первой мировой войны // *Akdes Nimet Kurat'ın hayatı ve eserleri : sempozyumu bildiriler = Материалы научного симпозиума «Жизнь и научная деятельность Акдеса Нимета Курата».* Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2016. С. 305–311.
24. *Салихов Р. Р.* Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. Казань: ФЭн, 2004. 260 с.
25. *Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Фест, 1995. 280 с.
26. *Татарское общество Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах)* / сост. Ф. Бектемиров. Оренбург, 2014. 150 с.
27. *У милосердия древние корни (благотворительность и милосердие в Казани в годы*

- Первой мировой войны, 1914-1917 гг.)* : сб. док. и материалов / под ред. Д. Р. Шарафутдинова. Кн. 2. Казань: Гасыр, 2003. 208 с.
28. Уфимский вестник. 1915. 7 марта.
  29. Уфимский вестник. 1915. 12 апр.
  30. Уфимский вестник. 1915. 9 июня.
  31. *Хайрутдинова Д. Р.* Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // *Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX – XX вв.)*. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. С. 420–424.
  32. *Айнутдинова Л. М., Хайрутдинов Р. Г.* *Всероссийские съезды мусульман // Tatarica*. Татарская энциклопедия : универсальный мультимедийный интернет-ресурс. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (дата обращения: 07.05.2024).
  33. *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губернии). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

References

1. *Volzhskoye slovo* 1914, 8 November. (In Russ.)
2. Gabdrafikova, LR & Abdullin, KhM 2015, *Tatary v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – 1918)* (Tatars during the World War I (1914 – 1918)), In-t ist. im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan publ, Kazan. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* (State Archive of the Orenburg Region), fund 21, inventory 9, file 4. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti (GAUO)* (State Archive of the Ulyanovsk Region), fund 76, inventory file 79. (In Russ.)
5. *Gorod Kazan*, 1914, 29 August. (In Russ.)
6. *Gorod Kazan*, 1914, 7 September. (In Russ.)
7. Makarova, V 2014, *Zabytaya voyna. Sto let* (The Forgotten War. One hundred years), Nats. muzey Respubliki Bashkortostan publ, Ufa. (In Russ.)
8. Zubova, OV & Kalyagin, AV 2015, ‘«Po chyemu-to velikomu i prestupnomu nedomysliyu...» (turetskiye voyennoplennyye v Samare, 1915 god)’ (“According to someone's great and the criminal folly...” (Turkish prisoners of war in Samara, 1915)), *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* (20th century and Russia: society, reforms, revolutions), no. 3, pp. 104–136. (In Russ.)
9. Arapov, DYu 2006, *Imperatorskaya Rossiya i musulmanskiy mir (konets XVIII – nachalo XX v.)* (Imperial Russia and the Muslim World (late 18th – early 20th centuries)), Natalis publ, Moscow. (In Russ.)
10. *Iskhakyy, G* 2008, *Әсәрләр* (Works), vol.7, Publitsistika (1915 – 1916) (Publicism (1915 – 1916)), Татарстан китап нәшрияты publ, Kazan. (In Tatar)
11. *Kazanskiy telegraf* 1914, 6 November. (In Russ.)
12. *Kazanskiy telegraf* 1914, 14 November. (In Russ.)
13. *Kazanskiy telegraf* 1915, 9 April. (In Russ.)
14. *Kazanskiy telegraf* 1915, 20 October. (In Russ.)
15. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 14 April. (In Russ.)
16. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 21 May. (In Russ.)
17. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 4 July. (In Russ.)
18. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 8 July. (In Russ.)
19. Minnullin, ZS 2008, ‘Vozniknoveniye i razvitiye musulmanskiykh blagotvoritelnykh organizatsiy Rossii (XIX – nachalo XX vv.)’ (Origin and Development of Muslim Charity Organization in Russia (19th – early 20th centuries)), *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 150, book 8, pp. 198–202. (In Russ.)

20. Minnullin, ZS 2019, 'Istochniki po istorii tatarskikh blagotvoritel'nykh organizatsiy vtoroy poloviny XIX - nachala XX v.' (Historical sources on the Tatar charitable organizations of the second half of the 19th – early 20th century), *Гасырларавазы*, no. 3, pp. 168–182. (In Russ.)
21. Myasnikova, OS 2004, *Musul'manskoye naseleniye g. Petrograda v 1914 – nach. 1917 gg.* (Muslim population of Petrograd in 1914 – early 1917), PhD thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
22. Ryazanskiy, IV 2006, *Tylovaya rossiyskaya povsednevnost v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny: Yuzhnyy Ural v iyule 1914 – fevrale 1917 gg.* (Russian everyday life on the home front in the World War I: The Southern Urals in July 1914 – February 1917), PhD thesis, Chelyabinsk. (In Russ.)
23. Salikhov, RR 2016, 'Uchastiye tatarskoy burzhuazii v sudbakh turetskikh voyennoplennnykh v gody Pervoy mirovoy voyny' (Participation of the Tatar bourgeoisie in the fate of Turkish prisoners of war during the World War I), *Akdes Nimet Kurat'ın hayatı ve eserleri: sempozyumu bilderiler* (Proceedings of the Scientific Symposium 'Life and Scientific Work of Akdes Nimet Kurat'), Turk Tarih Kurumu publ, Ankara, pp. 305–311. (In Russ.)
24. Salikhov, RR 2004, *Uchastiye tatarskogo predprinimatelstva Rossii v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* (Participation of the Tatar entrepreneurship in Russia in the socio-political processes of the second half of the 19th - early 20th centuries), Fen publ, Kazan. (In Russ.)
25. Salikhov, RR & Khayrutdinov, RR 1995, *Respublika Tatarstan: Pamyatniki istorii i kultury tatarskogo naroda (konets XVIII – nachalo XX vekov)* (Republic of Tatarstan: Monuments of history and culture of the Tatar people (late 18th - early 20th centuries)), Fest publ, Kazan. (In Russ.)
26. Bektemirov, F 2014, *Tatarskoye obshchestvo Orenburgskoy gubernii (v dorevol'yutsionnoy pechati i arkhivnykh dokumentakh)* (Tatar society of Orenburg province (in pre-revolutionary press and archive documents)), Orenburg. (In Russ.)
27. Sharafutdinov, DR (ed.) 2003, *U miloserdiya drevniye korni (blagotvoritel'nost' i miloserdiye v Kazani v gody Pervoy mirovoy voyny, 1914 – 1917 gg.)* (Mercy has ancient roots (charity in Kazan during the World War I, 1914 – 1917)), book 2, Gasyr publ, Kazan. (In Russ.)
28. *Ufimskiy vestnik* 1915, 7 March. (In Russ.)
29. *Ufimskiy vestnik* 1915, 12 April. (In Russ.)
30. *Ufimskiy vestnik* 1915, 9 June. (In Russ.)
31. Khayrutdinova, DR 2008, 'Blagotvoritelnost i miloserdiye tatarskikh zhenshchin v gody Pervoy mirovoy voyny' (The tatar women in the years of the World War I), *Obshchestvenno-politicheskaya mysl i dukhovnaya kultura narodov Povolzhya i Priuralya (XIX – XX vv.)* (Socio-political thought and spiritual culture of the Volga and Urals peoples (19th -20th centuries)), Izd-vo Kazan. gos. un-ta publ, Kazan, pp. 420–424. (In Russ.)
32. Aynutdinova, LM & Khayrutdinov, RG, 'Vserossiyskiye syezdy musulman' (All-Russian Muslim Congresses), *Tatarica. Tatarskaya entsiklopediya* (Tatarica. Tatar Encyclopaedia), viewed 7 May 2024, <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (In Russ.)
33. Yamayeva, LA 2002, *Musul'manskiy liberalizm nachala XX veka kak obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye (po materialam Ufimskoy i Orenburgskoy gubernii)* (Muslim liberalism of the early 20th century as a social and political movement (based on the materials of Ufa and Orenburg provinces)), Gilem publ, Ufa. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.05.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 15.05.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 69–75.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 69–75.

Научная статья

УДК 81`27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-69-75>

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

**Григорий Валериевич
Токарев**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, grig72@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. В статье показано, что одним из важнейших понятий современных гуманитарных наук является идентичность. Предпринята попытка лингвокультурологического осмысления идентичности. В ходе исследования определены ключевые проблемы изучения идентичности и намечены пути их решения. Определено, что идентичность включает в себя самоощущение, самопонимание. Сущность идентичности заключается в тождественности объяснения мира, рефлексии на действительность, способов и средств их воплощения. Идентичность связана с поиском ответа на вопрос, кто я / мы?, что и определяет сущность процесса идентификации, то есть категоризации, ориентирующейся на ментальные фильтры: свой / чужой, мое / не моё, близкий / далёкий, понятный / непонятный, приемлемый / неприемлемый.

При решении проблемы видов идентичности следует учитывать характер субъекта культуры. В зависимости от степени обобщённости представлений о субъекте можно говорить об индивидуальной, социальной, региональной, культурной и других видах идентичности. Изучение ментальных аспектов идентичности связано с описанием концептосферы культуры. Знаковое измерение идентичности составляют симболарии, включающие совокупности культурно маркированных знаков, ядро которых формируют символы, эталоны, обереги, меры, эмблемы, бренды. Идентичность проявляется в вербальных текстах культуры. Определено, что для культуры необходимо заявлять о своей идентичности. Идентичность участвует в формировании знаково-когнитивной базы лингвокультурной общности, в которую входят прецедентные тексты и тезаурус культуры, включающий в себя представления, нормы, запреты, установки, стереотипы. Заданный идентичностью набор текстов культуры используется субъектом культуры в типичных ситуациях. Указана необходимость осмыслить границы идентичности.

Ключевые слова: язык, культура, идентичность, культурный код, ментальность, симболарий культуры, лингвокультурная группа, свой / чужой.

Для цитирования: Токарев Г. В. О лингвокультурологической интерпретации проблемы идентичности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 69–75. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-69-75>

Сведения об авторе: Г. В. Токарев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81`27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-69-75>

ON THE LINGUISTIC AND CULTURAL INTERPRETATION OF THE IDENTITY PROBLEM

Grigoriy V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, grig72@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article shows that one of the most important concepts of modern humanities is identity. In the course of the study the author makes an attempt of linguistic and cultural comprehension of identity, highlights the key problems in the study of identity and outlines ways to address them. The article defines that identity includes self-perception, self-understanding. The essence of identity lies in the identity of the explanation of the world, reflection on reality, ways and means of their implementation. Identity is associated with the search for an answer to the question, who am I / we?, which determines the essence of the identification process, that is, categorization based on mental filters: own / alien, mine / not mine, near / far, understandable / incomprehensible, acceptable / unacceptable.

When solving the problem of types of identity, it is necessary to take into account the nature of the subject of culture. Depending on the degree of generalization of ideas about the subject, we can talk about individual, social, regional, cultural and other types of identity. The study of the mental aspects of identity is associated with the description of the conceptual sphere of culture. The symbolic dimension of identity is made up of culture metalanguage, which includes sets of culturally labelled signs, the core of which consists of symbols, standards, amulets, measures, emblems, brands. The manifestation of identity takes place in the verbal texts of culture. The author determines that it is necessary for a culture to declare its identity. Identity participates in the formation of the sign-cognitive base of the linguistic and cultural community, which includes thesaurus of culture and precedent texts. The thesaurus includes ideas, norms, prohibitions, attitudes, stereotypes. The cultural subject uses the set of cultural texts defined by identity in typical situations. The article points out the need to comprehend the boundaries of identity.

Keywords: language, culture, identity, cultural code, mentality, cultural culture metalanguage, linguistic and cultural group, own / alien.

For citation: Tokarev, GV 2024, 'On the Linguistic and Cultural Interpretation of the Identity Problem', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 69–75, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-69-75> (in Russ.)

Information about the Author: *Grigoriy V. Tokarev* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Documentation Sciences and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Tokarev G. V., 2024

Введение

Одним из важнейших понятий современных наук о человеке является идентичность. В сегодняшнем беспокойном мире, где очевидно просматриваются разнонаправленные тенденции поиска идентичности, её отстаивания в условиях подавления и глобализации, её абсолютизации до крайних форм шовинизма, её поругания в виде экстремизма и ксенофобии, попытки её трансформации, данный феномен требует глубокого всестороннего изучения. В истории любой культуры назревают периоды, когда вопрос об идентичности её носителей становится особенно остро. Такие этапы можно характеризовать как переходные, направляющие культуру на новый виток развития, когда она задаётся вопросами, предполагающими анализ сгенерированных знаний и текстов и поиск перспектив своего дальнейшего развития. По всей вероятности, такие этапы обязательны для жизненного цикла любой развивающейся культуры.

Лингвистические науки, порождённые антропоцентрической парадигмой и сформированные на синкретичных платформах, должны осмыслить данное явление, предложить свою интерпретацию и подходы к нему. В стороне не должна остаться и лингвокультурология, наука, изучающая интеракцию языка и культуры. Идентичность является одним из перспективных для лингвокультурологического осмысления понятий. Однако не все лингвокультурологические школы включают его в перечень объектов изучения. Обращение к проблеме идентичности редко в исследованиях, посвящённых изучению воплощения культуры в тело языка. На между тем в лингвокультурологии даны дефиниции идентичности и идентификации. Так, В. И. Карасик определяет социально-языковую идентичность «...как осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения» [1, с. 285]. В. В. Красных пишет о культурной идентификации как «процессе и результате установления культурной принадлежности» [2, с. 132].

Материалы и методы

Целью данной статьи является определение возможных векторов рассмотрения идентичности в лингвокультурологическом аспекте. Исследование осуществляется общенаучным методом описания. Материалом исследования являются культурно маркированные факты языка и речи.

Результаты

Первая проблема связана с изучением природы идентичности.

Данное понятие нередко используют в качестве синонимов терминов культура, культурный код, ментальность для освещения концептуальной и знаковой природы рассматриваемого явления. Полагаем, что данное отождествление небезосновательно. Идентичность – это свойство культуры, её производная. Она включает в себя самоощущение, самопонимание, знания субъекта культуры о самом себе, которые склонны к определённым способам объективации. Это означает, что все подходы и методы, которые применимы к описанию культуры, релевантны и при изучении идентичности. Исходя из этого морфологические признаки культуры можно перенести и на понятие идентичности, сущность которой заключается в тождественности объяснения мира, рефлексии на действительность, способов и средств их воплощения.

Принимая во внимание основные функции культуры [3], мы можем экстраполировать их на идентичность. Итак, идентичности присущи:

- интегрирующая функция, проявляющаяся в объединении своих и противопоставлении чужим;
- концептуальная и аккумулирующая функции, суть которых заключается в генерировании и хранении знания о себе;

- сигнификативная функция, заключающаяся в отборе способов и средств объективации знаний;
- коммуникативная функция, выражающаяся в передаче информации о себе другим поколениям или иным субъектам культуры;
- регулятивная функция, проявляющаяся в организации жизнедеятельности, обеспечении следования нормам и запретам.

Идентичность связана с поиском ответа на вопрос, кто я / мы?, что и определяет сущность процесса идентификации, то есть категоризации, ориентирующейся на ментальные фильтры: свой / чужой, мое / не моё, близкий / далёкий, понятный / непонятный, приемлемый / неприемлемый. Так, значения русских пословиц и поговорок о своём и чужом показывают, что своё трактуется как то, что даёт свободу, право, чужое воспринимается как греховное, ненадёжное: *на своей кляче куда хочу, туда и скачу; свой хлеб хошь ночью ешь! чужой мед горек, чужие хлебы приедчивы*. Авторы словаря «Славянские древности» указывают на родство оппозиций хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мёртвый, человеческий – звериный, внутренний – внешний оппозиции свой vs. чужой [4, с. 581–582]. Идентификация включает в себя культурную интерпретацию, сущность которой проявляется в готовности адекватно декодировать знак культуры. Так, для представителей Тульского региона понятны номинации Мыльная Гора, Петелино, их коннотативные значения (Мыльная гора – символ смерти, того света, Петелино – эталон отклонения от нормы поведения), в то время как те же названия являются обычными топонимами для представителей иных региональных культур.

Полагаем, что для лингвокультурологии является актуальной задача рассмотрения знаковой и ментальной природы идентичности, лингвокультурных аспектов категоризации знаний и вербальных знаков, используемых в процессе идентификации.

Вторая проблема детерминирована видами идентичности.

Идентичность ориентирована на субъекта культуры. В зависимости от степени обобщённости представлений о субъекте можно говорить об индивидуальной, социальной, региональной, культурной и других видах идентичности. Идентичность проявляется в чертах национального характера, в сходных интерпретантах явлений действительности, типах реакций на неё. Так, русским приписываются противоречивые качества характера: доброта и склонность к агрессии, лень и трудолюбие, терпимость и бунтарство, анархизм и законопослушность, набожность и атеизм, гордость и самоуничижение, статичность и стремление к переменам и др.

Распознавание своего осуществляется с опорой на лингвокультурные типажи, которым свойственна определённая система ценностей, сценарии поведения, языковой портрет.

Задачей лингвокультурологии в этом аспекте является системное детализированное описание типов субъектов культуры с учетом культурных парадигм и стратов.

Третья проблема обусловлена изучением ментальных аспектов идентичности.

Эту её сферу представляют концепты культуры, отражающие культурный опыт и его эмоциональное переживание. Л. Н. Гумилёв указывал, что «...основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти» [5, с. 300]. Из этого тезиса следует, что основой идентичности становятся общие переживания, оценки, историческая судьба. Идентичность воплощается в автостереотипах, объективированных, например, пословицами и поговорками. *Русский народ – царелюбивый. Русский терпелив до зачина. Русский задора ждет. Русский человек – добрый человек. Русский народ не боится креста, а боится песта*. Идентичность проявляет себя в иерархии ценностей, которых придерживается лингвокультурное сообщество. Так, в XVIII – XIX ве-

как было распространено немало представлений, идентифицирующих туляков. Их увлечение разведением голубей интерпретировалось как проявление сентиментальности, сдержанности в отношении к употреблению спиртных напитков (голуби боятся нетрезвого человека), материального благополучия (покупка птиц и их содержание требовали средств). В стереотип туляка входили представления о его доброте, бескорыстности, благодарности. Большое число храмов, построенных на деньги местных купцов, называние улиц именами тульских меценатов отражают эти знания. Считалось, что туляки – зажиточные люди. До сих пор Тула, в сравнении с соседними городами, воспринимается как город богатый. Это обусловлено прежде всего наличием многообразных производств, возможностью дополнительного заработка на заказах оружейных заводов, гармонных и самоварных фабрик.

Итак, задачей лингвокультурологии в этом аспекте является изучение принципов культуры, норм, запретов, стереотипов, которые становятся актуальны при идентификации того или иного субъекта культуры.

Четвёртая проблема связана с исследованием симболяриев идентичности.

Знаковое измерение идентичности составляют симболярии, включающие совокупности культурно маркированных знаков, ядро которых формируют символы, эталоны, обереги, меры, эмблемы, бренды. Например, одной из частей такого симболярия является речевой этикет. Так, в узбекской лингвокультуре в качестве русского эквивалента *как дела?* используется вопрос *не устаёте?* Очевидно, что чуждый данной культурной среде человек буквально воспримет данный вопрос.

По своим функциям единицы симболярия идентичности неоднородны. Одни из них отражают актуальные для членов лингвокультуры смыслы, а потому понятные только им, другие служат презентации культуры, выступают в виде меток, позволяющих её идентифицировать. Тульский пряник, тульский самовар являются брендами региона, служащими презентации тульской культуры. Многообразные эталоны человека, характеризующие его в аспектах деятельности, внешности, особенностей характера, наименования наивных единиц измерения, символы, регулирующие поведение человека, вербальные обереги (*грабли, сума, замок, барабан, рукой подать, как две капли воды, коломенская верста, пчёлка, как назвали так и зовут* и др.) представляют вторую группу единиц, необходимых лингвокультурному сообществу, а потому верно интерпретируемых, нужных и понятных в процессах культурной коммуникации.

Идентичность проявляется в разнообразных, но прежде всего вербальных текстах культуры. Сложно найти текст, фольклорный, авторский, в котором бы не затрагивались проблемы идентичности. Исходя из утверждения Ю. М. Лотмана, что текст является формой существования культуры [6, с. 434], можно сделать вывод, что для культуры необходимо заявлять о своей идентичности, самостийности, отличии от других культур. Идентичность участвует в формировании знаково-когнитивной базы лингвокультурной общности, в которую входят прецедентные тексты и тезаурус культуры, включающий в себя представления, нормы, запреты, установки, стереотипы. Заданный идентичностью набор текстов культуры используется субъектом культуры в типичных ситуациях. Каждое предсказуемое событие предполагает использование лингвокультурной группой разнообразных с точки зрения семиотической природы текстов, которые его ритуализируют. Таким образом, в задачи лингвокультурологии входит описание вербального арсенала, используемого субъектом культуры в интерпретации действительности.

Пятая проблема связана с осмыслением границ идентичности, исследованием коммуникации разных идентичностей. Наивное сознание чётко определяет границы своего и чужого. Например, фольклорные тексты отражают представления о том, что своим считалось пространство дома двора, чужим – леса. Границы пространства

семиотически выделялись, им приписывалась сакральная семантика. Так, порог, окно, дверь, река относились к знакам с подобной культурной семантикой. Идентичность всегда определяет для себя красные линии, переход которых означает вторжение в чужое пространство. «Свое» лингвокультурной общностью трактуется как правильное, «чужое» – как отступающее от норм, имеющих характер императива, поэтому лингвокультурная общность остро реагирует на их нарушение, накладывая нравственные санкции. Данные процессы также находят воплощение в языке.

Лингвокультурология должна определить таксоны, которые кладутся в основу пространства идентичности, выяснить состав и исследовать прагматический потенциал знаков, которые используются при объективации своего и чужого.

Безусловно, данные аспекты отчасти затрагивались и концептологией, аксиологической лингвистикой, межкультурной коммуникацией, однако не были основным предметом описания при решении поставленных задач.

Итак, одним из возможных путей развития лингвокультурологии является изучение идентичности, её природы, ментального и знакового аспектов, границ пространства и диалога с другими идентичностями. Идентичность является свойством культуры, следствием её бытия, поэтому на неё распространяются её признаки и функции. Идентичности свойственны интегративная, концептуальная, аккумулятивная, сигнификативная, коммуникативная, регулятивная функции. Ментальное пространство идентичности составляет конфигурация представлений, автостереотипов, принципов, норм, запретов, знаковое – симболярный лингвокультурных средств и прецедентные тексты культуры.

Заключение

Полагаем, что для изучения феномена идентичности на лингвокультурологической платформе будут актуальны следующие аспекты:

- 1) нормы, запреты, ценности, определяющие ментальное пространство идентичности;
- 2) вербальные средства выражения идентичности;
- 3) прототипические коммуникативные ситуации, характерные для лингвокультурных групп;
- 4) тексты как формы аккумуляции идентичности;
- 5) пути постижения идентичности в процессе изучения языка;
- 6) практическое осмысление смежных с идентичностью концептов ксенофобия и экстремизм.

Список источников и литературы

1. Карасик В. И. Языковые картины бытия : монография. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2020. 467 с.
2. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 493 с.
3. Токарев Г. В. Трансфер функций культуры в систему лингвокультуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 190–198.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. 488 с.
5. Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М.: Экспресс, 1992. 130 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

References

1. Karasik, VI 2020, *Yazykovyye kartiny bytiya* (Linguistic pictures of being), In-t russkogo yazyka im. A. S. Pushkina publ, Moscow. (In Russ.)
2. Krasnykh, VV 2016, *Slovar i grammatika lingvokultury: osnovy psikholingvokulturologii* (Vocabulary and grammar of linguoculture: foundations of psycholinguoculturology), Gnozis publ, Moscow. (In Russ.)
3. Tokarev, GV 2023, 'Transfer funktsiy kultury v sistemu lingvokultury' (The transfer of cultural functions into the linguacultural system), *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 190–198. (In Russ.)
4. Tolstoy, NI (ed.) 1995, *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar* (Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary), vol. 1, Mezhdunar. otnosheniya publ, Moscow. (In Russ.)
5. Gumilyov, LN 1992, *Ot Rusi k Rossii* (From Rus to Russia), Ekopros publ, Moscow. (In Russ.)
6. Lotman, YuM 2000, *Semiosfera* (On the semiosphere), Iskusstvo-SPb publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 316.347

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-76-85>

ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

**Валентина Авраамовна
Маслова**

Витебский государственный университет

имени П. М. Машерова

Витебск, Республика Беларусь, mvavit@tut.by

<https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Аннотация. В статье исследуется разновидность идентичности личности – региональная идентичность, формирование данного понятия в науке относят ко второй половине XX века. Актуальность статьи обусловлена интересом современного человека к тому, кто он и откуда. Влияние глобализации в области языка и культуры привели к кризису учения о национальной и культурной идентичности и даже самоидентификации личности. Противостоять глобализации сможет идентификация себя с близкими по духу, языку, культуре, образу жизни, религии, этническим и национальным, региональным признакам. Цель – показать существование региональной языковой личности и проследить роль языка в формировании региональной идентичности в коммуникативном пространстве региона. Когнитивной базой формирования региональной идентичности можно считать, в первую очередь, язык и зафиксированные в нем составляющие материальной и духовной культуры региона. В статье презентован созданный нами «Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины», содержащий различную информацию о данном регионе. Причем, из всего разнообразия фактов были выбраны такие сущности, которые лучше всего репрезентируют культурное пространство нашего региона. В культурное пространство входят все существующие представления о феноменах культуры у языковой личности, полученные ею в процессе социализации и деятельности. Это архитектура региона, литература, региональный фольклор с его обычаями, обрядами, песнями; духовная культура, заповедники, знаменитые люди Витебщины, материальная культура (памятники, замки, крепости), уникальная природа региона (обилие озер). Язык в статье рассматривается как лингвокультурный феномен, как выразитель национальной и региональной культуры.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, регион, региональная идентичность, символ.

Для цитирования: Маслова В. А. Идентичность региональной личности и роль языка в процессе идентификации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 76–85. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-76-85>

Сведения об авторе: В. А. Маслова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 210038, Республика Беларусь, г. Витебск, проспект Московский, 33.

Scientific Article
UDC 316.347
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-76-85>

REGIONAL IDENTITY AND THE ROLE OF LANGUAGE IN THE IDENTIFICATION PROCESS

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus, mvavit@tut.by
<https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Abstract. The article examines a type of personality identity – regional identity, the formation of this concept in science is attributed to the second half of the twentieth century. The relevance of the article is due to the interest of a modern person in who he is and where he comes from. The influence of globalization in the field of language and culture has led to a crisis of the doctrine of national and cultural identity and even self-identification of the individual. Identification with people close in spirit, language, culture, lifestyle, religion, ethnic and national, regional characteristics will be able to resist globalization. The aim is to show the existence of a regional linguistic personality and to trace the role of language in the formation of regional identity in the communicative space of the region. The cognitive basis for the formation of regional identity can be considered, first of all, the language and the components of the material and spiritual culture of the region fixed in it. The article presents the "Short linguistic and cultural dictionary-reference book: the cultural space of Vitebsk region", which contains various information about this region. Moreover, from the whole variety of facts, such entities were selected that best represent the cultural space of our region. The cultural space includes all the existing ideas about the cultural phenomena of a linguistic personality, acquired by it in the process of socialization and activity. These are the architecture of the region, literature, regional folklore with its customs, rituals, songs; spiritual culture, nature reserves, famous people of Vitebsk region, material culture (monuments, castles, fortresses), the unique nature of the region (abundance of lakes). The language in the article is considered as a linguistic and cultural phenomenon, as an expression of national and regional culture.

Keywords: identity, identification, region, regional identity, symbol.

For citation: Maslova, VA 2024, 'Regional Identity and the Role of Language in the Identification Process', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 76–85, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-76-85> (in Russ.)

Information about the Author: *Valentina A. Maslova* – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Preschool and Primary Education, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Moskovsky Avenue, Vitebsk, 210038, Belarus.

Введение

Актуальность настоящей статьи обусловлена интересом современной лингвистики и лингвокультурологии к проблемам выявления языковых картин мира разных лингвокультур и одной лингвокультуры в пределах конкретного региона.

Отождествление личности с некоторой социальной, национальной, региональной, религиозной группой и есть установление ее идентичности. Потребность в исследовании идентичности связаны с тем, что человек хочет понять, кто он и откуда, осознавать свои ценности и интересы, понимать, кто для него «свой», а кто «чужой».

Термин идентичность происходит от латинского слова, в переводе означающего «отождествление». Наиболее продвинулась в изучении данного феномена психология, где идентичность исследуется как результат взаимодействия двух составляющих – индивидуально-личностного начала и социальных процессов. Идентичность также стала предметом интереса философии, социологии, лингвистики, лингвокультурологии и других наук.

Цель статьи – показать существование региональной языковой личности и проследить роль языка в формировании региональной идентичности в коммуникативном пространстве региона.

Материалы и методы

В работе в целом используются описательный и сравнительный методы, проводится системно-семасиологическая интерпретация фактологического материала, используются приемы, связанные с полиаспектным анализом лингвокультурологических данных.

Результаты

Идентичность – это концептуальная категория, являющая собой совокупность представлений, убеждений, ценностей, социальных ролей, профессиональных качеств и других характеристик личности. Идентичность, с одной стороны, – личностный феномен, с другой – социальный, потому что личность осознает себя таковой в социальном контексте – контексте социальных групп, семьи, профессионального общества и т.д.

Как известно, глобализация размывает этнические, национальные, культурные, религиозные и даже государственные границы. Влияние глобализации в области языка и культуры привели к кризису учения о национальной и культурной идентичности и даже самоидентификации личности. Противостоять глобализации сможет идентификация себя с близкими по духу, языку, культуре, образу жизни, религии, этническим и национальным, региональным признакам. Данная статья посвящена региональной идентичности, т.к. на смену глобализации идет регионализация, отсюда актуальность проблемы, ибо только через осознание собственной идентичности можно стать патриотом своей родины и победить глобализацию. Такой подход и позволяет утверждать, что избранная тема статьи является актуальной, ибо позволяет вскрыть сложный характер между языком и культурой региона. Являясь фрагментом национальной картины мира, региональная картина мира характеризуется специфическими чертами и требует своего отдельного изучения.

Обсуждение результатов

Личностная идентичность – это совокупность представлений о себе, о своей ценности, значимости и роли в обществе, которые дает личности ее опыт, приобретаемый во взаимодействии с другими людьми и миром, включая культурные, религиозные, этнические и иные идентификации.

Сейчас исследователи данной проблемы выделяют следующие виды идентичности. Социальная идентичность – А. Г. Асмолов, В. С. Агеев, Н. Л. Иванова и другие. Как считают указанные авторы, – это прижизненно формирующаяся система соци-

альных конструкторов субъекта, которые указывают на ценностно-смысловую сферу, поведение, характер [5]. Анализирую существующую литературу по проблеме, мы пришли к выводу, что социальная идентичность слишком широкое понятие и предлагаем вычлениать из нее отдельные виды идентичности, например, профессиональную идентичность, т.е. профессиональное самоопределение; культурную идентичность, о которой будет сказано отдельно, национальную идентичность, этническую, политическую идентичность и другие ее виды. Каждая из видов названных идентичностей, имеет ряд составляющих. Так, этническая идентичность может быть субэтнической, этнической и этнополитической [10].

Существует и государственная идентичность, когда разные по языку, культуре, религии народы связывают себя с определенным государством (россияне, китайцы). Еще И. Сталин писал о том, что язык, наряду с территорией и экономикой, детерминируют государственность.

В последние годы стали говорить о виртуальной идентичности, ибо интернет-среда становится частью современной культуры; это то, что формирует индивидуально-личностную самоидентификацию средствами интернета: она создается в социальных сетях, видеоиграх, форумах и т.д.

А. Г. Асмолов считает, что интернет – это предпосылка в восстановлении стабильности идентичности человека, который именно в интернете раскрывает свой внутренний мира так, чтобы создать социальные связи в сети [1]. Причем, сформированная им и распространенная в интернет-сетях идентичность может значительно отличаться от реальной идентичности человека.

Выделяют также гендерную идентичность – это внутреннее осознание себя человеком определенного пола – мужского или женского. Довольно часто гендерная идентичность личности может отличаться от ее реального биологического пола.

Наиболее интересной для целей нашей работы представляется культурная идентичность – это осознание своей принадлежности к определенной культуре, отождествление себя с определенными культурными достижениями и нормами. Культурная идентичность основана на едином языке, знании истории, обычаев и традиций некоторой социальной группы. Она формируется на основе национальной самобытности и в результате взаимодействия человека с данным культурным сообществом. Именно культура дает право на существование нации, она имеет свой «генотип» и свой путь развития. Конфликты на почве культурной идентичности возможны, но возникают реже, нежели при отличии национальной или религиозной почве.

Нас интересует региональная идентичность, которая является одновременно частью социальной, культурной, территориальной идентичности.

Регион – многозначный термин, нас интересует лишь значение «территория», но и здесь единства значений нет: это и несколько районов, и несколько областей, и несколько стран (Тихоокеанский регион). Интерес к региональным проблемам объясняется несколькими факторами: частичной децентрализацией политической и экономической жизни многих крупных регионов, их выдвиганием в качестве важных административных единиц, а также осознанием той опасности, которую несет в себе нивелирующее начало глобальной цивилизации XXI века. Поэтому на первый план выдвигается регион как основная административная единица.

Если формирование национальной идентичности относят ко второй половине XIX века, когда национальная принадлежность становится основной характеристикой для объединения в государства, то понятие региональной идентичности еще сложнее, т.к. само понятие региона пришло ближе к концу XX века. Почему так важна именно региональная идентичность? Существует мнение, что национальная (а, возможно, и региональная) культура важнее общечеловеческой: «Культура никогда не

была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности» [2, с. 138]. Но национальная культура также неоднородна: в каждом регионе свой региолект, свой фольклор, свои обряды и обычаи. Так, язык Витебского региона начинает изучаться с XIX века, он находит отражение в словаре Н. Никифоровского, трудах Я. Чечота и П. Шейна. Примеры регионализмов, которые используются и сейчас: *абрат* (перегон от молока), *лапатуха* – зазубрина на лезвии косы и др. Даже праздники, идущие еще от язычества, празднуются в разных регионах по-разному. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Каждый регион имеет свою историю, является полиэтничным, а народы его населяющие, часто не могут себя идентифицировать, это ведет к стрессам, конфликтам на разных почвах – территориальной, национальной и др. Понять и объяснить многое в этом процессе поможет язык, об этом писали как психологи, так и лингвисты. Например, еще Л. С. Выготский считал, что в идентификации личности большое значение имеет коммуникация, которая, по сути, является инструментом идентификации. М. А. Лаппо также предлагает задействовать язык [6].

Нас интересует, прежде всего, самоотождествление личности с некоторой социальной, национальной, региональной группой. Всякая региональная языковая личность, как мы уже сказали, содержит в своем языке – особый колорит: обилие региональной безэквивалентной лексики, региональных ономастических единиц и т. д.

В лингвистической традиции языки отдельных регионов исследовала диалектология. Современной регионалистике, пришедшей на смену традиционной диалектологии, нужно решить целый ряд задач, среди которых как общетеоретические – дифференцировать и установить соотношение лингвокраеведения, диалектологии и регионалистики; определить место каждой из них в социолингвистике; четко дифференцировать понятия региональный язык (региолект), социолект и диалект, – так и частные теоретические вопросы – с позиций регионалистики обратиться к проблемам регионального фольклора, обрядов, обычаев, этнографических реалий. Построить модель региональной языковой личности, т. к. региональный язык (региолект) – это вариант национального языка, он вобрал в себя самобытные черты языковой региональной личности. Поэтому можно говорить о региональной языковой идентичности личностной и групповой.

Все эти проблемы требуют отдельного обсуждения. Одной из них является проблема разграничения языка и диалекта; ее решению посвящена огромная литература, однако, по замечанию французского исследователя Э. Гийореля, «лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект». Главное их отличие, как показывает анализ существующей литературы, – языку присуща более широкая область функционирования, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Язык в большей степени, чем диалект, отображает национальное самосознание и национальный характер, хотя диалект большей степени хранит в себе элементы материальной и даже духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте).

Таким образом, когнитивной базой формирования региональной идентичности можно считать, в первую очередь, язык. Язык рассматривается как лингвокультурный феномен, как выразитель национальной и региональной культуры. Т. И. Вендина справедливо утверждает, что именно региональное слово менее других подвергается иностранному влиянию, а потому сохранило свою самобытность [3]. Если же говорить об идеологических основаниях выделения региона, то здесь берется во внимание само название региона, его историческое прошлое, территория

и язык как основные факторы. Очень важен здесь язык, потому что все мы существуем в рамках парадигмы «человек – среда – язык – культура». Отсюда следует, что региональная языковая личность основана на регионально маркированных знаниях, ценностях, представлениях, которые репрезентированы различными языковыми средствами. В коммуникации региональная языковая личность реализует свое коммуникативное намерение в соответствии с принятыми нормами общения. Но важны не только нормы, но и обычаи и культурные традиции и символы, а также сведения о реальных артефактах региона (замках, крепостях, храмах и др.), о природных объектах (реках, озерах, заповедниках), и знания прецедентных в регионе имен собственных – антропонимов, топонимов, гидронимов и т. д. [9].

Витебский регион входит в состав более крупного региона Белорусского Поозерья и является его центром. Это древние земли, через которые проходил торговый путь «из варяг в греки». Язык данного региона включает в себя, кроме местных диалектизмов («трасянки»), ряд новых образований, неологизмов XXI века (новый союз *в смысле*, со значением *то есть*), региональные названия учреждений (Витебский университет, сеть магазинов «Витебские продукты», организаций «Витебскстрой»), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей Витебщины (*М. Шагал, П. Машеров, Ж. Алферов*) и т. д.

В русской культуре, в отличие от белорусской, складывается следующая картина. Близкими по значению слову *регион* будут нейтральные – *провинция, периферия, край, территория, земля* и др.; разговорные – *глухомань, глушь, глубинка, дыра, захоlustье, Кукуевск, Тьмутаракань* и др.; жаргонные единицы – *Мухосранск, Зажопинск, Пындровка* и др. Широко бытуют в лингвокультуре такие фразеологизмы: *Медвежий угол* – полное захоlustье; *Куда Макар телят не гонял; За тридевять земель; К черту на рога; На край света* – очень далеко; *У черта на куличках (к чёрту на кулички)* – очень далеко, в глухом месте; *Забывший богом край* – далёкий; *И костей его седая ворона сюда не занасивала* – очень далеко (В. Даль); *Из села Помелова, из деревни Вениковой* – из захоlustья (В. Даль) и др. Выявленные фразеологизмы соответствуют двум основным значениям (иногда с дополнительными коннотациями) – как удаленное от центра место и как захоlustье. Все они, кроме нескольких нейтральных, несут негативную окраску, и только в афоризмах встречаем иную оценку: *«Провинция рождает идеи, столица их потребляет, но только в провинции можно встретить бескорыстно-пытливый ум»* (АиФ).

В белорусской лингвокультуре такого разнообразия синонимов нет, а слов с негативной коннотаций вообще не встретилось. Например, *глухомань* – в Витебском регионе – это глухой человек [8, с. 67]. Связано это с тем, что белорусы особенно трепетно относятся к «малой» родине: *Мой родны кут, Як ты мне мілы! Забыць цябе не маю сілы* (Якуб Колас), *Край наш родны! Як жыццё, нам мілы* (К. Буйло).

Как известно, для региональной языковой личности «свои» имена имеют большее значение, чем имена с национальным или даже мировым авторитетом, поэтому региональные имена сопровождается разными позитивными эмоциями. Такова для Витебского региона река Западная Двина, которая протекает по территории России, Белоруссии и Латвии, тем самым объединяя наши народы, живущие по его берегам. Длина ее 1020 км, по территории Белоруссии – 338 км. О ней пишут поэты:

*Сумерк нищенкой босою
Спешно скрылся за село...
И над Западной Двиною
Солнце яркое взошло* (Вл. Ступников).

В результате когнитивной деятельности человека с рекой связываются различные смыслы – *кормилица, защитница, объединительница живущих вдоль ее*

берегов народов. Эта река всегда была важным транспортным и торговым путями. Река – культурно нагруженная когнитивная структура: в художественном дискурсе река представлена следующими метафорами: она *мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, помогает переживать ложные ситуации, всегда поймет и выслушает*. Такой она предстает в творчестве поэтов Витебщины: *Улетают все печали прочь, / Я тебе одной открою душу* (Юлия Сенченко). Еще пример: *И пускай холодная река, / И пугает течение быстрое / Разделенные берега / новый мостик из веры выстроят* (Е. Криклевец). Мост на Двине как символ объединения; трудного эмоционального перехода в жизни, и в целом – символ перехода и трансформации.

Можно выделить и ряд культурно-значимых признаков, которые связаны со стереотипами, символами и образами регионального языкового сознания: *река светлая, красивая, она заступница, близкая подруга и родная витеблянам, как мать* [9, с. 8].

В творчестве витебских поэтов часто фигурируют, обрастая особой символикой, и такие явления региональной территории, как озера (их около 2 тыс. в регионе) и болота (более тысячи, половину имеют имена): *Сгустились тени длинные / В одну большую тень, / Как будто серой тиною / покрылся летний день* (О. Русилка). Болото (тина) здесь символ распада и гибели: тень и тина скрывают солнце. Ассоциируемое с болотом физическое разложение становится олицетворением разложения духовного, о чем печалится автор.

Нами был создан региональный словарь «Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины» [7], содержащий различную информацию о данном регионе. Причем, из всего разнообразия фактов были выбраны такие сущности, которые лучше всего репрезентируют культурное пространство нашего региона. Под культурным пространством мы понимаем форму существования культуры в сознании каждого носителя языка данного региона. В культурное пространство входят все существующие представления о феноменах культуры у языковой личности, полученные ею в процессе социализации и деятельности.

В нашем словаре представлены следующие сущности: архитектура региона, литература, в том числе поэзия, региональный фольклор с его обычаями, обрядами, песнями; духовная культура, заповедники, знаменитые люди Витебщины, искусство (прежде всего живопись, так как в Витебске родились и работали великие художники с мировыми именами (М. Шагал, Ю. Пэн), В.Кандинский и И. Репин подолгу жили в Витебске), материальная культура (памятники, замки, крепости), уникальная природа региона (обилие озер: их в нашем регионе 2300 с общей площадью около 1 тыс. квадратных километров) и т.д.

Цель словаря – представить в широкий доступ разнообразную и достаточно полную информацию о Витебском регионе. В словаре содержится около 170 лексических единиц. Это природные объекты (реки, озера, заповедники и заказники); имена великих людей региона, материальная культура (города и внутригородские объекты, архитектурные сооружения – храмы, дворцы, замки, ратуши, парково-усадебная архитектура), духовная культура (музыка, театр и др., народная культура – песни, былички, народные праздники, например, коляды, дожинки) и т.д. Например, в Витебском регионе распространены такие обычаи: *Нельзя здороваться через порог – к ссоре. Ключи, оставленные на столе, – к безденежью*. Если первый обычай связан с древней символикой порога, то второй вполне современный.

Приведем примеры некоторых известных во всем мире жителей региона: святых (Ефросинья Полоцкая), писателей и поэтов (Р. Бородулин, Г. Буравкин, В. Быков, В. Короткевич), государственных деятелей (Всеслав Чародей – самый известный

из полоцких князей, Петр Машеров, Александр Лукашенко), ученых – Л. Выготский, Н. Лосский, С. Ковалевская, А. Сапунов, П. Сухой), актеров (В. Качалов, Н. Еременко), музыковедов (И. Соллертинский), художников (М. Шагал, К. Малевич, Ю. Пэн).

Лингвокультурологический словарь, в отличие от того же лингвострановедческого, обязательно должен содержать имена и реалии, ставшие символами региона. По словам А. Ф. Лосева, символ – это особый способ социокультурного кодирования информации. Разделяя мнение Г. Токарева [11], считаем, что символ нельзя смешивать с метафорой и метонимией, хотя по происхождению символ может быть метафорическим и метонимическим. Символ имеет огромный семантический потенциал, что сближает его с метафорой, зачастую противоречивой и трансцендентной.

Региональная символика Витебщины, с одной стороны, традиционна, а с другой – постоянно меняется, обновляется. Например, Витебск – *культурная столица, северная столица*, а сама Витебщина – *край голубых озер*, Двина – *кормилица, заступница* и т. д. Символы, эталоны, стереотипы, обряды, обычаи формируют духовное пространство культуры Витебщины.

Многие из представленных в словаре слов, будучи именами реалий, получают в регионе символическое значение. Например, крупнейшая река региона – Западная Двина; ее длина 1020 км: 325 км течет по России, 328 – по Белоруссии и 367 – по Латвии, что позволило ей стать символом дружбы, *рекой дружбы*. Здесь географическое пространство создало такую культурную коннотацию.

В ходе анализа творчества художников слова Витебщины нам удалось установить целый ряд символов:

*Я – из Витебска, где Шагал
прямо с Замковой в небо взлетал,
зацепился за облака –
и остался тут на века.*

*Я – из Витебска, где Малевич
с Уновисом, с семьей левых,
Богу брат и дьяволу брат,
поднимал, как знамя, квадрат.*

*Я – из Витебска, чей портрет
ярко вписан в картину лет,
и художники новых дней
свято помнят учителей (Давид Симанович).*

Вполне реалистичен портрет города у одного из лучших поэтов Витебщины Д. Симановича, но сквозь реалии (картины М. Шагала, черный квадрат Малевича, которые здесь были написаны) проступает целостный символ Витебска как города художников:

*Я не умею, стоя на краю,
Поверить в невозможность поворота.
И крылья смехотворные крою
Из рифмы, непригодной для полёта (Е. Криклевец).*

Поворот – символ изменения жизненного пути, а *крылья* – возвышение, превосходство, свобода, полет, вдохновение.

Еще пример из творчества витебской поэтессы Елены Криклевец:
*Был разговор. Ненужный. Ни о чём.
Надежда билась раненою птицей,
Что я сумею на твоё плечо,
Как лёгкий снег, без спроса опуститься.*

Птица в славянской традиции – символ связи между землей и небом, символ души. Авторское значение здесь: птица – символ погибающей надежды,

данный символ усиливается характеристикой птицы (*раненая*) и ее действием *билась*.

Как видим, Витебский регион богат великими людьми, уникален своей природой, многократно воспет поэтами. Все это требует дальнейшего изучения. Мы полагаем, что здесь возникает несколько актуальных проблем: региональные ценности и их соотношение с национальными; исследование языка отдельных групп жителей региона (семейный язык, молодежный жаргон, профессиональные языки и т.д.); проблемы региональной идентичности и др.

Заключение

Регионализация как процесс, набирающий силу в противовес глобализации, привел к формированию региональной идентичности, т.е. осознанию человеком своей принадлежности к определенному региональному локусу. И эта принадлежность наделяется ценностью и субъективной значимостью, позволяющим увидеть в других людях аналогичные черты.

Природа региональной идентичности двойственна: это одновременно и уникальность субъекта, и его принадлежность к сообществу подобных [4]. Но нужно отметить еще одно важное свойство идентичности – ее субъективная разделяемость. Пример – «101 далматинец»: сто первым далматинцем считал себя попугай. Кошка, живущая среди собак, ведет себя как собака.

Список источников и литературы

1. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Кризис искусства. М.: Азбука-Аттикус, 2004. 416 с.
3. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
4. Головнева Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Tempus et Memoria*. 2017. № 3 (12). С. 182–189.
5. Иванова Н. Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65–75.
6. Лапто М. А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4. С. 30–37.
7. Маслова В. А., Николаенко С. В. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. 164 с.
8. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012. Ч. 1. 304 с.
9. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов / под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой. Минск: Энциклопедикс, 2017. 276 с.
10. Теркулов В. И. Языковые основы субэтнической, этнической и этнополитической идентичности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 36–46.
11. Токарев Г. В. Лингвокультурный симболарий: квазисимволы. Тула: ТППО, 2021. 113 с.

References

1. Asmolov, AG 2010 'Ot My-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtualnom mire' (From We-media to I-media: Identity Transformations in the Virtual World), *Lomonosov Psychology Journal*, no. 1, pp. 3–21. (In Russ.).
2. Berdyayev, NA 2004, *Sudba Rossii. Krizis iskusstva* (The fate of Russia. The Crisis of art), Azbuka-Attikus publ, Moscow (In Russ.).
3. Vendina, TI 2020, *Antropologiya dialektnogo slova* (The Anthropology of the dialect word), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.).

4. Golovneva, EV 2017 'Regionalnaya identichnost i identichnost regiona' (Regional Identity and Identity of a Region), *Tempus et Memoria*, no. 3(12), pp. 182–189. (In Russ.).
5. Ivanova, NL 2004 'Sotsialnaya identichnost v razlichnykh sotsiokulturnykh usloviyakh' (Social identity in various socio-cultural conditions), *Voprosy psihologii*, no. 4, pp. 65–75. (In Russ.).
6. Lappo, MA 2009 'Kognitivno-diskursivnaya sushchnost samoidentifikatsii' (The cognitive-discursive essence of self-identification), *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 4, pp. 30–37. (In Russ.).
7. Maslova, VA & Nikolayenko, SV 2011, *Kratkiy lingvokulturologicheskiy slovar-spravochnik: kulturnoye prostranstvo Vitebshchiny* (A short linguistic and cultural dictionary-reference: the cultural space of Vitebsk region), VGU im. P.M. Masherova publ, Vitebsk (In Russ.).
8. *Regiyanalny sloŭnik Vicebskchyny* (Regional Dictionary of Vitebsk region) 2012, vol. 1, VGU im. P.M. Masherova publ, Vitebsk (In Belarusian).
9. Maslova, VA & Pimenova, MV (eds.) 2017, *Slavyanskiye tsennosti v kommunikativnom prostranstve regionov* (Slavic values in the communicative space of the regions), UP Entsiklopediks publ, Minsk. (In Russ.).
10. Terkulov, VI 2024 'Yazykovyye osnovy subetnicheskoy, etnicheskoy i etnopoliticheskoy identichnosti' (Linguistic foundations of subethnic, ethnic and ethnopolitical identity), *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* (Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics), no. 1, pp. 36–46, doi: 10.29025/2079-6021-2024-1-36-46. (In Russ.)
11. Tokarev, GV 2021, *Lingvokulturnyy simbolariy: kvazisimvoly* (Linguistic and cultural symbolary: quasi-symbols), TPPO publ, Tula. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 86–93.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 86–93.

Научная статья
УДК 81'33+81'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАРКИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНЫХ ЕДИНИЦ (ИЗ ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ)

**Александр Леонидович
Дединкин**

Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»
Витебск, Республика Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

Аннотация. В статье даётся анализ используемых в Российской Федерации и Республике Беларусь методов судебной лингвистической экспертизы спорных текстов. По мнению автора, при использовании того или иного метода главной задачей эксперта-лингвиста является установление корреляции между юридическими фактами, отраженными в речевых произведениях, и соответствующими лингвистическими признаками. Автор констатирует, что в Республике Беларусь при анализе текстов предположительно экстремистского содержания роль эксперта зачастую сводится лишь к констатации выявленных языковых параметров, что в ряде случаев не позволяет правоприменителю использовать выводы лингвиста для точной квалификации состава правонарушения. Опираясь на многолетний опыт проведения судебных лингвистических исследований в качестве эксперта вне экспертной организации, автор предлагает использовать в экспертной практике по делам об экстремизме метод лингвистического маркирования понятийных единиц. Использование данного метода при исследовании экстремистских материалов предполагает определенный алгоритм действий. В первую очередь эксперт должен установить наличие лингвистических маркёров, значимых для юридической оценки речевого акта как публичного (открытость при передаче информации адресантом и возможность восприятия информации адресатом). Далее эксперт должен выявить лингвистические маркёры, коррелирующие с признаками тех вербальных правонарушений, о которых идёт речь в постановлении о назначении экспертизы: наличие побудительной интенции, наименование способа совершения действия, указание на объект действия и вербализация адресата.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, экстремистские материалы, спорный текст, лингвистическое маркирование.

Для цитирования: Дединкин А. Л. Метод лингвистического маркирования понятийных единиц (из экспертной практики по делам об экстремизме) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 86–93. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

Сведения об авторе: А. Л. Дединкин – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», 210015, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. М. Шагала, 8А.

© Дединкин А. Л., 2024

Scientific Article
UDC 81'33+81'42
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93>

THE METHOD OF LINGUISTIC LABELING OF CONCEPTUAL UNITS (FROM EXPERT PRACTICE IN CASES OF EXTREMISM)

Aliaksandr L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch of International University
«MITSO»
Vitebsk, Belarus, alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

Abstract. The article provides an analysis of the methods of forensic linguistic examination of disputed texts used in the Russian Federation and the Republic of Belarus. According to the author, when using a particular method, the main task of a linguist expert is to establish a correlation between the legal facts reflected in speech works and the corresponding linguistic features. The author states that in the Republic of Belarus, when analyzing texts of allegedly extremist content, the role of an expert is often reduced only to stating the identified language parameters, which in some cases does not allow the law enforcement officer to use the conclusions of a linguist to accurately qualify the offense. Based on many years of experience in conducting forensic linguistic research as an expert outside an expert organization, the author suggests using the method of linguistic labeling of conceptual units in expert practice in cases of extremism. The use of this method in the study of extremist materials involves a certain algorithm of actions. First of all, the expert must establish the presence of linguistic markers that are significant for the legal assessment of a speech act as public (openness in the transmission of information by the addressee and the possibility of information perception by the addressee). Next, the expert must identify linguistic markers that correlate with the signs of those verbal offenses referred to in the decision on the appointment of an expert examination: the presence of an incentive intention, the name of the method of performing the action, an indication of the object of the action and the verbalization of the addressee.

Keywords: linguistic expertise, extremism, extremist materials, controversial text, linguistic labeling.

For citation: Dziadzinkin, AL 2024, 'The Method of Linguistic Labeling of Conceptual Units (from Expert Practice in Cases of Extremism)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 86–93, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-86-93> (in Russ.)

Information about the Author: *Aliaksandr L. Dziadzinkin* – Associate Professor, PhD in History, Professor of the Department of Law and Social Sciences and Humanitie, Vitebsk Branch of International University «MITSO», 8A M. Shagall Str., Vitebsk, 210015, Belarus.

Введение

Общество на протяжении истории сталкивается с целым рядом угроз, наиболее опасной из которых является экстремизм. В сознании людей экстремистская деятельность представляется как деструктивное явление, несущее угрозу общественному порядку и государственной безопасности.

Наиболее часто мы встречаемся с такими видами экстремизма, как расовый, национальный, религиозный, политический, языковой. При этом данный перечень не является исчерпывающим, соответственно можно говорить и об экстремистских действиях в отношении мигрантов, сотрудников правоохранительных органов, представителей тех или иных альтернативных субкультур.

В связи с тем, что важнейшей формой противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза, цель данного исследования – обосновать необходимость использования разработанного нами метода лингвистического маркирования понятийных единиц как инструмента исследования речевых произведений экстремистского содержания.

Материалы и методы

Методология проведенного исследования включает общенаучные методы обобщения, систематизации и интерпретации. В процессе исследования использованы языковые материалы из собственной практики проведения по заданиям органов следствия и дознания экспертизы экстремистских текстов.

Исследование

В международных правовых актах в отношении дефиниции термина «экстремизм» имеются разночтения.

В резолюции 68-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (от 18.12.2013) с экстремизмом связываются действия, которые «порождают распространение ненависти», «наносит ущерб благополучию человечества», «ставят под угрозу безопасность человеческих сообществ». При этом дефиниция экстремизма не приводится. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (от 29.09.2003) определяет экстремизм как антидемократическую форму политической деятельности, основанную на нетерпимости и ксенофобии. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (от 15.06.2001) экстремизм рассматривается как действие, имеющее цель захват власти или насильственное изменение конституционного строя.

В Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (2007) дано определение исследуемого нами феномена посредством перечисления форм его проявления. Во-первых, это непосредственно-деятельностные формы (к примеру, насильственное изменение конституционного строя, создание незаконных вооруженных формирований и т. д.). Во-вторых, это опосредованно-деятельностные формы, содействующих распространению экстремизма (к примеру, финансирование экстремистских организаций). В-третьих, это вербальные формы (к примеру, пропаганда нацистской символики, осуществление публичных призывов к экстремистской деятельности и т. д.).

Одной из форм противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза.

В Республике Беларусь в соответствии с действующим методическим инструментарием при анализе текстов предположительно экстремистского содержания роль эксперта зачастую сводится лишь к констатации выявленных языковых параметров. В ряде случаев такой подход не позволяет правоприменителю использовать выводы лингвиста для четкой квалификации состава правонарушения.

В юрислингвистике поиск решения обозначенной нами проблемы начался уже давно. Так, члены Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [4] для проведения экспертиз выявили наиболее употребительный набор юридических категорий. Содержание данных категорий авторами определяется через их языковое значение, включающее несколько сем (к примеру, «оскорбление» = унижение (умаление) чести или достоинства + неприличная форма + умышленность). Схожая позиция нами выявлена в исследовании Т. М. Изотовой и Д. И. Архаровой [1]. Безусловно, этот подход имеет рациональную основу, но имеющийся «набор терминов и их сем» нуждается в систематической актуализации и корректировке в связи с изменяющимся законодательством. Кроме этого, предлагаемые авторами формулировки вопросов к эксперту мы не можем назвать допустимыми. К примеру, типовой вопрос о том, присутствуют ли в тексте высказывания, содержащие оскорбление, вынуждает лингвиста давать юридическую квалификацию выявленных фактов, что находится за пределами его компетенции.

Мы отчасти соглашаемся с А. Н. Барановым, который отмечает, что при отсутствии в тексте юридического документа той или иной дефиниции, она является лингвистически определяемой [3]. Вместе с тем истолковывать, к примеру, юридическую категорию «дискредитация» лишь посредством её семантического анализа или обращения к нормативным словарям считаем недостаточным. Вряд ли таким путём можно осуществить переход из лингвистической парадигмы в юридическую. Выводы эксперта в таком случае могут стать лишь примерными ориентирами для принятия решения правоприменителем.

В работах М. А. Осадчего [10; 11] обоснован метод параметрического моделирования юридических категорий, обозначающих вербальные правонарушения. Исследователь полагает, что семантическая основа понятия имеет, как лингвистические (лексико-грамматические, стилистические), так и правовые параметры, отражающие юридические последствия распространения тех или иных сведений. Схоже «состав» вербальных правонарушений определяет И. А. Стернин [14]. В целом мы поддерживаем применение данных методологических подходов в экспертной практике, однако с оговоркой, что лингвист должен определять только языковые параметры, в то время как юридические будут устанавливаться следствием и судом.

При разработке типовых методик диагностики признаков вербальных правонарушений особое внимание заслуживают подходы С. В. Дорониной [6] и Г. В. Кусова [8].

С. В. Доронина при анализе спорных текстов предлагает использовать метод дискурсивного анализа, целью которого является определение социального контекста, стоящего за речевым актом. Так, посредством комплекса семантических и прагматических приёмов автором выявлены признаки речевой провокации, в том числе в высказываниях с имплицитным смыслом.

Г. В. Кусов через имплицитные «коммуникативные мишени» предлагает разделять спорный текст на понятные для правоприменителя единицы. Под коммуникативной мишенью исследователь понимает определённую социальную ценность (честь, достоинство), подсознательно включенную в оценочную часть речевого акта (к примеру, того же оскорбления). Именно через данные «мишени» эксперт предлагает диагностировать любые вербальные правонарушения. Несмотря на убедительность авторских позиций, в судебной экспертологии указанные выше методы ещё не в полной мере признаны верифицированными.

Ещё одним из возможных способов решения рассматриваемой нами проблемы является использование экспертных понятий [7; 13]. Данный термин был введён в научный оборот А. Н. Лавриновичем и А. С. Голевым [9]. В рамках этого

подхода эксперт-лингвист будет «конструировать» экспертные понятия, которые станут «переходным мостом» из лингвистики в юриспруденцию. Экспертные понятия будут учитываться в качестве признаков объективной стороны состава правонарушения (например, экспертное понятие «унизительная оценка лица» будет использовано при диагностике оскорбления как вербального правонарушения). Полагаем, что применение экспертных понятий является оправданным, однако следует учитывать, что эксперт-лингвист может пользоваться при анализе спорных текстов только теми понятиями, которые закреплены в словарях юрлингвистических терминов.

Опираясь на многолетний опыт проведения судебных лингвистических исследований в качестве эксперта вне экспертной организации, работу в составе Витебской областной комиссии по проведению оценки символики и атрибутики, информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в них признаков проявления экстремизма, предлагаем использовать в экспертной практике по делам об экстремизме разработанный нами метод лингвистического маркирования понятийных единиц.

Использование указанного нами метода при исследовании спорных текстов предположительного экстремистского содержания предполагает определенный алгоритм действий.

В первую очередь эксперт должен установить наличие лингвистических маркёров, значимых для юридической оценки речевого акта как публичного.

В отечественном законодательстве к публичным актам относятся либо устное выступление перед широкой аудиторией, либо размещение материалов в средствах массовой информации или глобальной сети Интернет. Таким образом, публичность в юриспруденции подразумевает обращенность действий к неопределенному кругу лиц [2].

Лингвистические маркёры публичности мы определяем исходя из содержания модели коммуникации Р. О. Якобсона («адресант – информация – адресат») [15]. В таком случае распространение информации адресантом должно быть открытым, а адресат должен иметь возможность эту информацию воспринять. Если же адресант стремится исключить из процесса коммуникации третьих лиц (к примеру, использует криптографию), то приватность речевого акта будет сохранена. Также коммуникация не станет публичной, если у адресата при восприятии информации возникнут фонетические, семантические или иные языковые барьеры.

Доказав, что речевой акт является публичным, эксперт устанавливает наличие лингвистических маркёров, коррелирующих с признаками конкретных вербальных правонарушений.

В качестве примера определим лингвистическую составляющую юридического понятия «призыв к захвату государственной власти».

В соответствии с диспозициями статей 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» и 361 УК Республики Беларусь под призывом к захвату государственной власти понимается форма воздействия на сознание людей с целью склонить их к участию в мероприятиях по:

- отстранению от исполнения обязанностей законно избранных представителей и возведению на их место других;
- роспуску законно избранных органов государственной власти;
- установлению единоличной власти конкретного лица на основе узурпации им полномочий.

С точки зрения юриспруденции, призывы всегда носят общий характер, тем самым отличаются от подстрекательства к совершению правонарушения конкретным лицом.

В лингвистике призыв как особый тип побудительного речевого жанра [12] имеет следующую семантическую схему: «хочу, чтобы ты сделал это / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» [5, с. 69–71]. Исходя из данного положения, укажем лингвистические маркёры, коррелирующие с юридическим понятием «призыв к захвату государственной власти»:

1. Наличие побудительной интенции.

Для квалификации речевого акта как призыва соответствующий лингвистический маркёр должен присутствовать в обязательном порядке. Призыв обычно выражается повелительным наклонением глагола («*Не будет толку, пока не прольётся кровь! Выходи гасить диктатуру!*») или семантически эквивалентными формами в составе восклицательных высказываний («*Сметём эту власть с лица земли!*», «*Усе – на площчу!*»). Возникают также речевые ситуации, когда призыв выражен так называемым «мягким волеием» («*Настал час уничтожить эту систему*», «*Разве можно терпеть эту хунту?*»).

2. Наименование способа совершения действия.

Данный лингвистический маркёр является содержательным критерием определения «экстремистского» значения. Соответственно, эксперт-лингвист должен назвать те лексемы, которые соответствуют по смыслу определённым в законодательстве способам реализации захвата государственной власти (применение насилия, угроза насилием, осуществление террористических актов, воспрепятствование законной деятельности органов власти и т. д.). При этом важно учитывать уровень конкретизации лексем, обозначающих способ совершения действия. Например, если в спорном тексте используются глаголы с выраженным значением («*выгони*», «*уничтожь*»), то призыв будет успешным. В ситуации, когда значение глаголов является абстрактным («*мы должны решиться*», «*надо что-то делать*») призыв может не найти должного отклика у адресата.

3. Указание на объект действия.

По аналогии со способом совершения действия в ходе лингвистического исследования эксперт должен выявить используемые в спорном тексте лексемы, соответствующие юридической категории «государственная власть». Такими лексемами могут быть «*власть*», «*государство*», «*правительство*», «*система*», «*бюрократия*», «*режим*», «*хунта*», «*диктатура*» и т. д. Примерами высказываний, имеющих указание на конкретный объект действия, являются: «*Разрушим этот режим!*», «*Правительство – на свалку!*». Отметим, что далеко не в каждом случае контекст позволяет исследователю эксплицировать объект.

4. Вербализация адресата.

В случае вербализации в спорном тексте адресата призыв к совершению экстремистской деятельности, безусловно, будет более успешным (для сравнения: «*Белорусы, скажем власти «Нет»!*» и «*Скажем власти «Нет»!*»). При этом если адресат не выражен, но другие лингвистические маркёры установлены, коммуникативный акт можно квалифицировать как призыв к захвату государственной власти. Данный лингвистический маркёр не имеет существенного значения при корреляции с соответствующим юридическим понятием.

Заключение

Важнейшей формой противодействия экстремизму является судебная лингвистическая экспертиза. В связи с этим эксперт-лингвист должен предоставить правоприменителю неоспоримые доказательства для дальнейшей квалификации состава правонарушения, а в нашем случае – установить корреляцию между юридическими фактами, отраженными в форме текстов предположительно экстремистского содержания, и соответствующими лингвистическими признаками.

Проблемой установления корреляции между юридическими фактами и их лингвистическими признаками занимался целый ряд авторов. К примеру, члены ГЛЭДИС определяли содержание юридических терминов через их языковое значение, включающее несколько сем, М. Осадчим для этого использован метод параметрического моделирования юридических категорий, Г. Кусовым предложен метод поиска в спорном тексте «коммуникативных мишеней». На наш взгляд, при квалификации состава правонарушений экстремистской направленности целесообразно руководствоваться разработанным нами методом лингвистического маркирования понятийных единиц.

Список источников и литературы

1. Архарова Д. И., Изотова Т. М. К вопросу о лингвистической методике построения дефиниций юридических понятий // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4 (12). С. 189–193.
2. Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162–168.
3. Баранов А. Н., Ерохина Л. А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 312–313.
4. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: Информкнига, 2010. 208 с.
5. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Либроком, 2016. 200 с.
6. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245–249.
7. Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 1 (15). С. 29–41.
8. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение. Краснодар: ЮГ, 2012. 284 с.
9. Лавринович А. Н., Голев А. С. Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы. М.: Акад. наук СССР, 1989. 44 с.
10. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 37–42.
11. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2013. 256 с.
12. Салихова Э. А. К вопросу о вербальной реализации призыва // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 167–176.
13. Сафуанов Ф. С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. № 1 (7). С. 220–239.
14. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы / И. А. Стернин [и др.]. Ярославль: Канцлер, 2013. 80 с.
15. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

References

1. Arkharova, DI 2008, 'K voprosu o lingvisticheskoy metodike postroyeniya definitsiy yuridicheskikh ponyatiy' (On the issue of the linguistic methodology for constructing

- definitions of legal concepts), *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 12, no. 4, pp. 189–193. (In Russ.).
2. Bazhin, DA 2011, 'K voprosu o ponimanii publichnosti v ugovnom prave' (On the understanding of publicity in criminal law), *Russian Juridical Journal*, no. 2, pp. 162–168. (In Russ.).
  3. Baranov, AN 2019, 'Oskorbleniye i unizheniye kak yazykovyye i pravovyye fenomeny' (Insult and Humiliation as Language and Law Phenomena), *Russkiy yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost. VI Mezhd. kongress issledovateley russkogo yazyka* (Russian language: historical destinies and modernity. 6th Int. Congress of Russian Language Researchers), March 20–23, MGU publ, Moscow, pp. 312–313. (In Russ.).
  4. Belchikov, YuA 2010, *Metodicheskiye rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI* (Methodological recommendations on the issues of linguistic expertise of controversial media texts), IPK «Informkniga» publ, Moscow. (In Russ.).
  5. Brinev, KI 2016, *Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize* (Handbook of Forensic Linguistic Expertise), Librokom publ, Moscow. (In Russ.).
  6. Doronina, SV 2015, '«Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam' ("Let's agree, commander!": The methods of discourse analysis in the linguistic examination of corruption speech crimes), *Political Linguistics*, no. 3, pp. 245–249. (In Russ.).
  7. Kuznetsov, VO 2020, 'K voprosu ob ekspertnykh ponyatiyakh v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize' (On the Issue of Expert Terms in Forensic Linguistics), *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 15, no. 1, pp. 29–41. (In Russ.).
  8. Kusov, GV 2012, *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: ponyatiye, printsipy, protsessualnoye znachenie* (Forensic linguistic expertise: concept, principles, procedural significance), Izdatelskiy Dom – YuG publ, Krasnodar (In Russ.).
  9. Lavrinovich, AN 1989, *Ekspertnyye ponyatiya v praktike sudebnoy psikhologo-psikhiatricheskoy ekspertizy* (Expert concepts in the practice of forensic psychological and psychiatric examination), Akad. nauk SSSR publ, Moscow (In Russ.).
  10. Osadchiy, MA 2006, 'Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza verbalnykh form proyavleniya ekstremizma s uchetom izmeneniy ot 27.07.2006' (Forensic linguistic examination of verbal forms of extremism, taking into account the changes of 27 July 2006), *Ugolovnyy protsess*, no. 10, pp. 37–42. (In Russ.).
  11. Osadchiy, MA 2013, *Russkiy yazyk na grani prava: funktsionirovaniye sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi* (The Russian language on the verge of law: the functioning of the modern Russian language in the context of legal regulation of speech), Librokom publ, Moscow. (In Russ.).
  12. Salikhova, EA 2019, 'K voprosu o verbalnoy realizatsii prizyva' (To the Question of the Verbal Realization of Appeal), *Political Linguistics*, vol. 74, no. 2, pp. 167–176. (In Russ.).
  13. Safuanov, FS 2017, 'Kak postroit predmetnyy vid sudebno-psikhologicheskoy ekspertizy' (How to construct a subject type of forensic psychological examination), *Psychology and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 220–239. (In Russ.).
  14. Sternin, IA 2013, *Osnovnyye ponyatiya lingvokriminalisticheskoy ekspertizy* (The basic concepts of linguistic forensic analysis), Kantsler publ, Yaroslavl. (In Russ.).
  15. Yakobson, RO 1985, *Izbrannyye raboty* (Selected works), Progress publ, Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА)

**Ирина Валерьевна
Ерофеева¹**

**Мария Александровна
Пильгун²**

---

¹ Казанский федеральный университет

Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

² Российский государственный

социальный университет

Москва, Россия, pilgunm@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции одной из наиболее значимых этических доминант средневекового сознания по материалам сохранившихся письменных источников с опорой на исторические и литературоведческие данные. Формирование представления о любви в мировоззрении русского средневековья было важно для трансляции нравственных принципов недавно воспринятого христианского вероучения. Поэтому наиболее значимым в содержательной стороне данного понятия является любовь к Богу и приверженность проповедуемым им принципам. Поскольку идейные установки православия находились в противоречии с социальными и политическими факторами внеязыковой действительности, их пропаганда имела очень большое значение в идеологической сфере. Высокие этические принципы, среди которых любовь занимала одно из главенствующих мест, были важным средством борьбы с грубостью и жестокостью феодального государства. Использование в качестве материала для исследования летописного текста позволяет представить картину мира человека средневековья с наибольшей полнотой. Текст «Повести временных лет» содержит произведения разной тематической и жанрово-стилистической направленности, в которых слово *любовь* реализует разные компоненты значения: от любви к Богу, как наиболее значимому воплощению данного чувства в этико-философской картине мире средневековья, до любви отеческой, братской, дружеской. В контекстах исторического, документального, биографического характера смысловое содержание понятия «любовь» в древнерусском языке оказывается гораздо ближе к понятию «дружба». В текстах договоров понятие «любовь» передает представление о мире и согласии между народами. В средневековом тексте не получает отражение восприятие любви как чувства привязанности, симпатии к другому человеку в связи с отсутствием индивидуализации характеров.

Ключевые слова: древнерусский язык, картина мира, средневековье, летопись, этика, философия, категории культуры.

Для цитирования: Ерофеева И. В., Пильгун М. А. Реконструкция этико-философского представления о любви в древнерусском языке (на материале летописного текста) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 94–105. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

Сведения об авторах: *И. В. Ерофеева* – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18;

М. А. Пильгун – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория, Российский государственный социальный университет, 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1.

© Ерофеева И. В., Пильгун М. А., 2024

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105>

RECONSTRUCTION OF THE ETHICAL AND PHILOSOPHICAL IDEA OF LOVE IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE CHRONICLE TEXT)

*Irina V. Erofeeva*¹

*Mariya A. Pilgun*²

---

¹ Kazan Federal University
Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>
² Russian State Social University
Moscow, Russia, pilgunm@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Abstract. The article deals with the reconstruction of one of the most significant ethical dominants of medieval consciousness based on materials from surviving written sources, based on historical and literary data. The formation of love idea in the Russian Middle Ages worldview was important for the translation of the moral principles of the newly perceived Christianity. Therefore, the most significant in the content side of this concept is love for God and adherence to the principles he preaches. Since the ideological principles of Orthodoxy were in conflict with the social and political factors of extralinguistic reality, their propaganda was very important in the ideological sphere. High ethical principles, among which love occupies one of the leading places, were an important means of combating the rudeness and cruelty of the feudal state. The use of chronicle text as a material for research allows us to present the picture of the world of medieval man with the greatest completeness. The text of “The Tale of Bygone Years” contains works of different thematic and genre-stylistic orientation, in which the word love realizes different components of meaning: from love for God, as the most significant embodiment of this feeling in the ethical and philosophical picture of the world of the Middle Ages, to paternal, brotherly, friendly. In contexts of a historical, documentary, biographical nature, the semantic content of the concept of “love” in the Old Russian language turns out to be much closer to the concept of “friendship”. In the texts of treaties, the concept of “love” conveys the idea of peace and harmony between peoples. The medieval text does not reflect the perception of love as a feeling of attachment, sympathy for another person due to the lack of individualization of characters.

Keywords: Old Russian language, worldview, the Middle Ages, chronicles, ethics, philosophy, cultural categories.

For citation: Erofeeva, IV & Pilgun, MA 2024, ‘Reconstruction of the Ethical and Philosophical Idea of Love in the Old Russian Language (Based on the Material of the Chronicle Text)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 94–105, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> (in Russ.)

Information about the Authors: *Irina V. Erofeeva* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia; *Mariya A. Pilgun* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading researcher of the Interdisciplinary research laboratory, Russian State Social University, 4/1, W. Pieck Str., Moscow, 129226, Russia.

Введение

Рассуждение о мире человека, реконструируемого по памятникам древнерусской письменности, невозможно без опоры на исследования известнейшего ученого-гуманиста нашего времени Дмитрия Сергеевича Лихачева. Автор многочисленных монографий о литературе Древней Руси, он убедительно показал своеобразие художественного метода этой литературы, обозначил ее основные черты, определил особенности изображения человека в ней. Обозначив господствовавший в то время стиль как стиль монументального историзма, он объяснил его распространение феодальным устройством общества и принятыми в обществе того времени представлениями о чести, правах, долге, в том числе патриотическом [12]. Наиболее отчетливо этот стиль прослеживается в летописях и других светских произведениях.

Одной из важных черт древнерусской литературы была церемониальность, заключавшаяся в особой помпезности, торжественности, пышности, парадности слога. Текст строился в соответствии с принципами литературного этикета, определявшего литературные каноны, подробно описанные в монографии Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» [13]. Слабая выраженность индивидуально-авторского начала предопределяла использование шаблонных конструкций как в плане выражения необходимого содержания, так и в плане их смыслового наполнения. При этом употреблявшиеся в разножанровых текстах того времени формульные выражения не были раз и навсегда заданными, они могли подвергаться различным трансформациям, допускавшим проявление творческого авторского начала [13, с. 103–109].

Для литературы Древней Руси характерен своеобразный художественный метод отображения действительности. По мнению А. Н. Ужанкова, «словесные образы церковной книжности не есть произвольные описания сиюминутных состояний, конкретных ситуаций и действующих лиц, но являются изображением идеальных подобию этих ситуаций, то есть не того, как было, но того, как должно быть в соответствии со своим первообразом (логосом)» [19, с. 141]. Поэтому в словесных образах того времени значимые нравственные идеи отражаются в более обобщенном и опосредованном виде, сквозь призму Священного Писания.

Одним из первых ученых, давших комплексную характеристику картины мира эпохи средневековья, был А. Я. Гуревич, рассмотревший особенности мировоззрения западного средневековья [5]. Многие из описанных им категорий имеют общечеловеческий характер и могут быть применимы к картине мира человека Древней Руси. Человек в литературе того времени был представлен обобщенно, характеры не были индивидуализированы, но такой ракурс позволял более четко высветить этические доминанты средневекового сознания и нравственные представления, господствовавшие в обществе. Вслед за А. Я. Гуревичем известный российский ученый-медиевист А. Н. Ужанков реконструировал картину мира древнерусского человека, определив ее бинарный характер. «Приняв христианство, Древняя Русь приняла и это обобщенное устоявшееся знание с четкой картиной бинарного мира и представлениями о человеке как малом мире, «микрокосмосе» – подобию большого мира – «макрокосмоса» [20, с. 6]. На долгие столетия христианская идеология оказалась определяющей в мировоззрении, и задачей книжников была трансляция ее в народные массы. Все интенции были направлены на познание Бога, как вне, в его абсолютности, так и внутри себя – во внутренней организации самого человека.

Своеобразие общественного сознания заключалось в том, что оно формировалось под воздействием мира идеальных образов, представленных в религиозных текстах, с одной стороны, и мира жестоких нравов феодального общества того времени – с другой стороны. «Этические нормы, как и другие идеальные установки, были вынуждены подчиняться действию социальных и политических сил средневеко-

вого государства» [4, с. 129]. Поэтому значимость гуманистических идей христианства была очень велика. Они не могли последовательно воплощаться в реальной жизни, но в идеальном мире они существовали. Чрезмерная этизация средневековой жизни не отражала высокий моральный уровень общества того времени, но являлась активным средством борьбы с жестокостью нравов, косностью малогуманных традиций [4, с. 130].

Материалы и методы

«Повесть временных лет» – наиболее известный памятник летописного жанра, в котором отражается разностороннее представление об исторической, политической, языковой ситуации своего времени. Несмотря на тенденциозность летописного повествования, оно тем не менее воспроизводит с наибольшей полнотой жизнь определенных социальных слоев общества эпохи средневековья. Компилятивный характер текста позволяет составить представление о воплощении этических идеалов средневекового человека в различных ситуациях. Кроме того, анализ составляющих летописи произведений позволяет реконструировать ментальный мир человека того времени. В состав летописи входили произведения документального, агиографического, фольклорного и других жанров, которые различались не только содержанием, но и в языковом отношении. Летописные тексты дают значительный материал для изучения не только культурного наследия Древней Руси, но и этико-философских взглядов на мир человека средневековья.

Обращение к памятникам летописного жанра, представляющим уникальные источники для изучения и русского литературного языка, и истории русской земли, и русской литературы, позволяют реконструировать элементы картины мира нашего предка с достаточной долей объективности, так как писались они живыми людьми, летописцами. Средневековые писатели, конечно же, в большой степени находились под влиянием шаблонов и традиционных схем, использовали священные тексты, постоянно цитировали их, но в то же время выражали, пусть незначительный (в рамках допустимого варьирования), но все же собственный, личный взгляд на ситуации и других людей. Элементы субъективного отношения к событиям были связаны и с тенденциозностью летописного повествования, с приверженностью летописца определенным политическим тенденциям, с влиянием на их мнение князей-правителей.

Исходя из принципов жанрово-стилистического многообразия древнерусской летописи анализируется и картина мира книжника того периода. Специфика фактического материала, ориентация на многоаспектность изучения языковых фактов определили использование в работе ряда исследовательских методов. Метод семантико-когнитивного анализа позволяет охарактеризовать результаты отражения мыслительной деятельности человека в языке, выявить соотношение семантики языка и концептосферы народа, описать семантические процессы в их связи с когнитивными. Применение исторического метода в изучении языкового материала направлено на анализ специфики употребления образований с корневым *люб-* в текстах летописного свода и произошедших с ними в дальнейшем изменений. Применение текстологического метода позволяет установить исторические закономерности изменения текста в целом и отдельных лексических единиц в частности. Метод компонентного анализа лексической семантики используется для изучения функционирования отдельных языковых единиц в контексте.

Результаты

Одной из важнейших нравственных категорий, получивших отражение в летописном тексте, является любовь. Еще в дохристианский период существовало множество слов, обозначающих различные стадии, формы, оттенки любовного чувства. Однако с принятием христианства идея человечности стала выражаться единым словом *любовь*. По мнению известнейшего русского лингвиста, философа язы-

ка В. В. Колесова, «родовым по смыслу стало слово любовь, потому что любовь существует «сама по себе», вне субъектов ее деятельности» [9, с. 356–357]. Понятие «любовь» стало важнейшей категорией христианской философии. Уже древние греки различали разные формы любви: семейная, дружеская, эротическая, жертвенная, любовь к Богу. Древнерусское слово *любовь* вобрало в себя все значения соответствующих греческих слов, оказавшись более приспособленным для их выражения по сравнению с корнем *мл-*, который в первых переводах использовался для номинации соответствующего чувства.

Корень слова *любовь* имеет не просто общеславянское, но индоевропейское происхождение, и обозначает он тяготение, влечение, восхищение, признание и совокупность подобных положительных качеств, характеризующих отношения. В. В. Колесов отмечал, что слово *любовь* потому смогло стать родовым обозначением, что выражало чувство активное, завлекающее, связанное с действием многогранным, с его помощью можно было передать идею и земной, и небесной любви, следовательно, образовать символ [9, с. 357]. Любовь не просто является основным концептом в осмыслении всякого сознания и познания [8, с. 103], но и важнейшим символом культуры [10, с. 273].

В философской концепции В. С. Соловьева за любовью признается начало видимого восстановления образа Божия в материальном мире, начало воплощения истинной идеальной человечности [18]. По словам философа, «помимо материального или эмпирического содержания своей жизни каждый человек заключает в себе образ Божий, т. е. особую форму абсолютного содержания» [18]. С принятием христианства утверждался принцип богоподобия человека, определявший непрерывную устремленность к Богу через овладение признанными добродетелями [14, с. 61].

В этической системе ценностей русской ментальности любовь занимает центральное место [6, с. 44]. Все предшествовавшие представления о любви переосмысливаются в духе новой христианской традиции. Чувства относятся к области внутреннего мира человека, однако понятие об этом мире в средние века весьма условно. В новое время под внутренним миром подразумевается «психика» человека, но в древности как таковая психика еще не является предметом описания, и, по мнению Д. С. Лихачева, «абстрактный психологизм» появляется только в XIV – XV веках, когда писатели стали обращать внимание на чувства и эмоции человека [12, с. 72]. В недрах средневековой литературы зарождается и философская традиция, которая во многом восходит к античной. Она вплетена в язык культуры, язык литературы, потому и сама литература была философски емкой и наполненной. В совокупности этического и философского понимания происходит становление концепта «любовь», о специфике которого в древнерусском мировоззрении мы можем судить по представляющим его языковым единицам и их функционально-семантическим особенностям в тексте.

Любовь в средневековье – это сущностный атрибут Бога [3, с. 229], продолжение платоновской концепции небесной и земной любви. Так как именно Бог представляется идеалом любви, то и человек должен испытывать подобное чувство ко всем ближним, поскольку в каждом человеке есть частица Бога. Именно этот аспект любви, привнесенный из Библии – Бог есть любовь – является наиболее значимым для авторов летописного повествования. Через призму любви к Богу осмысливается и любовь между людьми в том обыденном смысле, который мы придаем этому чувству в нашем повседневном восприятии. Жанр летописи, продолжавший жанр хронографов и отличавшийся документализмом, тем не менее включал большое количество морализаторских рассуждений (с современных позиций их можно назвать лирическими отступлениями), в процессе написания которых летописец задумывается над сущностью наиболее значимых для человека принципов жизни и в назидательном

тоне призывает к соблюдению божественных предписаний, следование которым есть залог воплощения не только высшей, духовной, сверхчеловеческой любви, но и земной, телесной, человеческой.

В зависимости от содержательной направленности летописного отрывка находятся и соответствующие языковые формы. Кроме того, стилистическая разноплановость составляющих летопись произведений определяет использование соответствующих содержанию погодной статьи шаблонных формул и конструкций. О святом летописец говорит с использованием церковнославянских языковых форм, о князе или воине – в более светской манере. Однако лексический фонд двух славянских языков во многом был общим, и многие значимые для русского человека понятия одинаково выражались и на старославянском (позже- церковнославянском), и на русском языке, к их числу относится и слово *любовь*, хотя для старославянского языка более характерна древняя начальная форма этого слова *любы*. Данная форма представлена в летописи в цитате из Иоанна, в которой раскрывается основное символическое содержание любви в средние века и обосновывается высшая суть и смысл этого чувства: *Яко же Иоан глаголетъ: “Богъ **любы** есть, и пребывая у **любы**, у Бози пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ”* (ПВЛ, 1078 г.). С позиций средневековой морали высшую форму любви заслуживают христианские мученики самим фактом своей трагической кончины, в частности братья Борис и Глеб, варварски убитые братом Святополком: *Възвысила бо есть ваю свѣтоносная небеснаа **любы**, тѣмъ красныхъ всихъ наслѣдоваста въ небеснемъ житиѣ, славу, и райскую пищу, свѣтъ разумныи, красная радости.* (ПВЛ, 1015 г.).

Для понимания специфики религиозных взглядов летописцев важным представляется тот факт, что с XI века основным идейным центром православия на Руси стал Киево-Печерский монастырь. Именно там зарождается и ведется летописание, поэтому в тексте «Повести временных лет» можно обнаружить черты, характерные для русской религиозности того времени. Самым известным церковным подвижником монастыря был Федосий Печерский, и в его уста вкладываются слова о роли любви в земной жизни и в отношениях между людьми, прежде всего в монастырской среде. «Феодосий был поборником мистико-аскетической традиции греческого богословия, суровым критиком неправославных вероучений» [2, с. 181]. В летописной статье о житии Феодосия Печерского любовь представляется как нравственное правило, которому должны следовать и которое должны соблюдать монахи: *В **любви** пребывающе, мнѣшии покоряющесе старѣшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, но все с покорениемъ и с послушаниемъ великомъ* (ПВЛ, 1074 г.). В то же время любовь осмысливается не просто как духовное состояние, но и как деятельное начало, имеющее проявления в конкретных действиях. Не так просто было соблюдать все требования сурового монастырского устава, и с позиций христианского милосердия, сострадания обосновывается любовь как проявление поддержки и помощи в среде монахов: *Аще который братъ впадетъ в кое любо согрѣшение, и утѣшаху и, и епитемью единого брата раздѣляху 3-е или 4 за великую **любовь**. Такова бо бѣше **любовь** в братѣи той и въздержаніе велико* (ПВЛ, 1074 г.). В религиозных контекстах типичным является использование при слове *любовь* эпитета *великыи*, подчеркивающего размер, масштаб испытываемого состояния. *Великыи* относится к одному из наиболее частотных адъективов в летописном тексте, используемом для интерпретации множества явлений и событий эпохи средневековья, в том числе обозначенных именами отвлеченной семантики. Такие сочетания, как *великая любовь*, носят формульный характер.

При описании событий внимание летописца обращалось на поступки, через призму которых оценивался человек в целом, при этом значимую роль играло его социальное положение или положение в церковной иерархии. Необходимо учиты-

вать, что в XI – XIV веках в литературе были представлены идеализированные образы, характеризующиеся качествами, обязательными с точки зрения феодального строя и этики христианства [1, с. 3]. О восприятии любви в светской среде можно судить по словам Ярослава своим сыновьям перед смертью: *Имхите в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери, да аще будете в любви межю собою, Богъ будетъ в васъ* (ПВЛ, 1054 г.). Земная любовь между братьями связывается с божественным началом этого чувства. Именно любовь в структуре христианской картины мира – залог и земного, и небесного равновесия.

Необходимость защиты православия становится неременным атрибутом не только церковной, но и княжеской власти. Правитель обязан и отстаивать, и проповедовать христианские принципы и, конечно же, в своей собственной жизни соблюдать их. Сквозь призму религиозного восприятия преломляется и проявление данного чувства в родственных отношениях. Идея прощения за грехи, незлопамятства пронизывает контексты, в которых описываются события в княжеской среде: при этом отмечается четкая параллель любви в церковной и мирской сферах. Например, идея прощения как истинного проявления любви четко прослеживается в словах князя Изяслава брату Всеволоду: несмотря на пройденные испытания, гонения со стороны братьев, разграбление ими его имущества, он не отвечает злом на зло: *Елма же ты, брате мои, показа ко мнѣ любовь, уведи мя на столъ мои, нарекъ мя старшиши себе, се азъ не помяну злобы первоѣ, ты мнѣ еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя* (ПВЛ, 1078 г.). Далее в комментариях летописца проявляется не только морализаторство, но и живое чувство восхищения поступком князя: *Не рече бо ему: “Колко зло створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся приключи”, не рече: “Се-го кромѣ мене”, но на ся перея печаль братню, показа любовь велику* (ПВЛ, 1078 г.), где также используется формульное выражение *любовь велика*. О таком понимании любви В.В. Колесов говорит, что в русской ментальности концепт «любовь» осмыслен как символ единения, близости и дружеской симпатии [8, с. 103].

В связи с осмыслением любви как глубоко духовного чувства, ее земные проявления вызывали опасения [11, с. 51]. Средневековые христиане считали, что именно они познали истинный смысл любви в отличие от язычников. Не случайно в историко-этнографическом введении «Повести временных лет» в повествовании о скифском племени присутствует упоминание о любви как о проявлении низменных инстинктов, а язычники осуждаются в их необузданных страстях и звериной похоти: *Инъ же законъ гилломъ: жены у нихъ орють, и хоромы зиждють, и мужьскыя дѣла творять, но и любви творить елико хочеть, не въздѣржаемы от мужий своихъ отинудь, ни зазрять* (ПВЛ).

В отрывках фольклорного происхождения употребление лексики с корневым *люб-* свидетельствует о земном восприятии данного чувства, так, в «Легенде о Вещем Олеге» говорится о любви князя к своему коню: *Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрети* (ПВЛ, 912 г.).

В контекстах исторического, документального, биографического характера смысловое содержание понятия «любовь» в древнерусском языке оказывается гораздо ближе к понятию «дружба», что отражается в таких значениях слова *любовь*, как ‘привязанность’, ‘благосклонность’, ‘приверженность’, ‘согласие’. Под любовью подразумевались именно дружеские отношения, а не страсть, влечение к лицу другого пола.

В Древней Руси любовь понималась многопланово, это был концепт с широким семантическим объемом, включавшим не только моральное, но и социальное содержание. В текстах договоров русских с греками, которые вошли в состав летописи, понятие «любовь» маркируется как социально значимое явление, относящееся к отношениям между странами и народами: *Но потщимся, елико по силѣ, на сохране-*

ние прочихъ и въсегда лѣтъ с вами, грѣхы, исповѣданьемъ и написаниемъ съ клятвою извѣщаемую **любовь** непревратну и непостыжну (ПВЛ, 912 г.). Не случайно в переложении данного отрывка из «Повести временных лет» на современный русский язык Д. С. Лихачев использует слово *дружба*, потому что современному читателю покажется необычным, что народы в таком документе договариваются о любви. Атрибутивные компоненты сочетаний со словом *любовь* вносят в содержание понятия те семантические доли, которые имеют непосредственное отношение к сути договора: *непревратный* ‘незыблемый, непоколебимый, неизменный’, *непостыжный* ‘безупречный’.

В тексте летописи слово *любовь* входит в состав многих парных конструкций, в которых обнаруживаются семантическая многоплановость, емкость выражаемого понятия, среди которых *миръ и любовь, вѣра и любовь, твердь и любовь* (‘прочный мир и любовь’).

В процессе развития человеческого познания чувства любви, его разносторонних проявлений возникает необходимость в их номинации, что находит выражение в новых словесных формах, в производных словах, обозначающих разные аспекты выражаемого чувства. «С помощью словообразования создаются номинации реалий, значимых для общественного сознания, входящих в систему ценностных представлений человека средних веков» [7, с. 54].

Помимо самого слова *любовь*, корень *люб-* достаточно широко представлен в лексике «Повести временных лет» в составе производных различных частей речи: глаголов – *любити, възлюбити, излюбити, узлюбити*; причастий – *любимый, възлюбленный*; прилагательных – *любезнивый, боголюбивый, братолюбивый, христолюбивый* и др.; существительных – *женолюбецъ, любодѣица, ницелюбецъ* и др.

Из приставочных глаголов наиболее распространены формы с префиксом *въз-*. Данная приставка является стилистически маркированной, связанной со старославянской языковой традицией, ее значение ‘движение вверх, воспарение’ [15, с. 1-2]. При присоединении префикса *въз-* к основе глагола *любити* возвышенность обозначенного чувства и его отнесенность к высоким нематериальным сферам усиливается, происходит подчеркивание соответствующего содержания не только семантически, но и морфологически. Использование глагола *възлюбити* связано с церемониальностью манеры повествования в древнерусском тексте, характерной и для летописных отрывков церковного характера. Также в «Повести временных лет» используются глаголы с приставками *из-* и *уз-* (фонетического варианта приставки *въз-*). Приставка *из-* вносит в глагол *излюбити* дополнительный компонент значения ‘выбрать избрать, предпочесть’. Данное значение реализуется в воинской повести о сражении с половцами: *Излюбити свѣто съ и преидоша Стѣгну рѣку, бѣ бо тогда наводнилася велми* (ПВЛ, 1093 г.)

К числу распространенных в тексте летописи относится страдательное причастие *любимый*. В «Сказании о Борисе и Глебе», написанном в агиографическом стиле, лексема *любимый* используется для выражения родственного, братского чувства. Глеб, узнавший о гибели брата Бориса, сокрушается о произошедшем и со слезами обращается к Богу: *Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой **любимый**?* (ПВЛ, 1015 г.). Это же определение используется и в сочетании с существительным собирательного значения *дружина*, что подчеркивает важность и значимость для правителя княжеского войска. Оно используется в обращении Ярослава к дружине в связи с убийством родных: *Заутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и рече Ярославъ: “О, любимая дружино, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ”* (ПВЛ, 1015 г.).

Старославянским по происхождению является прилагательное *любезнивий*, употреблявшееся как в значении 'любящий, исполненный любви', так и в более прагматическом смысле 'имеющий склонность, пристрастие, приверженность'. Актуализация того или иного значения зависит от контекста. При характеристике отношения князя Владимира к высшим церковным деятелям, а также к простым монахам подчеркивается его христианское благорасположение, значимое для того времени: *Володимеръ же такъ есть любовьнивь: любовь имѣя к митрополитомъ и къ епискупомъ и къ игуменом, паче же и черноризецъкии чинъ любя* (ПВЛ, 1097 г.). В дружинном предании об испытании Святослава дарами слово *любезнивий* выражает значение 'имеющий склонность, пристрастие, приверженность': *Посли к нему дары, искусимъ и, любезнивь ли есть злату, или паволокам?* (ПВЛ, 971 г.).

Корень *люб-* является частотным компонентом в составе сложных слов. Он использовался при калькировании соответствующих греческих единиц. Кальки с греческого были очень популярны в лексике древнерусских книжников, так как способствовали передаче необходимой стилистической возвышенности, пафосности, идеальности изображаемых идей. Они представлены в большом количестве в произведениях высокого книжного стиля и являются его яркими приметами. Поэтому в составе летописей они не отмечаются в фольклорных отрывках, а выступают в погодных статьях, связанных с богословской традицией, в житиях, похвальных словах, морализаторских отступлениях летописцев.

Среди них представлены адъективы: *боголюбивый, братолюбивый, христолюбивый, страннoлюбивый*, а также субстантивы с общим значением лица и действия: *прелюбодѣица, любодѣица, женoлюбѣць, нищелюбѣць, челoвѣколюбѣць, враждoлюбѣць, прелюбодѣяние, челoвѣколюбие, братoлюбие*. Среди сложных адъективов с компонентом *люб-* большинство характеризуются положительной коннотацией и направленностью на достойные этого чувства объекты, а среди сложных субстантивов немало форм негативного содержания. Если корень *люб-* выступает с семантикой 'страсть, влечение к лицу другого пола', то сложное слово имеет негативную коннотацию: *любодѣица* 'развратница, распутница', *прелюбодѣи* 'прелюбодеи, развратник', *прелюбодѣица* 'прелюбодеица, развратница', *женoлюбѣць* 'любитель женщин', *прелюбодѣяние* 'прелюбодеяние, нарушение супружеской верности'. Полигамная любовь, любовь-страсть, не имевшая духовного основания, получает однозначное осуждение в системе нравственных ценностей христианского мировосприятия.

В словах со вторым компонентом *люб-* первая часть содержит указание на объект данного чувства: *братoлюбие* 'любовь к брату, ближнему', *челoвѣколюбие* 'любовь к людям, милосердие'. К числу наиболее значимых положительных качеств исторических персонажей относятся те, которые характеризуют их с точки зрения высшей любви, то есть любви к Богу: *боголюбѣць* 'любящий Бога', *христолюбѣць* 'преданный Христу'. С другой стороны, направленность божественной любви на человека отражается в сложном слове *челoвѣколюбѣць*, обозначающем 'любящий человечество' и являющемся одним из устойчивых атрибутов Бога. В противоположность Богу дьявол также характеризуется через композит, включающий элемент *люб-*, *враждoлюбѣць* в значении 'тот, кто любит зло, вызывает ссоры, вражду'. Данная лексема выступает в функции устойчивого приложения к слову дьявол: *И от тѣхъ заповѣдано оъновити ветхый миръ и от ненавидящаго добра, въраждoлюбца дьявола* (ПВЛ, 945 г.).

Заключение

Таким образом, в этической картине мира русского средневековья морально-нравственные категории занимают значительное место. Морализаторство и дидактизм летописного повествования были обусловлены становлением новой христиан-

ской модели мира. Этико-философское представление о любви, основанное на гуманистических идеях христианской идеологии, представляет основные ее содержательные аспекты. Любовь выступает как понятие многоплановое: в своем высшем проявлении это чувство, одухотворенное идеей божественной природы всего земного, возвышенное, которое должен испытывать истинный христианин по отношению к Богу. Благодаря глубокому пониманию божественной сущности любви человек достигал высших благ. В то же время в летописях отразилась и другая сторона любви, связанная с обозначением социальных отношений. В этом аспекте любовь понимается как синоним дружбы. Поскольку эмоциональная составляющая не входила в поле зрения летописца в соответствии с особенностями художественного метода того времени, индивидуализированные характеры не получали отражения в текстах. Содержательная направленность повествования на освещение событий церковной и политической истории исключает актуализацию значения личной симпатии, привязанности у слова *любовь*. При описании конкретных персонажей лексема *любовь* использовалась только при характеристике князей и их взаимоотношений, то есть приобретала социальное звучание. Поэтому в языковом сознании летописца эпохи средневековья мирское и христианское понимание любви были тесно переплетены.

Немаловажным представляется взаимодействие важнейших концептов русской культуры в соответствии с общей идеологической задачей времени – утверждением новой христианской идеологии, поэтому понятия, составляющие основные константы этической картины мира эпохи русского средневековья: *любовь, добро, совесть, вѣра, честь, воля* – были тесно взаимосвязаны.

Список источников и литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27: История жанров в русской литературе X – XVII вв. Л.: Наука, 1972. С. 3–68.
2. Введение в философию / И. Т. Фролов [и др.]. М.: Республика, 2003. 623 с.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
4. Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. М.: Ин-т филол. РАН, 1997. 289 с.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
6. Дмитриева Н. М., Линтовская Е. М. Этический смысл концепта «Любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI – XIX веков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7 (195). С. 44–49.
7. Ерофеева И. В. Функционально-семантические особенности производных субстантивов в текстах летописного жанра // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 53–61.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
10. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2011. 480 с.
11. Корлякова А. В., Чебаков Р. К. Философия любви в историческом развитии // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 49–53.
12. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 415 с.
14. Магомедов К. М. О степени богообразности и богоподобия человека в рациональной теологии // Исламоведение. 2014. № 4. С. 58–65.
15. Марков В. М. Приставка вз- (воз-) в русском языке // Opera Slavica. 2001. Vol. 11 (4). P. 1–5.

16. Повесть временных лет (ПВЛ) / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
17. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* / Ин-т рус. яз. РАН. М.: Наука, 1975-2015. Вып. 1-30.
18. Соловьев В. С. Смысл любви // Русская философия: история, источники, исследования : сайт. URL: <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/150-solovev-v-s-smysl-lyubvi.html> (дата обращения: 28.04.2024).
19. Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
20. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т Наследия, 2022. 212 с.

References

1. Adrianova-Peretts, VP 1972, 'Chelovek v uchitelnoy literature drevney Rusi' (Human in the educational literature of ancient Russia), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Proceedings of the Department of Old Russian Literature), vol. 27, *Istoriya zhanrov v russkoy literature X-XVII vv.* (History of genres in Russian literature of the 10th – 17th centuries), Nauka publ, pp. 3–68, Leningrad. (In Russ.)
2. Frolov, IT 2003, *Vvedeniye v filosofiyu* (Introduction to philosophy), Respublika publ, Moscow. (In Russ.)
3. Vendina, TI 2002, *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavvyanskogo yazyka* (Medieval humzn in the mirror of the Old Church Slavonic language), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
4. Gromov, MN 1997, *Struktura i tipologiya russkoy srednevekovoy filosofii* (Structure and typology of Russian medieval philosophy), Institut filosofii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
5. Gurevich, AYа 1984, *Kategorii srednevekovoy kultury* (Categories of medieval culture), Iskusstvo publ, Moscow. (In Russ.)
6. Dmitriyeva, NM & Lintovskaya, EM 2016, 'Eticheskiy smysl kontsepta «Lyubov» v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale slovarey XI – XIX vekov)' (The ethical sense of the concept «Love» in Russian language picture of the world (on the material of dictionaries of the 11th – 19th centuries)), *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 7 (195), pp. 44–49. (In Russ.)
7. Erofeyeva, IV 2016, 'Funktionalno-semanticheskiye osobennosti proizvodnykh substantivov v tekstakh letopisnogo zhanra' (The functional-semantic peculiarities of derivative words in the texts of chronicle genre), *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 15, no. 2, pp. 53–61. (In Russ.)
8. Kolesov, VV 2004, *Yazyk i mentalnost* (Language and mentality), Peterburgskoye vostokovedeniye publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Kolesov, VV 2006, *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* (Russian mentality in language and text), Peterburgskoye Vostokovedeniye publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Kolesov, VV 2011, *Drevnyaya Rus: naslediyе v slove. Mudrost slova* (Ancient Russia: heritage in words. The wisdom of the word), Izd-vo filol. fak-ta SPbGU publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Korlyakova, AV & Chebakov, RK 2014, 'Filosofiya lyubvi v istoricheskom razvitii' (Philosophy of love in historical development), *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, no. 38, pp. 49–53. (In Russ.)
12. Likhachyov, DS 1970, *Chelovek v literature Drevney Rusi* (Human in the literature of Ancient Russia Русь), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Likhachyov, DS 1971, *Poetika drevnerusskoy literatury* (Poetics of Old Russian Literature), Khudozh. lit. publ, Leningrad. (In Russ.)
14. Magomedov, KM 2014, 'O stepeni bogoobraznosti i bogopodobiya cheloveka v ratsionalnoy teologii' (On the degree of godlikeness and image of God of man in rational theology), *Islamic Studies*, no. 4, pp. 58–65. (In Russ.)
15. Markov, VM 2001, 'Pristavka vz- (voz-) v russkom yazyke' (Prefix vz- (voz-) in Russian language), *Opera Slavica*, vol. 11, no. 4, pp. 1–5. (In Russ.)

16. Likhachyov, DS 1999, *Povest vremennykh let* (The Tale of Bygone Years), ed. V.P. Adrianova-Peretts, Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
  17. *Slovar russkogo yazyka XI – XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of 11th – 17th centuries) 1975-2015, vols. 1-30, Nauka publ, Moscow (In Russ.).
  18. Solovyov, VS, ‘Smysl lyubvi’ (The meaning of love), *Russkaya filosofiya: istoriya, istochniki, issledovaniya* (Russian Philosophy: History, Sources, Research), viewed 28 April 2024, <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/150-solovev-v-s-smysl-lyubvi.html> (In Russ.)
  19. Uzhankov, AN 2008, *Stadialnoye razvitiye russkoy literatury XI – pervoy treti XVIII veka. Teoriya literaturnykh formatsiy* (Stage-by-stage development of Russian literature of the 11th – first third of the 18th century. Theory of literary formations), Literaturnyy institut im. A.M. Gorkogo publ, Moscow. (In Russ.)
  20. Uzhankov, AN 2022, *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoy srednevekovoy kultury* (Picture of the world of an ancient Russian literator. Categories of Russian medieval culture), In-t Naslediya publ, Moscow. (In Russ.)
-

Вклад авторов:

Ерофеева И. В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Пильгун М. А. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Irina V. Erofeyeva – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Mariya A. Pilgun – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-106-116>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА О ЕВРЕЙСКОМ И ЕВРЕЯХ

**Инна Александровна
Меркулова**

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
igel1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления этностереотипа еврея по данным Национального корпуса русского языка. Объектом исследования стали сочетания с относительным прилагательным «еврейский (жидовский)» и компаративным оборотом «как (словно, будто) еврей (жид)», где основанием сравнения может выступать адъектив или глагол. Цель исследования – проанализировать атрибутивные сочетания и сравнительные обороты как наименее изученные способы и выявить мировидение, представленное в НКРЯ. Вначале проанализированы сочетания прилагательных *еврейский* и *жидовский*, установлены основные семантические классы существительных, сочетающихся с этими прилагательными, высчитан интегративный вес сочетаний. Далее рассмотрены компаративные обороты. По данным Национального корпуса русского языка стереотипные черты еврея связаны в первую очередь со свойствами характера и поведения представителей этой этнической общности, а также с типичным для них жизненным укладом, связанным с общинами и объединениями. Восприятие евреев носителями русского языка по данным НКРЯ отличается амбивалентностью, связанной с четким противопоставлением двух номинаций – *еврей* и *жид*. Примеры показывают, что в качестве наиболее важных признаков еврея выделяются талантливость, скрытность, живучесть, некоторая суетливость и нервозность, желание спорить, неприятие тяжелого физического труда, состоятельность, ум. А умение торговаться и при этом скупость отмечаются регулярно при сочетании со словом *жид*. Признаков, которые бы объединяли *еврея* и *жида*, не обнаружено. Представления о внешности евреев (цвет кожи, глаз, волос, рост и т. п.) ограничиваются лишь типизацией смуглого цвета кожи и размера носа. Анализ выделенных нами языковых маркеров свидетельствует об отсутствии религиозных признаков среди стереотипных характеристик.

Ключевые слова: этностереотип, языковой маркер, Национальный корпус русского языка, образ еврея.

Для цитирования: Меркулова И. А. Национальный корпус русского языка о еврейском и евреях // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 106–116. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-106-116>

Сведения об авторе: И. А. Меркулова – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет, 394018, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-106-116>

MENTIONS OF JEWISH AND JEWS IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Inna. A. Merkulova

Voronezh State University
Voronezh, Russia
igel1@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of identifying the Jew ethnic stereotype on the basis of the Russian National Corpus data. The object of the study is phrases with the relative adjective 'Jewish' and the comparative phrase 'like (as if) a Jew', where the basis of comparison can be an adjective or a verb. The purpose of the study is to analyze attributive combinations and comparative phrases, as the least studied methods, and also to identify the worldview presented in the Russian National Corpus. First, the author analyses the combinations of the adjectives *yevreyskiy* and *zhidovskiy* (both words mean Jewish), establishes the main semantic classes of nouns combining with these adjectives, and calculates the integrative weight of the combinations. According to the Russian National Corpus, stereotypical traits of a Jew are associated primarily with the character and behavior of representatives of this ethnic community, as well as with their typical way of life associated with communities and associations. The perception of Jews by native speakers of Russian is ambivalent according to the Russian National Corpus data. This is due to the clear opposition of two nominations - *yevrey* and *zhid*. Examples show that the most important characteristics of a *yevrey* are talent, secrecy, vitality, a certain fidgetiness and nervousness, a desire to argue, aversion to hard physical labour, wealth, and intelligence. The ability to bargain and yet stinginess is noted regularly when combined with *zhid*. The author notes that there are no attributes that unite *ayevrey* and *zhid*. Representations of Jewish appearance (skin colour, eyes, hair, height, etc.) are limited only by the typification of swarthy skin colour and nose size. The analysis of the linguistic markers identified by the author indicates the absence of religious features among the stereotypical characteristics.

Keywords: linguistic expertise, extremism, extremist materials, controversial text, linguistic labeling.

For citation: Merkulova, IA 2024, 'Mentions of Jewish and Jews in the Russian National Corpus', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 106–116, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-106-116> (in Russ.)

Information about the Author: Inna. A. Merkulova – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia.

Введение

Каждый народ, имея различные взаимоотношения с этническими группами, понимает и воспринимает людей других наций и культур в соответствии со своими убеждениями, взглядами и мнениями, сформированными историей, традициями и подкрепляемыми средствами массовой информации. Например, среди русских принято считать, что испанцы и итальянцы очень эмоциональные, кавказцы – гостеприимные, а немцы – пунктуальные. Выражения «типичный француз», «типичный англичанин» отражают определенный частотный набор этнических черт и характерных качеств, присущих человеку этой национальности. По определению, Г. В. Токарева, стереотип – это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы упорядочивают знания, противопоставляя при этом своё чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни [9, с. 27]. Стереотипы – это своеобразные ориентиры и координаты для восприятия действий и поступков.

Национальные стереотипы, будучи собирательными, условными образами, отражают характерные этнические и культурные черты народа, специфику национальной психологии и традиции [10, с. 10].

Понятие стереотипа имеет непосредственное отношение к проблеме языковой идентичности. Изучение стереотипов является одной из основных тем, исследуемых в русле различных наук, – этнолингвистики, психоллингвистики, когнитивной лингвистики, этнопсихологии и социальной психологии.

Как отмечает В. Е. Добровольская, «при оценке представителей одного этноса представителями другого возникает определенная словесная формульность, некая речевая стереотипия, которая с точки зрения “чужака” является самой исчерпывающей характеристикой не только данного представителя другой культуры, но и всех представителей чужого этноса, относящихся к той или иной возрастной группе» [3, с. 240].

В «Кратком психологическом словаре» указывается, что «этнические стереотипы – относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах» [5, с. 387].

Устойчивые представления о мире формируют картину мира. Как справедливо полагает академик В. М. Алпатов, необходимо различать картины мира, выраженные в самом языке (мировидение) и картины мира, выраженные с помощью языка (мировоззрение). «Последние, вероятно, можно назвать картинами мира, но вряд ли это языковые картины» [1, с. 19]. Таким образом, мировидение соотносится с языком, а мировоззрение – с речью. Наиболее представительными собраниями фиксированной речи (текстов) являются лингвистические корпуса, на базе которых можно оценить такие важные и показательные качества языковой единицы, как частотность (функциональность) и синтагматику.

Материалы и методы

По мнению Л. П. Крысина, этностереотип в языке может вербализоваться различными способами:

- 1) словами, в свернутой форме содержащими в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса;
- 2) генетивными сочетаниями;
- 3) атрибутивными сочетаниями;
- 4) сравнительными оборотами;
- 5) фразеологизмами;
- 6) пословицами и поговорками, включающими в себя этнонимы;

- 7) анекдотами;
- 8) обобщением и гиперболизацией свойств с помощью кванторных слов;
- 9) модальными наречиями типа *просто, прямо, прямо-таки*, усилительными частицы типа *даже* и оценочными прилагательными *настоящий, истинный, подлинный* и т. д.;
- 10) переносным употреблением слова;
- 11) импликатурами [6, с. 452–454].

К этому списку вполне можно добавить личные имена, наиболее частотные у тех или иных народов и, в связи с этим, составляющие часть этностереотипа у представителей другого народа. Такие представления очень распространены и сегодня. Ср. рус. все американцы – *Джоны*, немцы – *Гансы, Фрицы, Хачики* – представители Кавказа; *Аза* – цыганка. Иногда в этой роли могут выступать и особо частотные фамилии: чех – *Новак*, еврей – *Рабинович*, и даже отдельные морфемы: в русском языке добавление практически к любому набору звуков суффиксов *-швили* будет указанием на грузина, *-ян* свидетельством армянина, *-нко* маркирует украинца, а *-ску* – румына или молдаванина. Еще одним показателем, который можно добавить в этот список, является наличие этнонимических дериватов (например, *выцыганить, по-немецки (точен), еврейчик*).

Некоторые способы часто анализируются лингвистами (пословицы, поговорки, фразеологизмы, анекдоты), другие описаны недостаточно.

Цель исследования – проанализировать атрибутивные сочетания и сравнительные обороты как наименее изученные способы и выявить мировидение, представленное в НКРЯ.

Таким образом, объектом нашего исследования стали сочетания с относительным прилагательным *еврейский (жидовский)*, *чисто еврейский* и компаративным оборотом *как (словно, будто) еврей (жид)*, где основанием сравнения может выступать адъектив или глагол, а также обобщающая конструкция *все евреи*.

В качестве предмета нашего исследования выступают стереотипные черты еврея по данным контекстов НКРЯ.

Метод исследования – контекстуальный и семантический анализ в единстве качественных и количественных аспектов.

Результаты

В русском языке для обозначения представителей данной нации издавна существуют две лексемы: *еврей* и *жид*. Первое обозначение стилистически нейтрально, второе согласно «Большому толковому словарю»: ЖИД, -а; м. Разг.-сниж. Презрительное название еврея. Вечный жид. Книжн. Вечный скиталец, бесприютный странник. *Бродит по свету, словно вечный ж.* От средневекового образа легендарного еврея Агасфера, обречённого на вечные скитания. Жидовка, -вки; мн. род. -вок, дат. -вкам; ж. Разг.-сниж. Жидовский, -ая, -ое. Разг.-сниж. [2, с. 305].

Очевидно, что из-за стилистической ограниченности статистика национального корпуса русского языка (основной подкорпус) также свидетельствует в пользу лексемы *еврей* (5166 текстов 27 035 примеров) по сравнению с *жид* (1776 текстов 6293 примера).

По подсчетам О. В. Потаповой, *жидь / еврей* имеет 224 употребления, что составляет 7,01 %, а это 3 место среди других этнонимов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [7, с. 45]. Его опережают только *татарин* и *русский*. Интересно, что четыре этнонима В. И. Даль приводит в отдельной словарной статье, вне каких-либо контекстов, но лишь фиксируя их метафорическое (и узуальное!) употребление для обозначения отрицательных черт или поведения человека: «*Татарин (т. е. плут). Грек (т. е. мошенник сквозной). Жид (мошенник и скряга). Цыган (вор и мошенник)*». Исходя из такой семантической и лексикографической

маркированности и приведенного выше количественного анализа, нетрудно заметить, что излюбленные этнонимы носителя русского языка (по данным паремий и фразеологии) – это татары, евреи (жиды) и цыгане [4, с. 114].

Отметим также уменьшительно-ласкательную форму *еврейчик*, которая используется для номинации еврея достаточно часто. НКРЯ (основной подкорпус) предлагает 283 примера данного существительного: *Скорая приехала – полный весёлый еврейчик с мягкими большими руками и худющий рыжий студент* [Н. Б. Черных. *Слабые, сильные. Часть вторая* // «Волга», 2015]; *Красивая русская девушка, что у тебя общего – с этим еврейчиком?* – попрощавшись, он продолжал улыбчиво [Елена Чижова. *Лавра* // «Звезда», 2002]; *И оглянувшись, объяснила шепотом и не без гордости: он же еврейчик!* [Владимир Войнович. *Монументальная пропаганда* // «Знамя», 2000]; *У меня в прошлом году был один знакомый еврейчик-корреспондент, так у него кот был в два раза больше!..* [Владимир Кунин. *Кыся (1998–2000)*]; *Третий, чернявый, не то еврейчик, не то цыган, был в очках и стоял позади всех, побаиваясь* [Эдуард Шим. *Ребята с нашего двора (1976)*] и др. Примечательно, что другие национальности подобных номинаций не имеют (ср. *итальяшка*, скорее пренебрежительное, *цыганенок* – обычно к ребенку). А вот феминитив *евреечка* используется при номинации миловидной, приятной женщины. Самой частотный коллокат – *хорошенькая*.

По данным этнолингвистики еврей в традиционной народной культуре славян выступает как персонаж, связанный с понятиями «чужого», нечистого, демонического, что обуславливает двойственное отношение к нему [8, с. 173–176]. Обособленность евреев и славян определяется конфессиональными различиями (христианской и нехристианской верой), особенностями национальной кухни (запрет на свинину у иудеев), ведением сельского хозяйства (евреи разводили коз (*жидовская корова*), не работали в субботу – день, благоприятный для посева).

Выявляя стереотипные черты еврея, во-первых, стоит обратить внимание на прилагательное со значением «имеющий отношение к еврею» – *еврейский, жидовский*. Функция НКРЯ «Портрет слова» позволяет определить частоту определяемого слова, а, следовательно, позволяет получить представление о том, что в сознании говорящих имеет отношение к евреям, является частотно еврейским.

Всего в НКРЯ слово *еврейский* встретилось в сочетании с 326 разными существительными, слово *жидовский* – с 34 существительными.

В порядке убывания имени существительные расположились следующим образом (частота встречаемости сочетания 10 и более): *вопрос, народ, погром, семья, население, язык, община, происхождение, кладбище, национальность, государство, мальчик, женщина, кровь, квартал, организация, история, дом, театр, фамилия, ребенок, газета, писатель, конгресс, местечко, общество, магазин, тема, анекдот, культура, тип, акцент, молодежь, слово, традиция, среда, эмиграция, жизнь, банк, праздник, религия, закон, имя, песня, племя, поэт, школа, лицо, пасха, текст, масса, заговор, проблема, центр, синагога, интеллигенция, поселение, глаз, мать, оседлость, бог, квартира, колония, университет, внешность, девочка, беднота, жаргон, библия, движение, литература, капитал, равноправие, энциклопедия, комитет, царство, юноша, характер, гетто, книга, быт, душа, мир, черта, агентство, национализм, раввин, больница, раса, кухня, дело, диаспора, корень, часть, музыка, рота, элемент, свадьба, обычай, этничность, муж, город, календарь, буква, училище, бабушка, художник, клуб, беженец, надпись, сознание, счастье, буржуазия, предок, пролетариат, юмор, деятель, ресторан, печать, точка, жена, идентичность, колонизация, самооборона, пресса, учение, линия, идея, рука, группа, кагал, искусство, человек, бунд, мессианизм, штучка, младе-*

нец, оркестр, философ, купец, ученый, влияние, район, ум, судьба, деньги, родственник, могила, поэзия, журнал, союз, начало, власть.

Отметим, что атрибутивный признак может усиливаться наречием *типично* или прилагательным *типичный*.

Обсуждение результатов

Наибольшую частоту (591) в НКРЯ имеет сочетание *еврейский вопрос*. Вероятно, что он еще до конца не решен, и обсуждение положения евреев в обществе продолжается и в наши дни. Вторую позицию занимает сочетание *еврейский народ* (551). Далее спад частоты почти в 200 единиц, и на третью позицию попадает *еврейский погром* (377).

Следующие далее словосочетания можно объединить в семантические классы.

Интегративным показателем важности сочетаемости можно вычислить по формуле: суммарную частоту класса / подкласса помножить на его размерность (количество разных слов). На рисунке 1 показаны классы существительных, имеющих сочетания с прилагательным *еврейский* в НКРЯ, отсортированные по интегративному весу.

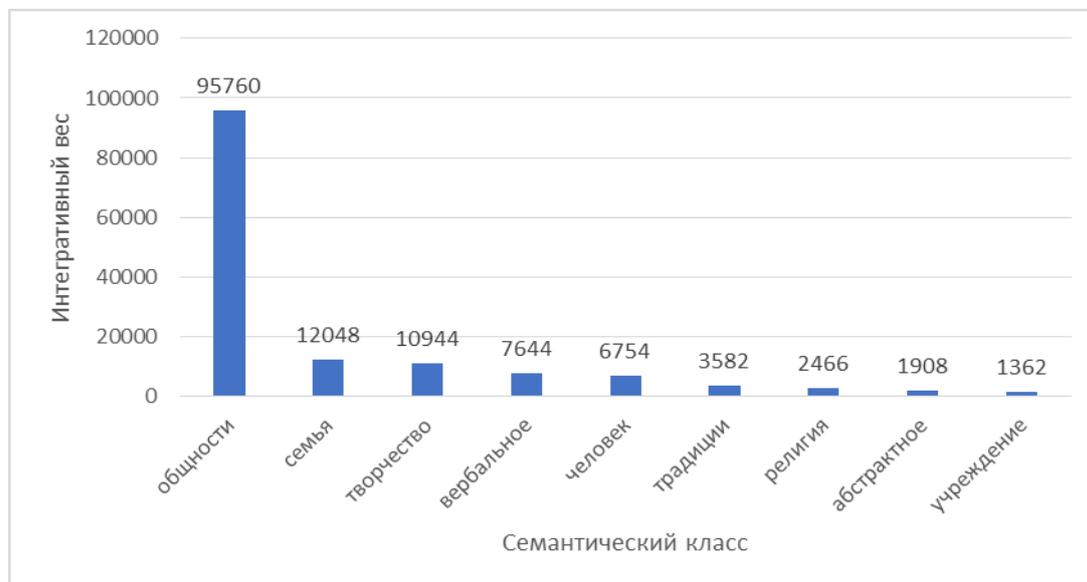

Рис. 1. Интегративный вес классов существительных, сочетающихся с прилагательным *еврейский* в НКРЯ

Самым размерным, т. е. объединяющим наибольшее количество разных определяемых, выступает класс «Общности и объединения»: *народ, община, население, государство, квартал, организация, общество, молодежь, племя, масса, интеллигенция, колония, гетто, рота, раса, мир, комитет, конгресс, царство, оркестр, агентство, диаспора, союз, кагал, бунд, клуб, буржуазия, пролетариат, правительство, центр, поселение, квартира, улица, город, район, местечко*.

Как видим, носители русского языка чаще отмечают традиционный уклад жизни евреев: семья, община. Чтобы группа евреев называлась общиной, достаточно, чтобы она состояла хотя бы из 10 взрослых мужчин-евреев, имела бы раввина и комнату для молитвы. В более широком смысле номинация «еврейская община» применяется для обозначения всех евреев, проживающих в определенном населенном пункте, регионе. Некоторая обособленность, выделенность данного этноса подтверждается также сочетаниями *еврейский квартал, еврейская область, еврейское диаспора, еврейское государство, еврейское население*.

Подклассом внутри данного класса является «Семья». Среди элементов сочетаний встречаются: *муж, жена, ребенок, бабушка, родственник, мать, дом*, а также частотны сочетания *еврейское происхождение, еврейская фамилия, еврейское имя, еврейский быт*. Не менее значимым в восприятии еврейского является класс «Творчество». В него входят такие номинации, как *театр, песня, писатель, газета, журнал, книга, культура, поэзия, музыка, музей, художник, философ*. Среди класса «Свойства» особое место занимают вербальные проявления и характеристики: *слово, текст, жаргон, литература, анекдот, юмор, язык, энциклопедия, буква, пресса, акцент*.

Далее следует класс «Человек», включающий в себя обозначения людей по возрасту, полу (*девушка, младенец, юноша* и др.), а также немногочисленные соматизмы (*лицо, рука, кровь*).

Носителями русского языка евреи воспринимаются в том числе через традиции. «Традиции» – еще один семантический класс, который образуют сочетания со словами: *обряд, предок, свадьба, могила, кладбище, праздник, кухня*. С ним непосредственно связан класс «Религия» (*пасха, синагога, бог, библия, раввин, пророк, вера*).

Языковой материал позволяет выделить также классы «Абстрактные понятия» (*судьба, тип, проблема, характер, душа, дух*) и «Учреждения» (*магазин, банк, школа, университет, больница, училище, ресторан*). Все другие классы немногочисленны и не набирают даже 1000 условных единиц по интегративному весу.

Второе определение *жидовский* в силу своей стилистической окраски имеет ограниченную сочетаемость, отличную от литературного синонима. На рисунке 2 приводятся все определяемые этого прилагательного.

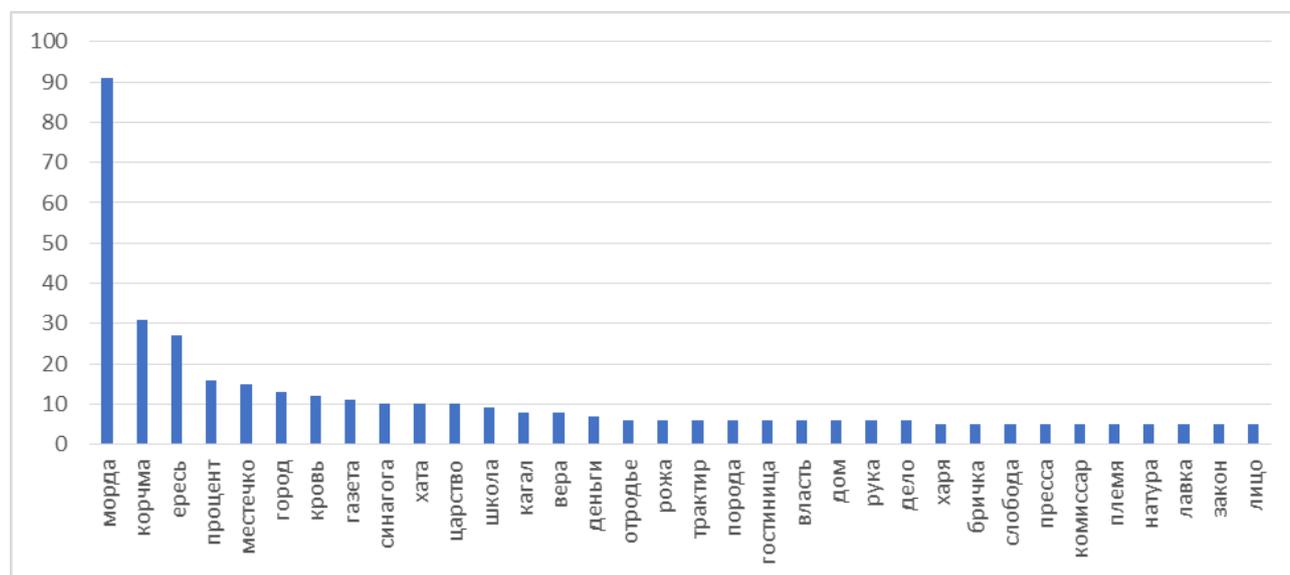

Рис. 2. Сочетаемость прилагательного *жидовский* в НКРЯ

Заметим, что стилистически окрашенное определение тяготеет к существительным, называющим внешние признаки. Выстраивается целый синонимический ряд: *морда, рожа, харя, лицо*. Негативная оценка дается также артефактам, связанным с товарно-денежными отношениями (*корчма, процент, деньги, трактир, гостиница, лавка*).

Наречная и адъективная сочетаемость прилагательного *еврейский* позволяет уточнить и даже усилить некоторые признаки. Из 44 корпусных примеров с *типич-*

но (типичный) еврейский 34 % относятся к внешним проявлениям (лицо, глаза, нос, рот), т. е. на первом месте собственно еврейского оказываются внешние признаки, то, что можно оценить визуально. Второй важный сигнал типично еврейского – фамилия. Кроме того, отмечается *типично еврейская тяга к знаниям и типично еврейская специальность врача*.

Цель следующего этапа работы – проанализировать компаративные обороты «как (словно, будто) еврей (жид)», где основанием сравнения может выступать адъектив или глагол. Приведем примеры из НКРЯ.

(1) Честно признаться, из всего этого рифмованного конгломерата мне запала на память лишь одна фраза, в которой сообщалось, что «он *талантлив, как еврей*» [Валентин Иванов. Местечковый расизм // Интернет-альманах «Лебедь». 2003. 21 дек.].

(2) Русские здесь *живучие, как евреи в России* [Дина Рубина. Монологи (2000)].

(3) Среди рабочих мелькал солидный слесарь Минаев, человек лет тридцати, *черный и носатый, как еврей* [Максим Горький. Дело Артамоновых (1924–1925)].

(4) Очень мил. Но слишком подвижен, *суетлив, как еврей*. Вероятно от бедности [С. Ф. Буданцев. Таракан (1923–1929)].

(5) Кобыла Лео длинноногая, *черная, как еврейка*, поднимается на дыбы и отмахивается, словно руками, от этого ужаса [Анатолий Мариенгоф. Бритый человек (1929)].

(6) Он спорил, нападал и, наконец, договорился, что я *спорю, как еврей* [В. Н. Гельфанд. Дневники 1941–1943 гг.].

(7) Он, по крайней мере, *не нервничает, как еврей* [Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы (2008)].

(8) Анекдотов в исследовании не приводится, зато есть фраза из статьи писателя-сатирика Михаила Задорнова: «Представить себе чеченца, сеющего хлеб, так же *нелепо, как еврея, помешивающего сталь в мартене...*» [Ксенофобия и фашизм по невнимательности // Известия. 2002. 19 дек.].

(9) Из какого коварства был сделан вывод: ни одна этническая группа или народ не *действуют* столь же *тайно, как евреи* [Максим Соколов. Наш бронепоезд стоит на запасном пути // Известия. 2006. 3 марта].

(10) Я в отличие от большинства немецких солдат *умею думать, как еврей*. Остальные же думают лишь как немцы, а точнее – как немецкие солдаты» [Форум: Лучшие злодеи в кино. Топ-25 (2013)].

(11) Жизнь на волоске... *Торгуешься, как жид...* А товара-то и нет [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]. На рынках Архангельской области я не раз слышал ворчание по поводу жадности покупателей: «*Торгуется, как жид*» [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)]. А нынешний норовит угнать коня у пьяного или сонного, да бога не побоится и с пьяного еще сапоги стащит, а потом жметя, едет с той лошастью верст за двести и потом торгуется на базаре, *торгуется, как жид*, пока его урядник не заберет, дурака [А. П. Чехов. Воры (1890)]. Я *торговался, как жид*, и вот результаты: 35 р. квартира, 3 р. дворнику, но без дров [В. М. Гаршин. Письма Е. М. Гаршину (1883)].

(12) Но теперь выяснилось, что, во-первых, ты – прости меня – *скуп, как жид*, а во-вторых... [В. В. Набоков. Лик (1938)]. Но мир явлений есть мир борьбы за существование и человеческая самая ожесточенная борьба. Земля-кормилица *скупа, как жид*. «В поте лица твоего снеси хлеб твой», – сказано на пороге потеряннорая, где ничего не делали, а только созерцали идеал [А. А. Фет. Письма Л. Н. Толстому (1879)]. Васильеву ты знаешь – *скупа, как жид*; а у меня хоть и есть отцовское со-

стояние, да мать еще своего не отдает, а главное, накопила денег и сидит над ними [А. А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец (1855)].

(13) Раздавим. Я сегодня *богат, как жид*. Вчера выиграл и сегодня опять буду метать банк [А. И. Куприн. Поединок (1905)]. *Богата, как жид*, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]. Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор даже бы отдал за него дочку, потому что Чичиков *богат, как жид*, если бы причиной не была жена его, которую он бросил... [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]. Во-первых, читает английские газеты. – Во-вторых, *богат, как жид*. – В-третьих... да что за счеты? [А. А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор (1830)].

(14) *Как жид не перестает любоваться своим золотом* и снова и снова пересчитывать его, так Бринкли не перестает любоваться видом разбитых, поврежденных и плененных японцами русских военных и торговых судов, и все снова и опять пересчитывать их – почти в каждом номере своей «Japan Mail» делает это с бесконечным наслаждением. [Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1904)].

(15) Приток денег вместо утечки мозгов. Брэнд «российский программист» сравним с такими «торговыми марками», как «еврей-финансист» или «повар-китаец» [Год высоких технологий // Коммерсант, 14.12.2005].

(16) Когда меня спрашивают, сколько стоит мой концерт, я, *как еврей, отвечаю вопросом на вопрос*: а что вы можете предложить? [Бирюков Сергей. Николай Петров: Обожаю лишать невинности новые рояли // Труд-7. 2003. 15 апр.].

(17) Ну почему как еврей – так непременно со скрипкой? [АНЕКДОТЫ (17.04.2000) // Аргументы и факты. 2000. 18 апр.].

Использование этнонимов в сравнительных и обобщающих конструкциях иллюстрирует одно из важных свойств стереотипа – его схематичность. Обратимся к примерам употребления обобщения *все евреи*, представленным в НКРЯ.

(18) *Все евреи хотят научить своих детей играть на скрипке!* [Александр Купер. Истопник // Дальний Восток. 2019].

(19) Вот скажи, Солоухин, почему *все евреи хорошо играют в шахматы?* [Евгений Гик. Как Василия Аксёнова «злодеем» пугали // Наука и жизнь. 2009].

(20) Мишка болен насморком, из него льет как из ведра, и он *мнительный, как все евреи*, – ставит себе в задницу градусник каждые пять минут [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)].

(21) «Конечно, *не все евреи гениальны*, – говорил он своей дочери Кларе, – *но их средний умственный уровень намного выше нашего*» [Владимир Матлин. Марк Твен и я // Вестник США. 2003. 26 нояб.].

(22) Существует расхожее мнение, что *все евреи умные или очень сообразительные* [Ирина Николаева, Давид Маркиш. Два человека под одной кожаной обложкой // Октябрь. 2001].

(23) Прямо в точку! Виден, *труслив, как все евреи*. Была у меня Лена Абелева [А. А. Сарибан. Дневник (1973)].

(24) Худенький, маленький, с блестящими черными глазами, живой и, *как все евреи, очень музыкален* [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)].

В этих примерах находят подтверждения такие качества, как сообразительность, музыкальность, ум, осторожность.

Заключение

Изучение вербализации этнических стереотипов представляется важным в силу отражения ими некоторых аспектов национальных взаимоотношений. Предложенный в статье способ выделения стереотипных характеристик опирается на ат-

рибутивное прилагательное, сравнительную и обобщающую конструкцию. Именно эти диагностические контексты свидетельствуют о закреплении в языке некоторых устойчивых характеристик и являются языковыми маркерами этностереотипа.

Безусловно, стереотип – это чрезмерно упрощенный образ той или иной группы людей, что особенно заметно в обобщающих конструкциях.

По данным Национального корпуса русского языка стереотипные черты еврея связаны в первую очередь со свойствами характера и поведения представителей этой этнической общности, а также с типичным для них жизненным укладом, связанным с общинами и объединениями.

Восприятие евреев носителями русского языка по данным НКРЯ отличается амбивалентностью, связанной с четким противопоставлением двух номинаций – *еврей* и *жид*.

Примеры показывают, что в качестве наиболее важных признаков еврея выделяются *талантливость, скрытность, живучесть, некоторая суетливость и нервозность, желание спорить, неприятие тяжелого физического труда, состоятельность, ум. А умение торговаться* и при этом *скупость* отмечаются регулярно при сочетании со словом *жид*. Издавна представители этой этнической общности имели дело с деньгами, занимаясь ростовщичеством, торговлей, отсюда и традиционность мнения о евреях, как о скупых людях. Признаков, которые бы объединяли еврея и жида, не обнаружено. Возможно, это свидетельство разной стилистической окраски данных лексем.

Представления о внешности евреев (цвет кожи, глаз, волос, рост и т. п.) ограничиваются лишь типизацией смуглого цвета кожи и размера носа. Анализ выделенных нами языковых маркеров свидетельствует об отсутствии религиозных признаков среди стереотипных характеристик.

Список источников и литературы

1. Алпатов В. М. Что такое картины мира и как до них добраться? // Язык. Константы. Переменные : памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 11–21.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.
3. Добровольская В. Е. «Настоящие еврейские бабушки, гениальные еврейские дети и русские жены еврейских мужей»: стереотипы в характеристиках представителей другого этноса (еврей и русские) // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Ин-т славяновед. РАН, 2010. С. 240–253.
4. Ефремов В. А. Этнонимы и этнические стереотипы в русском языке XIX в. // Русский язык в глобальном и локальном измерениях / отв. ред. Т. А. Сироткина. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2018. С. 111–116.
5. *Краткий психологический словарь* / под общ. ред. А. В. Петрушевского и М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 408 с.
6. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 450–455.
7. Потапова О. В. Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Потапова Ольга Васильевна. Минск, 2005. 152 с.
8. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяновед. РАН. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2: Д - К (Крошки). С. 173–176.
9. Токарев Г. В. Основы лингвокультурологии. Тула: ТППО, 2020. 171 с.

10. Фролова О. Н. Национально-культурная специфика стереотипа (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Фролова Ольга Николаевна. Москва, 2009. 20 с.

References

1. Alpatov, VM 2014, 'Chto takoye kartiny mira i kak do nikh dobratsya? (What is the worldview and how to get to it?)', *Yazyk. Konstanty. Peremennyye : pamyati Aleksandra Evgenyevicha Kibrika* (Language. Constants. Variables. In memory of Alexander Evgenyevich Kibrick) Al-teyya publ, St. Petersburg, pp. 11–21. (In Russ.)
2. Kuznetsov, SA (ed.) 2004, *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Dobrovolskaya, VE 2010, '«Nastoyashchiye yevreyskiye babushki, genialnyye yevreyskiye deti i russkiye zheny yevreyskikh muzhey»: stereotipy v kharakteristikakh predstaviteley drugogo etnosa (yevrei i russkiye)' (Real Jewish grandmothers, genius Jewish children and Russian wives of Jewish husbands": stereotypes in the characteristics of representatives of another ethnicity (Jews and Russians)), *Dialog pokoleniy v slavyanskoy i yevreyskoy kulturnoy traditsii* (Intergenerational dialogue in Slavic and Jewish cultural tradition), In-t slavyanoved. RAN publ, Moscow, pp. 240–253. (In Russ.)
4. Efremov, VA 2018, *Etnonimy i etnicheskiye stereotipy v russkom yazyke XIX v.* (Ethnonyms and ethnic stereotypes in the Russian language of the 19th century), *Russkiy yazyk v globalnom i lokalnom izmereniyakh* (Russian language in global and local dimensions), ed. T. A. Sirotkina, Surgut. gos. ped. un-t publ, Surgut, pp. 111–116. (In Russ.)
5. Petrushevskiy, AV & Yaroshevskiy, MG (ed.) 2008, *Kratkiy psikhologicheskiy slovar* (A short psychological dictionary), Feniks publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
6. Krysin, LP 2003, *Etnostereotipy v sovremennom yazykovom soznanii: k postanovke problemy* (Ethnostereotypes in the modern linguistic consciousness: towards the formulation of the problem), *Filosofskiy i lingvokulturologicheskiye problemy tolerantnosti* (Philosophical and linguocultural problems of tolerance), eds. N. A. Kupina & M. B. Khomyakov, UrGU publ, Ekaterinburg, pp. 450–455. (In Russ.)
7. Potapova, OV 2005, *Yazykovyye etnicheskiye stereotipy i ikh predstavleniye v belorusskoy, russkoy i polskoy leksikografii XIX veka* (Linguistic ethnic stereotypes and their representation in the Belarusian, Russian and Polish lexicography of the 19th century), PhD thesis, Minsk. (In Russ.)
8. Tolstoy, NI (ed.) 1999, *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* (Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary), vol. 2, I In-t slavyanoved. RAN publ, Mezhdunar. otnosheniya publ, Moscow, pp. 173–176. (In Russ.)
9. Tokarev, GV 2020, *Osnovy lingvokulturologii* (Fundamentals of linguoculturology), TPPO publ, Tula (In Russ.)
10. Frolova, ON 2009, *Natsionalno-kulturnaya spetsifika stereotipa (na materiale nemetskogo yazyka)* (National and cultural specifics of stereotype (based on the material of the German language)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 117–128.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 117–128.

Научная статья

УДК 81'27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-117-128>

РОД И ОРДА КАК ФАКТОРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

**Марина Владимировна
Пименова**

Международный гуманитарный университет
им. П. П. Семенова–Тян-Шанского
Санкт-Петербург, Россия
MVPimenova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Аннотация. Цель статьи – описание этимологии слова *род* – репрезентанта изучаемого макроконцепта с учётом связи форм его репрезентации в разных языках и эволюции семантики репрезентанта с опорой на данные толковых словарей русского языка. Научная новизна принятого исследования состоит в анализе родственных слов из европейских языков, что позволяет отыскать семантические соответствия и закономерности, противоречащие культурным стереотипам и словарным установкам, сужающим взгляд на значения однокоренных слов в разных языках. Согласно исследованию О. Н. Трубочева, праформой слова *род* является *ord. Слова с этим корнем рассматриваются в русском, английском, немецком и латинском языках. Семантика производных репрезентанта макроконцепта *род* указывает на ассоциативную связь с: 1. Военным сословием; 2. Военной терминологией (*ordered his troops*); 3. Порядком и общественным управлением, юрисдикцией и юриспруденцией; 4. Архитектурой и строительством – типовыми проектами *ордера* (сохранилось выражение *получить ордер на квартиру*); 5. Пищей (в латинской и английской лингвокультурах); 6. Речью (языком); 7. Ткачеством (и прядением в русской лингвокультуре); 8. семьей, природой и народом (*родом*); 9. Началом (в речи – *родник* и в роду – *отроду*). 10. Землей в значении административного управления и местом рождения (*Родина*); 11. Способом определения географического положения на местности особыми приборами (*координатограф, координомер*). Латинское *ordo*, немецкое *Ordnung*, английское *order* – однокоренные со словом *род*, как и французские *ordener, ordoner, ordonner*, португальское и испанское *ordenar*, итальянское *ordinare*.

Ключевые слова: мотивирующие признаки, структура макроконцепта, лингвокультура, языковая картина мира, концептология.

Для цитирования: Пименова М. В. *Род и орда как факторы самоидентификации в лингвокультуре* // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 117–128. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-117-128>

Сведения об авторе: М. В. Пименова – доктор филологических наук, профессор, ректор Международного гуманитарного университета им. П. П. Семенова–Тян-Шанского, 199406, Россия, г. Санкт-Петербург, Малый пр. ВО, 63/14, стр. 1, к. 115.

© Пименова М. В., 2024

Scientific Article

UDC 81'27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-117-128>

FAMILY (ROD) AND HORDE (ORDA) AS FACTORS OF SELF-IDENTIFICATION IN LINGUOCULTURE

Marina V. Pimenova

International Humanitarian University
named after P. P. Semenov–Tyan-Shansky
St. Petersburg, Russia
MVPimenova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Abstract. The purpose of the article is to describe the etymology of the word *rod* (family) – a representative of the macroconcept under study, taking into account the connection between the forms of its representation in different languages and the evolution of the representative semantics, based on data from Russian language explanatory dictionaries. The scientific novelty of the undertaken research lies in the analysis of related words from European languages, which makes it possible to find semantic correspondences and patterns that contradict cultural stereotypes and dictionary attitudes that narrow the view of the meanings of cognate words in different languages. According to the study by O.N. Trubachev, the ancestral form of the word *rod* (family) is **ord*. The author analyses words with this root in Russian, English, German and Latin. The semantics of the *rod* macroconcept's derivatives indicates an associative connection with: 1. The military class; 2. Military terminology (*ordered his troops*); 3. Order and public administration, jurisdiction and jurisprudence; 4. Architecture and construction - standard projects of the *order* (the expression to obtain a warrant for an apartment has been preserved); 5. Food (in Latin and English linguocultures); 6. Speech (language); 7. Weaving (and spinning in Russian linguoculture); 8. Family, nature and people (clan); 9. Beginning (in speech - a spring and in a family - from birth). 10. Land in the meaning of administrative management and place of birth (Motherland); 11. A method of determining the geographical position on the ground using special devices (*coordinate recorder, coordinate meter*). Latin *ordo*, German *Órdnung*, English *order* are cognates with *rod* (family), as well as French *ordener, ordoner, ordonner*, Portuguese and Spanish *ordenar*, Italian *ordinare*.

Keywords: motivating signs, structure of the macroconcept, linguoculture, language worldview, conceptology.

For citation: Pimenova, MV 2024, 'Family (Rod) and Horde (Orda) as Factors of Self-identification in Linguoculture', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 117–128, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-117-128> (in Russ.)

Information about the Author: Marina V. Pimenova – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of International Humanitarian University named after P. P. Semenov–Tyan-Shansky, 115, building, VO, 63/14, Maliy pr., St. Petersburg, 199406, Russia.

© Pimenova M. V., 2024

Введение

Обращение к теме эволюции семантики слов сохраняет свою актуальность и сейчас, в особенности тех, которые представляют ключевые макроконцепты и концепты лингвокультуры. Цель работы – описать этимологию слова *род* – репрезентанта изучаемого макроконцепта, показав связь форм его репрезентации в разных языках, а также развитие семантики репрезентанта с опорой на данные толковых словарей русского языка.

История страны показательна в аспекте национального языка. Язык развивается во времени, слова в ходе семантических сдвигов меняют свои значения, отображая тенденции потерь и приобретений новых смыслов, наблюдаемых в аспекте ментальности народа. Под *ментальностью* понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [1, с. 15].

Обращение к теме эволюции макроконцепта *род* с позиций анализа развития семантики его репрезентанта привело к необходимости обращения к фактам из европейских языков. В этом состоит научная новизна проводимого исследования. В современной лингвистике на эту тему есть только авторские исследования [2–5].

Материалы и методы

В статье использован комплекс методов лингвистического анализа: дескриптивный и интерпретативный методы, сравнительно-исторический анализ этимологии слова – репрезентанта концепта *род*, метод концептуального анализа. Источниками определения мотивирующих и понятийных признаков концепта *род* стали словари не только русского языка, но и латинского, немецкого, английского языков.

Результаты

В русской лингвокультуре существует ряд базовых концептов и макроконцептов, которые являются ключевыми для русского народа. Ключевой концепт (макроконцепт) выступает фактом культурного наследия, через него возможно увидеть значимые признаки национальной идентичности человека. Род – одна из основных форм общественной организации; группа людей, имеющих одного предка. Эта форма отношений между людьми, которая в разных языках называется по-разному: *род*, *клан*, *жуз*, *тайп* / *тейп* (англ. *tape*), *линидж* (англ. *lineage*), *сеок* (алт., хак., шор. *сёок*; кирг., тув. *сөөк* – род по мужской линии) и т. д. Род – это система кровных родственников по отцовской или материнской линии. У рода есть «инвариантные признаки: экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок, символы единства» [6, с. 321]. Как представлен макроконцепт *род* в русской лингвокультуре? Остановимся на этом вопросе подробнее.

В русском языке сохранились выражения, в которых мы видим различие между словами *род* и *племя*¹: *какого ты роду-племени* означает «из какой семьи», *без роду и племени* или *без роду, без племени* – «неизвестного происхождения, без родственных связей». В русских былинах эти выражения встречаются часто с разными вариациями². Обратим внимание на слова, взаимозаменяемые в контекстах былин – *орда* и *Литва*. Однако орда, как известно, это восточные земли, а не западные! Вернемся к этому вопросу позже.

По месту проживания определялось племя, а по имени – род героя. В народном эпосе, в былинной картине мира важно «получение сведений об имени, отчестве и родине героя, определяющих его принадлежность к своему или чужому миру» [7, с. 298].

Обсуждение результатов

Вопросы национальной идентичности занимают умы общественности на переломе времён. «Нация есть исторически сложившаяся общность людей, возникшая

на базе единства языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в культуре» [9, с. 6]. Обратимся к слову *род* и его этимологии.

О. Н. Трубачев выстраивает цепочку семантических связей: ст.-слав. *rodъ* «происхождение, род» состоит в очевидном родстве с формами: ср.-в.-нем. *art* «происхождение, род», нем. *art* «вид, способ»; арм. *ordi* «сын», санскр. *rādhnōti* «выполняет, совершает» < *erdh, *ordh-, *redh, *rodh-; ср. также арм. *urja* (< i *ordyu : *ordi*) «пасынок». Сюда же относится хеттск. *fyardu*- ср. р. «правнук, потомок» и хеттск. иероглифич. *hartu*- «праправнук», возможно, из и.-е. *gordho- [10, с. 205]. В русском языке *род* ассоциируется с семьёй, природой, народом и Родиной – землёй, местом, где родился человек. В этот же ряд встраиваются слова: *отроду* «от рождения», «с начала жизни», *родник* «водный источник, бьющий из земли», *родничок* «место на макушке новорождённого».

Стереотипы, сформированные в сознании современников, не позволяют увидеть факты языка в аспекте этимологии. О. Н. Трубачев, разбирая этимологию слова *род*, указывает на индоевропейскую форму *-ord-*, которая «в итоге славянской метатезы» [10, с. 205] приводит к известному нам слову. Вернёмся к заданному выше вопросу. В литовском языке слово *orda* переводится как «орда». В других европейских языках распространены слова с корнем *ord-*, относящихся к теме рождения, рода. В латинском языке отмечен ряд слов с корнем *ord / ort*: *ortus* «место или родом из места»; *ortus* «рождение; происхождение на свет»; *oriundus ex Etruscis* «из этрусков» [11, с. 327], *ortus* «1. восхождение, восход; 2. восток; 3. а) происхождение, начало; б) происхождение, рождение» [12, с. 386]. Топонимы и этнонимы хранят в себе эти корни: *Ortōna* – город в средней Италии в области Френтанов. *Ortygia* – 1) остров, составляющий часть города Сиракуз; 2) древнее название острова Делос [12, с. 386]. На британских островах существует племя *ордовиков*: «*ordovicēs* ордовики, племя в северной части нынешнего Уэльса, против острова Мона (ныне Anglesey)» [13, с. 711]. В русском языке известно слово *орда*: для носителей языка *род* и *орда* в наши дни уже не связаны друг с другом: этому мешают сложившиеся стереотипы.

Согласно «этимологическим словарям слово *орда* пришло в русский язык из тюркских. Первоначально его значениями были: 1. Беспорядок, шум. 2. Стан, кочевье. 3. Дворец / шатер хана/ султана. 4. Военный лагерь» [2, с. 199]. В русских былинах слово *орда* упоминается часто в значении «земля, страна вообще»: «*Ты откудошний дородный добрый молодец, ты с какой земли да из какой орды*» (Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник). В былинах слова *орда* и *земля* поясняют друг друга: «*И не матушка ли орда подымалася, Мать сыра земля от войска потрясалася...*» (Мамаево побоище).

О каких стереотипах мы говорим? Для нас Орда – это восточные земли, слово *орда* тесно связано с термином *татаро-монгольское иго*³. Однако в былинах словом *орда* описываются иные территориальные ориентиры: «*А и едем мы из дальней Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...*» (Про Ставра-боярина). Восточных правителей не называют королями, а имя Етмануйла Етмануйловича (?Иммануил Иммануилович) подкрепляет это утверждение. Еще один контекст прямо указывает на западные земли и называет Литву *темной ордой*, правителем которой так же является король, которому платили дань: «*А кого бы мне послать повыехать Да во тую ли во землю да во дальнюю, да во тую ль во орду во темную, Во темную орду да в хоробру Литву, Ко тому ли к королю литовскому, Ко тому ли к Ботияну к Ботиянову, – А свезти-то дани ему, выходы...*» (Добрыня и Василий Казимирович. Добрыня в отъезде).

Три части мира – Европа, Азия и Африка – ранее относились к Старому Свету. В Старом Свете первоначально существовала традиция называть объединения людей под общим началом не государствами, а *землями*. Русь называли *Русской землей*. В Герма-

нии и сейчас принято административное деление на земли⁴. Евразия представлена землями⁵. На этом основании можно сделать вывод: Старый Свет имел собственное общее административное управление – землями. Напомним, по-немецки *Ordnung* «порядок», по-английски *order* «порядок» (корень *ord*). В русских былинах земли-страны называются *ордами*⁶.

Научная терминология – ещё один пласт, в котором оставили следы слова с корнем *ord*. В русском языке это термины, используемые для точного определения местоположения как в пространстве, так и на географической карте. Из математики всем известна *система координат*, *ордината* в геометрии – это вертикальная ось в этой системе, в географии *координаты* – это широта и долгота, в астрономии *координатами* называются величины, служащие для определения тела в небесной сфере и т. д. Используются приборы для таких измерений: *координатограф* «прибор для нанесения на составляемую карту или план точек по их прямоугольным или полярным координатам», *координатомер* «прибор для измерения прямоугольных координат точек (ориентиров, целей и т. д.)», *координатор* «прибор, автоматически указывающий лётчику местонахождение (*координаты*)» [15, с. 259].

Крестоносцы – воинский – рыцарский – *орден* (корень *ord*). *Орден* – это военно-монашеские организации европейских рыцарей в период крестовых походов в XI – XIII вв. Тевтонский орден, разбитый Александром Невским, совместно с Ливонским орденом в XIII – XIV веках постоянно воевал с Литвой, Польшей и Северо-Западной Русью. Рыцарские ордена характеризуются как дисциплинированные, имеющие строгую иерархию воинские соединения, воевавшие, в том числе, и за гроб Господень. *Орден* рыцарей – военный термин, дополняемый еще рядом однокоренных слов, связанных с военным поприщем: *ордена* – это награды за особые заслуги (первоначально – на военном поприще); *ординарец* – военный служащий, состоящий при командире для служебных поручений, для передачи приказаний; второе слово: *координация* – согласование, упорядочивание.

В современном русском языке у слова *орда* есть значения, либо не раскрывающие полно, либо дополняющие то, о чём сказано выше⁷. Выражением *фашистские орды* прямо указывается на западные страны, находящиеся в Европе. Хотя обычно упоминают метафорическое значение этого выражения. «Значения “государство” и “земля”, обнаруженные посредством контекстов из былин, в словарях русского языка не упоминаются вовсе» [2, с. 200]. «Европейский след», обнаруженный в семантике слова *орда* позволяет обратиться к языкам этих земель.

В английском языке соответствующих слов с таким корнем несколько: *order* «заказ», «порядок», «орден» (ср. так же: *in order that; in order to*), *ordinance*, *ordnance* – оба слова переводятся как «постановление», но первое означает «закон, установленный государственным органом», а второе – военный термин со значением «акт организации», оба слова восходят к среднефранцузскому *ordenance*. Есть два омофона: *hoard*, *horde* [16, р. 388–389, 393], первый из которых используется в выражениях, переводимых: *hoards of local golfers* «клады местных игроков в гольф», *hoards of warriors* «клады воинов» [там же], где глагол *hoard* букв. «копить».

В отечественных энциклопедиях можно отыскать еще одно значение, «пропущенное» в словарях русского языка – «ранняя форма организации общества»: «1) у тюркских и монгольских народов первоначально военно-административная организация, затем становище кочевников, в Средние века – ставка правителя государства. 2) Устаревший термин, обозначающий самую раннюю форму организации общества (“первобытное человеческое стадо”). 3) В обиходном значении – многочисленное неорганизованное скопище людей» [18]. Два значения слова *орда*: «1. ранняя форма организации общества (“первобытное человеческое стадо”). 2. Вражеское войско; полчище» имеют явно выраженную негативную коннотацию. А

это говорит о появлении ироничного компонента в структуре соответствующего концепта. В английском языке слово *Horde* означает «орда, большое скопление людей / животных / насекомых; полчище; банда, шайка». Ср. английские выражения: *motley horde* «всякий сброд»; где *motley* брит. |ˈmɒtli| «пестрый, разноцветный, по-пурри, шутовской костюм»; *horde of monkeys* «стая обезьян»; *primal horde stage* «первичная стадия организации семьи; орда»; *primal horde* «первобытная орда». В латинском языке есть слово *hordearius*, а, um [*ordeum* = *hordeum* «ячмень»], имеющее несколько значений: 1) ячменный; *aes hordearium* «ячменный» налог (годовой налог, который взимался с незамужних женщин в фонд содержания конского состава римской армии; тж. деньги, которые получал каждый всадник на содержание лошади) (*equus publicus*); 2) поспевающий вместе с ячменём; 3) питающийся ячменём (*gladiatores PM*) [13, с. 711]. Ячмень обыкновенный по-латыни *Hordeum vulgare*. Ячменный хлеб – жёсткий и тяжёлый; считается более здоровым. Ранее составлял обыкновенную пищу для простого народа. В России из ячменя делают такие виды круп, как перловка, голландка и ячневая. Традиционное название высококачественного оливкового масла (из лучших маслин): *oleum ordinarium* [13, с. 711].

Слова с корнем *ord* латинского языка противоречат семантике русского слова *орда* в «Словаре русского языка»: «Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л.»³: *ordinatim* adv. «по порядку, один за другим»; *ordo*, inis m «ряд, строй, порядок» [19]; *ordinātē* [*ordinatus*] «в надлежащем порядке, правильно» [20]. Порядок связан с управлением, порядком, распределением, устройством: *ordinātīm*⁸, *ōrdino*⁹, *ōrdinātor*, *ōrdinātrīx*¹⁰, *consul ordinārius*¹¹. Часть слов латинского и английского языков с корнем *ord*: *ordo*¹², указывает на военную терминологию [20]; *ordnance* «установленные ружья, пушки», *Army Ordnance* «армейский департамент, ранее обладающий более широкими полномочиями», *ordnance survey* «обследование», *Government survey of Great Britain & Ireland* «правительственное обследование Великобритании и Ирландии» [16, p. 575].

Если затронуть вопрос о других европейских языках, то здесь мы сталкиваемся с основополагающими смыслами других лингвокультур: ключевой концепт немецкой ментальности *Ordnung* соотносится со словом *орда*. Слово *Ordnung* – репрезентант концепта – означает «1. порядок; распорядок (дня); 2. (общественный) строй; устройство, система; 3. устав, положение; правила, порядок» [21, с. 109]. Соответствующий концепт включает в свою базовую часть такие признаки, как «Disziplin (дисциплина), Gesetz (закон), Regeln (правило), Reihenfolge (последовательность)» [22, с. 231].

Военные – это особый вид сообщества людей, которые с давних времен выделяются в особое сословие. В Индии – это кшатрии – особая каста. В русской лингвокультуре *орда* – это казаческое войско: *казаки*. Ср. в латинском языке: *ordo*, inis m «сословие» [13, с. 711; 19], «разряд – сословие»: *ordo humilis* «низкий разряд»; *ordo scribarum* «сословие писцов»; *ordo equester* «сословие воинов-всадников», *plebejus*; *ordo amplissimus* = *ordo senatorius* «самый крупный разряд = сенаторы» [12, с. 25]. В Риме высшим органом государственной власти был сенат (лат. *senatus*, от *senex* «старик», «совет старейшин»). Слова с корнем *ord* служили для обозначения места в социальной иерархии: *ordinatio*, onis. «определение, назначение»; *ordo*, inis «чин, звание» [12, с. 25].

Слова с корнем *ord* отмечены в разных языках со значением форм юрисдикции или юриспруденции. В Средневековье в судебном процессе существовала практика выяснения правоты или виновности обвиняемых путем суда божьего, называемого на латыни *ordalia*, заключающегося в испытании огнём, водой и пр. В английском языке *the ordinarieness* означает «архиепископ в провинции, епископ в епархии», *Lord ordinarieness* (шотл.) – один из пять судей Сессионного суда, состав-

ляющих Внешнюю палату – *ordinariness*: это одна из двух частей Сессионного суда Шотландии, который является высшим гражданским судом Шотландии; это суд первой инстанции [16, p. 575]. В русском языке с процессом юрисдикции связано выражение *ордер на арест*.

Фактом, вызывающим интерес, является особый порядок в театре, связанный с посещением всадников, – для них были специально устроенные места. Латинское *ordo*, *īnis*. означает «ряд»; *arborum, remorum*; «ряд скамей в театре»: *sedere in quatuordecim (ordinibus)* = «сидеть в местах, назначенных для всадников» – «быть всадником»; в языке военных «линия, строй» [12, с. 25].

В отечественной архитектуре встречается термин *ордер*, характеризующий греческий (античный) стиль. Ордерная система имеет разновидности: *дорический ордер*, *ионический*, *коринфский*, различавшиеся пропорциями в размерах и декором. Несущие и несомые части в любом строении, созданном в дорическом ордере, ионическом или коринфском: цоколь по периметру храма, колонны – несущая часть; антаблемент – перекрытие из архитрава (балки, лежащей на колоннах)¹³, фриза – часть несомая. Архитектурный *ордер* (лат. *ordo* «строй, порядок») – своеобразный тип архитектурной композиции, в котором есть определённые элементы и особая архитектурно-стилевая обработка. Здания этого архитектурного стиля находятся в странах по всему земному шару. Судя по всему, архитектурный *ордер* – пример типового строительного проекта¹⁴. Есть ряд латинских слов и выражений с семантикой строительства с корнем *ord*, где содержится указание на нормативы: *lapis ordinarius* «ординарная каменная кладка, при которой верхний слой закрывает пазы нижнего»; 2) соответствующий обычным правилам, обычный, надлежащий, нормальный [13, с. 711]. В Советском Союзе граждане получали *ордер на квартиру*.

Другая часть слов латинского языка показывает семантику говорения и общения, а также значения ткачества: *ordior*¹⁵, *orsus sum*, *ordiri* – начинать(ся); говорить, обращаться; навивать основу (ткацк.) [19]; *oratio ordinaria* – правильно построенная речь; ср.: *jugum* – навой (в ткацком станке) (*tela jugo vincire*) [13, с. 711]. Язык объединяет род и племя – народ. Ткачество – традиционный вид женского труда: богиня-пряжа в русской лингвокультуре – Макошь (Мокошь) – хранительница рода.

Круг ассоциаций замыкают два слова, показывающих начало и конец развития семантики слов с корнем *ord / rod* в латинском языке: *ordior*, *orsus* s. 1) начинать [12, с. 25]. Глагол *rodo* с корнем *rod* в латинском языке не входит в тематическую группу «род, семья», но показателен с позиций достижения апогея развития концептуальной структуры – на это указывают признаки обесценивая того, что ранее было весьма ценным: *rodo*, *si*, *sum*. 1) грызть, глодать, обгрызть, *reliquias cibi, vitem; rodo unguis*; 2) умалывать, унижать, злословить, *rodo aliquem* [12, с. 483]. Ср. также латинское существительное *jugum*¹⁶ (слово *уго* пришло в русский язык из латыни).

Заключение

Анализ слов с корнем *ord / ord / ortrod* в разных языках позволил выявить несколько важных аспектов, их объединяющих. 1. Они означают порядок, управление, общественное устройство: сфера юрисдикции и юриспруденции обозначена словами с корнем *ord* в латинском, английском и русском языках. 2. Их семантика прямо указывает на военное сословие¹⁷. 3. Такие слова прямо указывают на отношение к военной терминологии (*орда*, *ординарец*, *координация*). 4. Строительный термин – *ордер*, вошедший во все культуры европейских государств, показывает сильнейшее влияние на архитектуру этих стран со стороны языка-источника. 5. Основная пища обычных людей на латыни называлась *hordearius* «ячмень», в Англии *ordinariness* «общественная еда предоставляется в таверне в фиксированное время и по фиксированной цене». 6. Глаголы говорения, речи указывают на родственные связи языков. 7. Ткачество – сам процесс, приборы и продукты производства (которое в рус-

ской лингвокультуре ассоциируется с жизнью и судьбой: *нить жизни, жизнь оборвалась, наши судьбы переплелись* и т.д.). 8. Семья, природа и народ (родом). 9. Земля как способ административного управления и место рождения (*Родина, Орда*). 10. Начало, источник – в речи и роду (*родничок, отроду*). 11. Способ определения географического положения на местности и соответствующие приборы (*координата, координатор*).

Как видим, только при первом соприкосновении с темой семантики слов *род* и *орда* сталкиваются две позиции: историческая и идеологическая, которые неотделимы друг от друга. Перспективой развития рассмотренной темы может стать историко-лингвистическое исследование *Рода* и *Орды* в аспекте развития их концептуальных структур и поиска других соответствий в разных языках (ср. французские *ordener, ordoner, ordonner*, португальское и испанское *ordenar*, итальянское *ordinare*).

Примечания

1. Племенем называется: 1. сообщество из нескольких родов людей, которые имеют общий язык, живут совместно на какой-либо территории и т. п. 2. Племенем называют народность, в которую люди объединены общим происхождением и языком. Славянское племя. | Цыганское племя. [8, с. 879].

2. Вопрос:

Откудова (откул-ь/-ешн-и(-ой), удал-ый/-енькой (дородный) добрый молодец? / Ты (вы) ко(е/ё)й (какой) земли [да ты] ко(е/ё)й орды (Литвы) / какого города? / Ты чьего роду (и чьего) племени?

Ты чьего (какого / коего) отца да чьей (какой) мат-ер/-ушк-и?

Ответ:

(Родом) есть я (мы) из города (земли) [название города],

Из того села [название села]

(Есть я/ а зовут меня) [имя, отчество].

3. Об истории этого термина пишет историк В. И. Таланин: «Этот термин тоже является “кабинетным”, поскольку современники его не использовали. Впервые он был употреблён применительно именно к власти Орды над Русью в виде *jugum barbarum* или *jugum servitutis* поляками Я. Длугошем (1479) и М. Меховским (1517). В своём почти классическом виде – *jugum tartaricum* или *jugo Tartarico* – его использовал (1577) Д. Принз фон Бухау (Daniel Prinz von Buchau, 1546 – 1608): советник Императорского Апелляционного Суда в Чехии, двукратный чрезвычайный посол “империи Запада” в Москву [1576, 1578]. Он составил отчёт о своём первом московском посольстве уже в 1577 г. по личному указанию Максимилиана II, короля Германии [1562 – 1576] и “императора Запада” [1564 – 1576]; поскольку принимал этот отчёт его сын – Рудольф II, король Германии [1575 – 1612] и “император Запада” [1576 – 1612], который затем послал его во второе посольство, то отчёт удовлетворил нового монарха. В печатном виде – в виде книги – отчёт Принза был издан в Силезии (1668) и очень скоро переиздан (1679, 1681, 1687). После этого этот термин начинает употребляться в сочинениях различных западных историков. На русском языке термин “татарское иго” был впервые опубликован в “Киевском Синописе” (1674), а именно в одном из списков “Сказания о Мамаевом побоище” (ок. 1521); в этом виде его использовал г-н Карамзин. Форму “монголо-татарское иго” впервые применил (1817) немецкий историк Ф.К.Х. Крузе (1790 – 1866). От него термин заимствовали гг. Соловьёв и Ключевский» [14, с. 195].

4. Современная Федеративная Республика Германия состоит из 16 земель (в скобках указаны их столицы): Бавария (Мюнхен); Баден – Вюртенберг (Штутгарт); Берлин; Бранденбург (Потсдам); Бремен; Гамбург; Гессен (Висбаден); Мекленбург – Передняя Померания (Шверин); Нижняя Саксония (Ганновер); Рейн-ланд-Пфальц (Майнц); Саар (Саарбрюккен); Саксония (Дрезден); Саксония-Ангальт (Магдебург); Северный Рейн – Вестфалия (Дюссельдорф); Тюрингия (Эрфурт); Шлейвиг-Гольштейн (Киль); Берлин, Бремен и Гамбург – это города-земли.

5. Евразийцы обострили формулировку; и вновь «увиденному» материку дали имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель Старого Света, к старым «Европе» и «Азии» в их совокупности. Россия занимает основное пространство земель «Евразии». Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916 – 1968).

6. Ср. вариации обращения в русских былинах: Откудова (откул-ь/-ешн-и(-ой), удал-ый/-енькой (дородный) добрый молодец? / Ты (вы) ко(е/ё)й (какой) земли [да ты] ко(е/ё)й орды (Литвы) / какого города?. «А и едем мы из дальней Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...» (Про Ставра-боярина).
7. Орда-ы́, мн. о́рды, ж. 1. ист. Название крупных тюркских и монгольских феодальных государств в эпоху средневековья, а также ставка, местопребывание их правителей. Золотая орда. Крымская орда. || Название союзов кочевых племен. 2. перен.; с определением. пренебр. Вражеское войско; полчище. Фашистские орды. 3. перен.; кого или какая. разг. Многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л. [17, с. 638].
8. *ordinātīm* [ordo] в должном порядке, по порядку, последовательно, правильно, как следует Cs etc.; *ordinātio*, *ōnis* f. [*ordino*] 1) распределение, приведение в порядок, упорядочение, устройство, организация (*vitae PJ*) *ordinātio orientis Su* «управление восточными странами»; 2) определение, распоряжение, назначение; *ordinatione praeficere aliquem Aegyptō Su* «возложить на кого-л. управление Египтом»; 3) порядок, упорядоченность (*mundus est ornata ordinātio Ap*) [13, с. 711].
9. *ōrdino*, *āvī*, *ātum*, *āre* [*ordo*]: 1) располагать в порядке, приводить в порядок (*arbusta sulcis H; affluentes annos H*); правильно распределять (*partes orationis C*); выстраивать (*agmina H*); 2) устраивать, возбуждать (*litem Dig*)
- 3) рассматривать или рассказывать по порядку (*res publicas H*); 4) управлять (*statum liberarum civitatum PJ*); руководить (*ōrdino studia alicujus Pt*); назначать (*magistratūs Su*); распределять (*praefecturas Just*); 5) составлять (*testamentum Sen, Dig*) [13, с. 711].
10. *ordinātor*, *ōris* m. [*ordino*] приводящий в порядок, устроитель (*rerum Ap*); организатор (*litis Sen*); *ordinātrix*, *īcis* f. устроительница (*mens ordinātrix rerum omnium Aug*) [13, с. 711].
11. *consul ordinārius* L консул, избранный в обычном порядке (т. е. до наступления года) [Дворецкий 1976, с. 711].
12. *ordo*, *inis* m 1) ряд (*ordine* «по порядку, как следует»; *ex ordine* «по порядку, по очереди»); 2) тотчас (*in ordinem* или *in ordine* «по порядку, по очереди»; *nullo ordine* «без всякого порядка»; *extra ordinem* «необыкновенно, чрезвычайно, против всякого порядка, против обыкновения, против обычая»); 3) слой, пласт; 4) ряд скамей или сидений; 5) воен. линия, шеренга; 6) отряд, центурия (*ordinem ducere* «вести центурию, командовать центурией, служить или быть центурионом»; *alqm in ordinem cogere* «заставить кого-либо стать в строй»); 7) центурион; 8) унижать достоинство, унижать, обижать; 9) разряд, сословие (*ordo equester* «всадническое сословие»; *ordo pedester* «класс граждан, которые служат в пехоте»); 10) разряд, класс, звание; 11) порядок, надлежащая последовательность, правильный ход, движение, правильное устройство (*res in ordinem adducere* или *redigere* «привести дела в порядок»; *ordines temporum explicare* «излагать события в хронологическом порядке»); 12) биол. отряд [20].
13. Ср. лат.: *jugum* «поперечина, переключина, поперечный брус» [13, с. 711]. Слово *иго* латинского происхождения, и у этого слова отмечена архитектурная семантика. У этого же слова есть значение «иго (воротца из двух вертикальных копий, воткнутых в землю, и одного горизонтального, под которым римляне заставляли пройти побеждённых в знак их покорности) (*sub jugum* или *sub jugo mittere* C, L etc. и *sub jugo abire* L)» [Там же].
14. В советском строительстве существовал термин *типовой проект*. Типовое проектирование – это разработка проектов зданий, конструкций, предназначенных для многократного строительства. Типовой проект одобрен государственными структурами и широко используется в рамках государства.
15. *ōrdior*, *ōrsus* sum, *īrī* depon. 1) ткацк. навивать основу (*Parca, quae hominis vitam ordiatur* Lact) или ткать (*araneus orditur telas* PM); 2) а) начинать (*opus, bellum* L; *sermonem* C): *initium alicujus rei ōrdior* C положить начало чему-л.; *ōrdior aliquem* Nep начать говорить о ком-л. (дать чьё-л. жизнеописание); *commodum dominari orso* Ap как только (Поликрат) воцарился; б) начинать говорить, приступать к рассказу: *ōrdior ab aliquā re* C, L etc. исходить из (начинать с) чего-л.; *unde igitur ordiar?* C с чего же мне начать?; *tum Aenēas sic orsus est* V тогда Эней начал так; 3) говорить, обращаться (*alicui* O); 4) начинаться (*oratio orsa est* C) [13, с. 711].
16. *jugum* *ī* n. [одного корня с *jungo*]: 1) ярмо (*juga imponere bubus* C); хомут (*demere juga equis* O); 2) парная запряжка, пара (волов, лошадей) (*multis jugis arare* C); пара, парочка (*jugum impiorum* C; *jugum aquilarum* PM); 3) чета, супруги (*par jugum* M) [13, с. 711].
17. Ср. также: в английском языке *Cossack* означает «казак»: форма *kazak* из тюркских языков, означает «бродяга, кочевник» ('*vagabond, nomad*'), это форма появилась позже под влиянием французского языка. А мы это слово знаем в значении «конный воин». То есть в русском, латинском, немецком и английском языках значения слов и соответствующих выражений отображают идеологию определенного исторического времени: у выражения *рыцарский орден* отрицательных коннотаций нет, а *казак* с позиций англичан – это бродяга, а не такой же воин, как и рыцарь: цели у казаков и рыцарей разнятся. Еще одна ремарка: исторически казахи себя называли *алашами*. *Алаш* – это воин-всадник;

Алаш Орда – конный отряд, крыло войска, эскадрон. Сейчас этот термин используют зарубежные организации и движения, пропагандирующие экстремизм.

Список источников и литературы

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.
2. Пименова М. В. Процесс семантического развития слова *орда* // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию создания Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимована АН Республики Татарстан (10–11 сентября 2019 г.). Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 198–201.
3. Пименова М. В. Символический макроконцепт *Род* в русской лингвокультуре // Общество, язык и культура XXI века : сб. науч. ст. к 25-летию юбилею Кыргызско-Турецкого ун-та «Манас» / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб.; Бишкек, 2021. Вып. 20. С. 37–46.
4. Пименова М. В. Особенности структуры символического макроконцепта *Род* // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Сер.: Филология. 2021. № 2. С. 37–44.
5. Пименова М. В. Структурные изменения макроконцепта *Род* в русской лингвокультуре // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 5. С. 113–127.
6. Попов В. А. Концепты *Род* и *Родовая организация*: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 230–242.
7. Черноусова И. П. Концепт знакомство в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 297–306.
8. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ : Астрель, 2003. 1582 с.
9. Спицына Т. А. Национальная идентичность в контексте социокультурного кризиса в России: конец XIX – начало XX века : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Спицына Татьяна Вячеславовна. М., 2005. 146 с.
10. Трубочев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 800 с.
11. Мусселиус В. Русско-латинский словарь. СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1891. 433 с.
12. Шульц Г. Латинско-русский словарь, приспособленный к гимназическому курсу. 12-е изд. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. 606 с.
13. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
14. Таланин В. И. История. Т. 3: Русская история до конца XVIII в. Мировая история до конца XVIII в. Иркутск: Репроцентр А1, 2021. 1183 с.
15. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф. Н. Петров. М.: Рус. яз., 1980. 624 с.
16. Fowler H. W., Fowler F. G. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford: Clarendon Press, 1919. 1084 p.
17. Словарь современного русского языка / под ред. А. Е. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1987. Т. 2: К - О. 736 с.
18. Орда // Большой энцикл. словарь : электрон. издан. URL: <https://gufo.me/dict/bes/ОРДА> (дата обращения: 24.01.2024). Доступ на сайте Gufo.me.
19. Аракин В. Латинско-русский словарь : [электрон. изд.] // 6lib.ru : электрон. б-ка. URL: http://www.6lib.ru/books/latinsko_russkii_slovar_-22820.html (дата обращения: 24.01.2024).
20. Латинско-русский онлайн словарь // Classes.ru : сайт. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian1-term-15724.htm> (дата обращения: 24.01.2024).
21. Газина Э. А. Немецко-русский словарь. Москва: АСТ, 2013. 190 с.
22. Тахтарова С. С. Концепт «*Ordnung*» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 3. С. 229–234.

References

1. Kolesov, VV 2000, *'Drevnyaya Rus': naslediyе v slove. Mir cheloveka* (Ancient Rus': heritage in words. Human world), Filologicheskiy fakultet SPbGU publ, St. Petersburg. (In Russ.)
2. Pimenova, MV 2019, 'Protsess semanticheskogo razvitiya slova orda' (The process of semantic development of the word 'horde') in *Tyurkskoye yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 80-letiyu sozdaniya In-ta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova AN Respubliki Tatarstan* (Turkic linguistics in the 21st century: lexicology and lexicography. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the creation of the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan), 10-11 September, IYaLI publ, Kazan. (In Russ.)
3. Pimenova, MV 2021, 'Simvolicheskiy makrokontsept Rod v russkoy lingvokulture' (Symbolic macro-concept *Rod* (family) in Russian linguistic culture) in *Obshchestvo, yazyk i kultura XXI veka* (Society, language and culture of the 21st century), ed. M.V. Pimenova, no. 20, pp. 37-46, St. Petersburg, Bishkek. (In Russ.)
4. Pimenova, MV 2021, 'Osobennosti struktury simvolicheskogo makrokontseptta Rod' (Features of the structure of the symbolic macroconcept *Rod*) in *Bulletin of the Kokshetau University Sh.Ualikhanov. Philological Series*, no. 2, pp. 37-44. (In Russ.)
5. Pimenova, MV 2022, 'Strukturnyye izmeneniya makrokontseptta Rod v russkoy lingvokulture' (Structural changes of the "Genus" macroconcept in Russian linguoculture) in *Pedagogy: history, prospects*, vol. 5, no.5, pp. 113-127 (In Russ.)
6. Popov, VA 2020, 'Kontsepty Rod i Rodovaya organizatsiya: opyt pereosmysleniya definitsiy' (The concepts of 'Clan' and 'Clan organization': rethinking definitions) in *Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 230-242 (In Russ.)
7. Chernousova, IP 2014, 'Kontsept znakomstvo v folklorno-yazykovoy kartine mira (na materiale epicheskikh zhanrov)' ('Acquaintance' concept in folklore-linguistic world image (based on epic genres)) in *Izvestiya Tula State University*, no. 3, pp. 297-306. (In Russ.)
8. Dmitriyev, DV 2003, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), AST publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
9. Spitsyna, TA 2005, *Natsionalnaya identichnost v kontekste sotsiokulturnogo krizisa v Rossii: konets XIX – nachalo XX veka* (National identity in the context of the sociocultural crisis in Russia: the end of the 19th – the beginning of the 20th century), PhD thesis, Belgorod State University, Moscow. (In Russ.)
10. Trubachyov, ON 2008, *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kultura* (Works on Etymology: Word. History. Culture.), vol. 3, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi publ, Moscow. (In Russ.)
11. Musselius, V 1891, *Russko-latinskiy slovar* (Russian-Latin dictionary), Izd. K. L. Rikera publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Schultz, G 1912, *Latinsko-russkiy slovar, prisposoblennyy k gimnazicheskomu kursu* (Latin-Russian dictionary adapted for the preparatory high school course), Tip. Trenke i Fyusno publ, St. Petersburg. (In Russ.)
13. Dvoretzky, IKh 1976, *Latinsko-russkiy slovar* (Latin-Russian dictionary), Rus. yaz. publ, Moscow. (In Russ.)
14. Talanin, VI 2021, *Istoriya* (History), vol. 3, *Russkaya istoriya do kontsa XVIII v. Mirovaya istoriya do kontsa XVIII v.* (Russian history until the end of the 18th century. World history until the end of the 18th century), Reprotsenter A1 publ, Irkutsk. (In Russ.)
15. Petrov, FN (ed.) 1980, *Slovar inostrannykh slov* (Dictionary of foreign words), Rus. yaz. publ, Moscow. (In Russ.)
16. Fowler, HW & Fowler, FG 1919, *The Concise Oxford Dictionary of Current English*, Clarendon Press publ, Oxford.
17. Evgenyeva, AE (ed.) 1987, *Slovar sovremennogo russkogo yazyka* (Dictionary of modern Russian language), vol. 2, K-O, Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
18. 'Orda' (Horde), *Bolshoy entsikl. slovar* (The Large Encyclical Dictionary), viewed 24 January 2024, <https://gufo.me/dict/bes/ORDA> (In Russ.)

19. Arakin, VD 1962, *Latinsko-russkiy slovar* (Latin-Russian dictionary), viewed 24 January 2024, http://www.6lib.ru/books/latinsko_russkii_slovar_-22820.html (In Russ.)
20. *Latinsko-russkiy onlayn slovar* (Latin-Russian online dictionary), viewed 24 January 2024, <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian1-term-15724.htm>. (In Russ.)
21. Gazina, EA (ed.) 2013, *Nemetsko-russkiy slovar* (German-Russian dictionary), AST publ, Moscow. (In Russ.)
22. Takhtarova, SS 2009, 'Kontsept «Ordnung» kak kulturnaya dominanta v nemetskoj lingvokulture' (Concept of "Ordnung" as a cultural dominant in the German linguoculture) in *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, no. 3, pp. 229–234. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

ДВА «ВЕЧНЫХ» РУССКИХ ВОПРОСА КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ РУНЕТА

**Вероника Игоревна
Абрамова¹**

**Юлия Владимировна
Архангельская²**

---

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ istinijobraz@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

² archangelju@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Аннотация. Целью статьи является исследование двух крылатых фраз *кто виноват?* и *что делать?* как маркеров русской национальной идентичности и анализ их функционирования в сетевом фольклоре. Данные устойчивые фразы обычно сопровождаются словосочетаниями «русские вопросы» / «российские вопросы», которые поддерживают статус их использования в указанном значении. Прослеживается традиционализм (стабильность и преемственность во времени) в осмыслении и употреблении на протяжении полутора веков в русской речи обозначенных крылатизмов. Они отражают такие ментальные особенности русского национального характера, как созерцательность мышления, склонность к обсуждению философских вопросов, при этом инертность, пассивность и неготовность к конкретным практическим действиям, фатализм, устойчивые представления о том, что изменения жизни в лучшую сторону – дело высшей власти (царя, президента, государства), а не конкретного человека. Об этом свидетельствуют в том числе определения к существительному «вопросы», употребляемые в различных контекстах: «вечные», «извечные», «традиционные», «классические», «риторические», «проклятые». Все эти смыслы сохраняются при употреблении исследуемых крылатизмов в фольклоре Рунета. Анализируемые единицы функционируют преимущественно в таком жанре, как сетевой анекдот. При этом используются следующие модели построения анекдотов, содержащих вопросы *кто виноват?* и *что делать?*: 1) добавление ещё одного или двух вопросов; 2) добавление ответов; 3) соединение двух вопросов в один новый. Кроме того, при употреблении в анекдотах указанные крылатые единицы нередко подвергаются различным преобразованиям. Помимо анекдотов «вечные» русские вопросы могут использоваться и в других жанрах сетевого фольклора: в стихах-порошках, интернет-презентах, в том числе в мемах.

Ключевые слова: «вечные» русские вопросы, *кто виноват?* и *что делать?*, маркер, национальная идентичность.

Для цитирования: Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Два «вечных» русских вопроса как маркеры национальной идентичности и их функционирование в фольклоре Рунета // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 129–138. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

Сведения об авторах: В. И. Абрамова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Ю. В. Архангельская – доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Абрамова В. И., Архангельская Ю. В., 2024

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

TWO ETERNAL RUSSIAN QUESTIONS AS MARKERS OF NATIONAL IDENTITY AND THEIR FUNCTIONING IN THE RUSSIAN INTERNET FOLKLORE

*Veronika I. Abramova*¹

*Yuliya V. Arkhangelskaya*²

---

^{1,2}Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

¹ istinijobraz@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

² archangelju@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Abstract. The purpose of the article is to study two proverbial phrase: *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?) as markers of the Russian national identity and analysis of their functioning in online folklore. These set expressions are usually accompanied by the phrase 'Russian issues', which support the status of their use in the indicated meaning. The authors point out the traditionalism (stability and continuity in time) in the comprehension and use of the designated winged expressions in Russian speech for a century and a half. They reflect such mental features of the Russian national character as contemplative thinking, inclination to discuss philosophical issues. At the same time, Russian people are characterized by inertia, passivity and unwillingness to take concrete practical actions, fatalism, stable ideas that it is up to the supreme authority (tsar, president, state) to change life for the better, and not to a particular person. Therefore, among the definitions for the noun 'issue' used in various contexts are the following: 'eternal', 'traditional', 'classical', 'rhetorical', 'accursed'. The studied winged expressions have the above-mentioned meanings in Russian internet folklore as well. The analyzed units function primarily in the genre of online jokes. The authors distinguish the following models of online jokes construction containing the questions *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?): 1) adding one or two more questions; 2) adding answers; 3) combining two questions into one new. Moreover, when used in jokes, these winged units are often subject to various transformations. The authors give examples of the use of eternal Russian questions not only in jokes, but also in other genres of online folklore: internet poems and memes.

Keywords: eternal Russian questions, *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?), marker, national identity.

For citation: Abramova, VI & Arkhangelskaya, YuV 2024, 'Two Eternal Russian Questions as Markers of National Identity and Their Functioning in the Russian Internet Folklore', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 129–138, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138> (in Russ.)

Information about the Authors: *Veronika I. Abramova* – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Yuliya V. Arkhangelskaya – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Document Science and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Исследователями неоднократно отмечалась актуальность проблемы взаимосвязи языка и нации [3; 6]. Язык рассматривается как культурный код нации, отражающий и формирующий ее картину мира. Ученые пишут о «сложном диалектическом взаимодействии», в котором находятся языки и нации [6, с. 103], отмечая, что «национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием ее возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса – с другой» [7, с. 325]. Из всего вышесказанного следует, что язык является основой национальной идентичности.

Национальная идентичность может рассматриваться с разных позиций в рамках различных наук: филологии, философии, социологии, этнологии, культурологии, географии, антропологии, социологии. Она складывается под влиянием исторических, территориальных, культурных, этнических, религиозных, языковых факторов, в результате чего формируется модель коллективного самосознания.

Устойчивые словесные комплексы (пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатизмы и т. п.) могут быть рассмотрены как маркеры национальной идентичности народа, так как в них отражены ментальные установки, типичные модели поведения, характерные для каждого народа аксиологические векторы, культурные императивы. Для русских, согласно многочисленным исследованиям [12; 5; 9], характерны следующие национальные черты, проявляющиеся в языке: соборность, душевность социальных отношений, созерцательность мышления, историческая терпеливость, бытовая импульсивность, неосмотрительность, нелюбовь к среднему, закононебрежение, ответственность перед внешним контролем, потребность в идеалах, стремление к справедливости, второстепенность материального, национальная самокритичность, пассивность в приобретении знаний, надежда на централизованное решение всех проблем, вера в возможность быстрого и простого решения сложных проблем [8, с. 100–123].

Некоторые из обозначенных черт поддерживаются крылатыми фразами, представляющими собой вопросительные реплики *кто виноват?* и *что делать?*. Часто в публицистических и иных текстах их называют «вечными» или «извечными» русскими вопросами. Они могут использоваться как самостоятельные устойчивые фразы или употребляться в одном контексте. При этом последовательность вопросов может быть разной, хотя чаще, вопреки хронологии возникновения, на первом месте стоит вопрос *что делать?*.

Целью настоящей работы является исследование на материале фольклора Рунета двух «вечных» русских вопросов *кто виноват?* и *что делать?* как маркеров национальной идентичности.

Рассмотрим этимологию обозначенных крылатизмов. Вопрос *Кто виноват?* был использован писателем А. И. Герценом в качестве заглавия для своего романа, опубликованного в 1845–1846 гг. в журнале «Отечественные записки». В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. Серова значение и употребление данного вопроса, ставшего крылатизмом, прокомментировано так: «Упоминается обычно как второй “извечный русский вопрос”, после вопроса *что делать?* и, как правило, иронически – мол, этим вопросом можно задаваться сколь угодно долго, если нет конкретных дел» [10, с. 291]. Вопрос, использующийся в заглавии, может быть, потому и стал устойчивым, что в нем отразилась насущная проблема эпохи «лишних людей»: кто виноват в том, что образованные, умные, просвещенные дворяне не могут найти своего места в жизни российского общества последекабристской поры и реализовать свой потенциал? Один из главных героев романа, взглядыываясь в свой юношеский портрет, вспоминая, как много он подавал надежд, с горечью думает: «Тогда <...> мне было четырнадцать лет, теперь мне за тридцать – и что впереди? Одна серая мгла, скучное, однообразное продолжение впредь; начать новую жизнь

поздно, продолжать старую невозможно. Сколько начинаний, сколько встреч... и всё окончилось праздностью и одиночеством...» [4].

Вопрос *что делать?* также стал крылатым благодаря литературному произведению. Так назывался роман Н. Г. Чернышевского, опубликованный в 1863 г. в журнале «Современник», после чего он был запрещен царской цензурой и не издавался вплоть до 1906 г. В книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» дается следующий комментарий к происхождению данного крылатизма: «В романе трактуются проблемы социализма, эмансипации женщин, выводятся типы “новых людей” – революционных деятелей, и выражается мечта о счастливой жизни в коммунистическом обществе. Что делать, чтобы революционным путем прийти к социализму? Ответ на этот вопрос молодое поколение искало в романе Чернышевского» [1, с. 381].

Вопрос *что делать?* впоследствии использовался и в других известных произведениях, таких как трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?» и работа В. И. Ленина «Что делать?». Есть основания полагать, что текстом, повлиявшим на формулировку заглавия, для Толстого послужило Евангелие от Луки, цитата из которого вошла в эпитафию: «И спрашивал его народ, *что же нам делать?* И он сказал в ответ: у кого есть две одежды, тот отдай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Луки III, 10, 11) [цит. по: 11, с. 182]. Для В. И. Ленина «отправной точкой», безусловно, послужил роман Н. Г. Чернышевского. Известно ленинское высказывание: «Роман “Что делать?” меня всего глубоко перепахал. Это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь» [цит. по: 10, с. 424]. Хотя невозможно однозначно определить источник, благодаря которому вопрос *что делать?* обрел устойчивость и воспроизводимость, ясно, что вопрос этот использовался в культурно значимых и прецедентных для русского народа текстах и отражал особенности национальной ментальности. По свидетельству В. Т. Бондаренко, реплика-стимул *что делать?* в русской разговорной речи «употребляется в ситуациях, когда говорящий спрашивает совета, каким образом ему поступать, действовать в сложившихся обстоятельствах» [2, с. 291]. Ученый фиксирует следующие ответные реплики на данный вопрос-стимул: «♦ Выпить яду. ♦ Заголить подол и (да) бегать. *Сниж.* ♦ Коту яйца приделать и за мерина продать. *Вульг.* ♦ Оперу писать. ♦ Сухари сушить. ♦ Снять (задрать) штаны и (да) бегать» [2, с. 292].

Несмотря на то, что времена «лишних» и «новых» людей прошли, вопросы *кто виноват?* и *что делать?* остались актуальными для русского человека, о чем свидетельствует их популярность и востребованность в текстах различных стилей и жанров на протяжении более полутора веков, в том числе и в фольклорных текстах. Например: *После выяснения вопроса «Кто виноват?» вопрос «Что делать?» отпадает сам собой.* Причем в большинстве источников, в которых используются анализируемые устойчивые фразы, есть слова, свидетельствующие о том, что данные вопросы являются маркерами национальной идентичности. Прежде всего, это прилагательное «русский» (чаще в форме множественного числа – «русские»), выступающее в качестве определения к слову «вопрос» («вопросы»): *Да, подумал я, извечный русский вопрос, «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Битва за Подмоскovie (2001) // Молния. 2001. 10 июля]; *...тогда отпадут исконно русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ : Форум: Заказчик, дизайнер и строители. Кто прав? (2010–2011)]. Как видим, в первом примере два вечных русских вопроса могут даже восприниматься и транслироваться говорящим как один, настолько часто они употребляются в речи совместно.

Кроме того, в некоторых текстах вместо «русский» используется прилагательное «российский», а также существительное «Россия». Подразумевается, что анализируемые устойчивые фразы актуальны для всех, кто говорит на русском языке, в

первую очередь, для граждан России – многонационального государства. Например: *В такой ситуации скрупулезное выяснение любезных **российскому** менталитету вопросов «кто виноват?» и «что делать?» представляется психологической игрой в словесные бирюльки* [НКРЯ: Андреев И. Л. Россия: взгляд из будущего (2003) // Вестник РАН. 2004]; *В России всё может быть и ужасно, но ты знаешь, кто виноват и что делать, хотя сделать ничего не можешь* [НКРЯ: Зиник Зиновий. Белый негр и черная кола // Волга. 2014].

С нашей точки зрения, маркеры национальной идентичности – это не только те лексемы, которые указывают на принадлежность к определенному народу, но и те, которые отражают его ментальные установки. Если рассматривать вопрос с этой позиции, то определения «вечные» («извечные»), «традиционные», «классические», «риторические», «проклятые» к существительному «вопросы» также свидетельствуют о том, что они маркируют национальные черты: склонность к ничегонеделанию; надежду на то, что проблемы решатся сами собой, помимо воли говорящего; фаталистическое отношение к миру. Например: *И он всей душой хотел помочь этому птенцу, чтобы тот раскрыл свои крылья, мощь которых Солженицын угадал сразу. Чтобы свободному полету мысли ничто не мешало. Чтобы мысль могла взлететь высоко, откуда видны ответы на **извечные** российские вопросы – «кто виноват?» и «что делать?»* [НКРЯ: Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]; *Это очень разные люди, не согласные друг с другом почти во всем и прежде всего в своих ответах на **традиционные** русские вопросы: кто виноват и что делать* [НКРЯ: Пионтковский Андрей. Еще один год великого перелома // Новая газета. 2003. 16 янв.]; *Второй и третий соответствуют **классическим** русским вопросам: «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Папарацци в законе // Профессional. 1998. 1 июля]; *И в итоге мы получаем ответ на **риторические** вопросы: кто виноват и что делать* [НКРЯ: Мамонтов Аркадий. Иногда приходится нарушать закон // Известия. 2002. 6 сент.]; *Беринг до своей смерти в 1945 году оставался горячим другом России и на **проклятые** вопросы, пришедшие в наш век из прошлого века, «кто виноват?» и «что делать?», всегда отвечал: «никто не виноват» и «ничего делать»* [НКРЯ: Берберова Н. Н. Железная женщина (1978–1980)].

В фольклорных текстах цифровой эпохи, которыми наполнен Рунет, вопросы т. п. также выполняют роль маркеров национальной идентичности. В частности, это можно наблюдать в таких жанрах сетевого фольклора, как анекдоты, мемы, мотиваторы, демотиваторы, эдвайсы, стишки-порошки и т. п. Основным отличием сетевого фольклора от традиционного является письменная форма бытования и нередко установленное авторство, что, однако, не мешает ему распространяться и функционировать по модели, выработанной в устном народном творчестве. Так, стишки-порошки, подписанные никнеймами, часто «теряют» своих авторов и транслируются как анонимные. Например:

*кто виноват и что мне делать
вопросы вечны на руси
от них все время даже гугыл
висит*

Самым популярным жанром сетевого фольклора, в котором фигурируют исследуемые вопросы, является анекдот. Следует отметить, однако, что в сборники сетевых анекдотов нередко попадают афоризмы или афористические высказывания, например: *Что делать и кто виноват – это не вопросы. Это склероз.*

Наиболее часто встречаются следующие модели построения сетевых анекдотов и афоризмов / афористических высказываний, содержащих вопросы *кто виноват?* и *что делать?:* 1) предлагается продолжить ряд вечных вопросов еще одним

или даже двумя; 2) предлагаются ответы на эти вопросы; 3) два вечных вопроса заменяются третьим, содержащим в себе квинтэссенцию национальной идентичности.

1) Приведем примеры, соответствующие первой модели: *Преподаватель*: «У нас испокон веков всегда было три вопроса. Первый: Кто виноват? Второй: Что делать? А кто знает третий вопрос?» *Студент с первой парты*: «Ты меня уважаешь?» (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Вечные вопросы: кто виноват? что делать? Когда там уже выходные?* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>); *Три главных вопроса бытия: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Где мой телефон!»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>). *Три вечных русских вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?», «Едят ли курицу руками?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>); *Считается, что существуют два вечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* Я бы добавил ещё как минимум два: «Сколько это еще может продолжаться?» и «Как ты после вчерашнего?». Подобное можем наблюдать и в нефольклорных текстах: *И здесь в самую пору задаться тремя извечными российскими вопросами: «Что происходит?», «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Свешников Александр. Победителя не судят, но отдают ему должное // Богатей (Саратов). 2003. 23 окт.].

Дополнительные вопросы могут быть социально маркированными – приписываться интеллигенции: *Есть три вечных вопроса русской интеллигенции: 1. Что делать? 2. Кто виноват? 3. Какие выплаты мне полагаются?* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>); *Первый вечный вопрос русской интеллигенции: кто виноват? Второй вечный вопрос русской интеллигенции: что делать? Третий вечный вопрос русской интеллигенции: какой вилкой есть рыбу?*

Можно отметить также гендерную маркированность: мужчины и женщины в сетевых анекдотах по-разному продолжают ряд вечных вопросов: *Сначала мужчина решает вопросы – «С кем?» и «Где?» и только уж потом – «Кто виноват?» и «Что делать?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>); *Вечные русские вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?» и «По сколько скидываемся, мужики?»;* *К чередке извечных вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?» женщины добавили – «Как я выгляжу?»* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Женщина – это чудо-создание, которое всегда знает «кто виноват» и «что делать», но никогда не знает, «в чем я завтра пойду на работу» и «что мы будем сегодня есть»* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>).

Продолжение ряда вопросов может приписываться и другим категориям граждан, например, владельцам собак: *Главные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *Главные вопросы владельца собаки: «Что ты жрёшь?» и «Где ты это взял?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>).

2) Вторая модель представлена в сетевом фольклоре анекдотами, содержащими ответы на вечные русские вопросы: *С помощью буддизма нашел ответы на главные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»: 1. Никто. 2. Ничего.* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>); *Сколковские ученые нашли, наконец, ответ на извечный российский вопрос «Кто виноват? Что делать?».* Он звучит так: «Никто не виноват. А коли так, то и делать нечего!» (<https://smehodel.ru/jokes/t/vinovatyh>); *В России два вечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* И один вечный ответ: «А хрен его знает!» (anekdotov.me).

Ответы могут быть гендерно маркированными: *После того, как у женщины появляется муж, она, наконец, понимает, кто во всем виноват в этой жизни...* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Наличие мужа в жизни женщины позволяет всегда получить ответы на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>).

Как и в первой группе, среди ищущих ответы на вечные вопросы оказываются владельцы домашних животных: *У меня живут два кота, чёрный кот – Чернышевский, белый кот – Белинский. И я всегда знаю, «что делать» и «кто виноват»...* (<https://smehodel.ru/jokes/t/vinovatyh>).

Нередко извечные русские вопросы соотносятся в сетевом фольклоре с двумя классическими русскими проблемами, которые в анекдотах и в построенных по образцу афоризмов высказываниях превращаются в ответы на эти вопросы: *В России всегда были две проблемы: дураки и плохие дороги. И всегда стояло два вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *И лишь в XXI веке стало понятно: Кто виноват – дураки. Что делать – дороги.* (https://anecdotes.su/v-rossii-vsegda-byli-dve-problemy_79056); *В России есть два извечных вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?»*, и две беды, они же ответы на вопросы: *«Дураки и дороги».* *Только вместо того, чтобы винить дураков и чинить дороги, россияне с завидным упорством, из века в век, продолжают во всем винить дороги, и плодить дураков.* В этих анекдотах отражаются такие типичные черты русского человека, как созерцательность мышления, пассивность и инертность. А. В. Сергеева пишет об этих особенностях русских людей так: «Они долго, сложно и глубоко думают над серьезными вопросами бытия. Но это совсем не значит, что долгие раздумья приведут их к определенным решениям или решительным переменам в жизни. Способность мобилизовать себя для конкретной деятельности у них не развита» [9, с. 139]. Эту мысль подтверждает еще один сетевой анекдот: *Мало кто знает, что знаменитого «Мыслителя» Роден ваял с русского: голожопый мужик, мучительно размышляющий над вопросами «Что делать?» и «Кто виноват?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>).

3) К третьей модели мы отнесли анекдоты и построенные по образцу афоризмов высказывания, в которых два вечных вопроса заменяются третьим, содержащим в себе, по замыслу говорящего, квинтэссенцию национальной идентичности, например: *Я тут свёл два русских классических вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?» в один универсальный «Какого хрена?»;* *Вечные вопросы российской действительности: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *Но самый главный – «Как жить дальше?».* Ср. в нефольклорном тексте: *Вместо традиционного вопроса: «Кто виноват и что делать?» – рождается еще один, истинно российский вопрос: «Куда идем?».* *Какова, наконец, будет долгосрочная экономическая и политическая концепция нашего правительства?* [НКРЯ: Аграновский Валерий. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976 – 1999)].

Анекдоты и афоризмы, построенные по подобной модели, могут быть социально маркированными, например: *Вечный вопрос русского интеллигента не «Кто виноват?» или «Что делать?»*, а *«Кто будет платить?»;* *Раньше интеллигенты задавали два вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»*, а *теперь только один «Какой счёт?».* Ситуацию, представленную в последнем сетевом афоризме, комментирует в своей статье А. Колесников: *Российское общество проделало эволюцию от проклятых русских вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?» к вопросу «Какой счет?».* *Население, включая интеллигенцию (или заменившую ее «интеллектуальную элиту»), настолько устало от политики, что с величайшим удовольствием смотрит по телевизору бесконечный футбол, хоккей, бокс и т. п. Наиболее же финансово продвинутая часть российских граждан, отвлекшись от лизинга с франчайзингом, все больше времени уделяет досугу – дайвингу с каким-нибудь рафтингом* [Андрей Колесников. Какой счет? (2002) // «Известия», 04.02.2002, НКРЯ].

При употреблении в сетевых анекдотах и афоризмах крылатые единицы *кто виноват?* и *что делать?* нередко подвергаются различным преобразованиям. Например, один из вопросов может подвергаться расширению компонентного со-

става: *Россиян мучают только два вопроса: кто виноват и что с ним делать?* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>). То же в сочетании с трансформацией собственно вопросов в косвенные вопросы: *Если найти того, кто виноват, и отдать недовольным россиянам, то вопроса, что с ним делать, не возникнет* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Я знаю, кто виноват, но я не знаю, что делать с трупом...* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Скажи мне, кто виноват, и я скажу, что они с тобой сделают!* В последнем примере добавляется еще и грамматическое варьирование вида глагола (делать – сделать).

Нередки случаи, когда трансформация происходит по линии утверждения – отрицания: *На самом деле самые вечные русские вопросы – это: «Что не делать?», «Кто не виноват?» и «Где не капают на мозги?»* (HumorNet.ru). Трансформация при этом может осложняться лексической субституцией на основе антонимии: *Хватит уже решать, кто виноват и что делать, лучше поймите, кто прав и чего не надо делать*.

Вызывает интерес сетевой анекдот, пародирующий исследование изменений двух «вечных» русских вопросов в диахронии: *Как трансформировались извечные вопросы русской интеллигенции: 1) Конец XIX века: «Что делать?». Начало XX века: «Надо что-то делать...». 30–50-е гг.: «Что делается!..». 70–80-е гг.: «Что подделаешь?». 90-е гг.: «Шо за дела?!». Начало XXI века: «Тебе что, делать больше нечего?». 2) Конец XIX века: «Кто виноват?». Начало XX века: «Виноваты они...». 30–50-е гг.: «Виновен!..». 70–80-е гг.: «Не виноватая я, он сам пришел!». 90-е гг.: «Во всем виноват Чубайс!». Начало XXI века: «Главное – найти виноватого».* В приведенном анекдоте отразились такая отмеченная Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным черта русского национального сознания, как надежда на централизованное решение всех проблем: «Русский человек возлагает ответственность за свою собственную судьбу, судьбу общества, страны, преимущественно на внешние силы – прежде всего на царя, президента, непосредственного начальника или абстрактное руководство (“Они”). Для русского менталитета характерно яркое представление о внешней, вышестоящей силе, которая призвана и способна решать все проблемы общества и отдельной личности. Отсюда формируется внутренняя безответственность человека, который свое участие в жизни часто низводит до “сигнализирования”, сообщения вышестоящему о своей проблеме и ожидания ее решения» [8, с. 120]. В связи с этим особого внимания заслуживает группа интернет-презентом, в которых их создатели иронизируют над желанием обвинить во всех проблемах власть, а именно – президента России В. В. Путина. Ответ на вопрос *Кто виноват?* оформляется в виде какого-либо карикатурного изображения и подписи, из которой следует, что Путина обвиняют во всех бедах россиян и даже всего человечества: *«В Калифорнии в отделениях интенсивной терапии не осталось свободных коек, – пишет CTV NEWS. – Закончились места даже в моргах». В Америке в этом виноват вирус. А если бы что-то подобное было в России, то виноват был бы Путин. Впрочем, в Америке тоже в этом виноват Путин; Если жизнь не удалась – обвиню во всем я власть! Если я по жизни трутень – виноват, конечно, Путин!; За окошком дождь и град. Это Путин виноват.* Последнее двустихие представляет собой фрагмент довольно обширного сетевого фольклорного стихотворного текста, иронически обыгрывающего антипутинскую мифологию. Часть подобных креолизованных текстов представляет собой фотографию президента России В. В. Путина и подпись, которая имитирует его реплику в ответ на многочисленные необоснованные обвинения: *Ты уже придумал, в чем я виноват?; Дайте-ка я угадаю, кто виноват?; Опять я во всем виноват?; Ну, давай, расскажи мне, что во всем виноват я.*

Итак, проведенное исследование показало, что на протяжении последних по-

лутора веков крылатые фразы *кто виноват?* и *что делать?* используются как маркеры русской национальной идентичности. Их употребление в сетевом фольклоре свидетельствуют о том, что они весьма актуальны, востребованы, отражают особенности русского национального характера, соответствуют современным реалиям, функционируют в речи и как риторические вопросы, и как вопросы, подразумевающие ответы, всегда ироничны и часто парадоксальны.

Список источников и литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Худож. лит., 1987. 528 с.
2. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.
3. Бушуй Т. А. Проблема языка и нации в лингвокультурологическом аспекте // International scientific review. 2019. № 56. С. 48–50.
4. Герцен А. И. Кто виноват? М.: Гослитиздат, 1948. 256 с. Электрон. копия печ. изд. URL: https://librebook.me/kto_vinovat_1/vol4/4 (дата обращения: 26.01.2024). Доступ на сайте LibreBook.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культуры, 2005. С. 64–174.
6. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
8. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта : Наука, 2011. 328 с.
9. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта : Наука, 2010. 320 с.
10. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное). Т. 25. М.: Худож. лит., 1937. 914 с.
12. Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

References

1. Ashukin, NS & Ashukina, MG 1987, *Krylatyye slova: Literaturnyye tsitaty; Obraznyye vyrazheniya* (Winged words: Literary quotes; Figurative expressions), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bondarenko, VT 2013, *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: Slovar* (Responses in Russian dialogue speech. Dictionary), Izd-vo Tul.gos.ped.un-ta im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
3. Bushuy, TA 2019, 'Problema yazyka i natsii v lingvokulturologicheskom aspekte' (The issue of language and nation in linguoculturological aspect), *International scientific review*, no. 56, pp. 48–50. (In Russ.)
4. Gertsen, AI 2007, *Kto vinovat?* (Who Is to Blame?), Goslitizdat publ, Moscow, viewed 26 January 2024, https://librebook.me/kto_vinovat_1/vol4/4 (In Russ.)
5. Zaliznyak, AA, Levontina, IB & Shmelev, AD 2005, *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* (Key ideas of the Russian linguistic picture of the world), Yaz. slav. kultury publ, Moscow, pp. 64–174. (In Russ.)
6. Kuznetsova, YeV 2011, 'Yazyk i natsionalnaya identichnost' (Language and national identity), *Omsk Scientific Bulletin*, no. 3 (98), pp. 102–105. (In Russ.)
7. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* 1990 (Linguistic encyclopedic dictionary), Sov. entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)

8. Prokhorov, YuYe & Sternin, IA 2011, *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* (Russians: communications behavior), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
  9. Sergeeva, AV 2010, *Russkiye: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost* (Russians: behavioral stereotypes, traditions, mentality), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
  10. Serov, V 2005, *Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* (Encyclopedic dictionary of winged words and expressions.), Lokid-Press publ, Moscow. (In Russ.)
  11. Tolstoy, LN 1937, *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t. (Yubileynoye)* (Complete works. In 90 volumes (Jubilee edition)), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
  12. Shmelyov, AD 2009, 'Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnyye sdvigi' (Russian language picture of the world: system shift), *The World of Russian Word*, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
-

Вклад авторов:

Абрамова В. И. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Архангельская Ю. В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Veronika I. Abramova – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Yuliya V. Arkhangelskaya – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 04.02.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

ТУВИНСКИЙ ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК ОБРАЗЕЦ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**Ольга Игоревна
Просьянникова**

Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия, olgapros@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9080-3058>

Аннотация. В данной статье рассматриваются жанры обрядового фольклора тувинцев, в частности, благопожелания (йөрээлдер), восхваления (макталдар) и заклинания (чалбарыглар), которые являются образцами национального фольклора и этнокультурных традиций народа. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса к вопросам национальной идентичности в эпоху глобализации. Идентичность проявляется в различных аспектах: в ментальной сфере, в языке, в традициях, символах и прежде всего в вербальных текстах, каковыми являются жанры тувинского фольклора. Цель исследования – раскрыть этнические особенности обрядовых жанров, определяющие культурный код нации и формирующие мировоззрение и нравственные принципы. Выделяются и описываются характерные для тувинского обрядового фольклора темы семьи, дома, родного края, природы и мотивы богатства, счастья, благополучия, будущего и прошлого, определяющие культурную идентичность тувинцев. Благопожелания сопровождают семейно-бытовые, календарные, хозяйственные и промысловые обряды и несут положительную экспрессию. Обрядовые тексты демонстрируют связь с архаичным религиозным сознанием и веру в духовную связь с потусторонним миром. В статье выделены сакральные смыслы и символы, отражающие мифологические представления тувинцев. На основе изучения установлено, что в благопожеланиях (йөрээлдер), восхвалениях (макталдар) и заклинаниях (чалбарыглар) наблюдается духовная общность этноса, демонстрируются представления о морально-этических ценностях, модели поведения, сформированные народом на протяжении длительного исторического периода. Подчеркивается, что жанры обрядовой поэзии отражают ментальный мир тувинского этноса, сохраняют конституирующие элементы национальной идентичности. Работа имеет междисциплинарный характер, затрагивает как вопросы фольклористики, так и лингвокультурологии.

Ключевые слова: тувинский обрядовый фольклор, благопожелание (йөрээлдер), восхваление (макталдар), заклинание (чалбарыглар).

Для цитирования: Просьянникова О. И. Тувинский обрядовый фольклор как образец этнокультурной идентичности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 139–148. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-139-148>

Сведения об авторе: О. И. Просьянникова – доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, г. Санкт-Петербург – Пушкин, Петербургское ш., 10.

Scientific Article
UDC 398(=512.156)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-139-148>

TUVAN RITUAL FOLKLORE AS A SAMPLE OF ETHNOCULTURAL IDENTITY

Olga I. Prosyannikova

Pushkin Leningrad State University
St. Petersburg, Russia, olgapros@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9080-3058>

Abstract. The article examines the genres of Tuvan ritual folklore, in particular, well wish (йөрээлдер), praise (макталдар) and conjuration (чалбарыглар), which are samples of the ethnocultural traditions of the people. The relevance of the study is due to the increased interest in the issues of national identity in the globalisation era. The mental sphere, language, traditions, and verbal texts that make up Tuvan folklore are all aspects of the identity manifestation. The aim of the study is to reveal the ethnic features of ritual genres, which determine the cultural code of the nation and form the world view and moral principles. The author identifies and describes the themes of family, home, native land, nature and motifs of wealth, happiness, prosperity, future and past that are characteristic of Tuvan ritual folklore and define the cultural identity of Tuvinians. Well wishes accompany family and domestic, calendar, economic and trade rituals and carry positive expression. Ritual texts demonstrate a connection to archaic religious consciousness and a belief in a spiritual connection to the otherworld. The article highlights sacral meanings and symbols reflecting mythological representations of Tuvinians. Based on the study, the author concludes that well wish (йөрээлдер), praise (макталдар) and conjuration (чалбарыглар) contain the spiritual community of the ethnic group, ideas about moral and ethical values, demonstrate ideas about moral and ethical values, models of behaviour formed by the people over a long historical period. The author emphasises that the genres of ritual poetry reflect the mental world of the Tuvan ethnos and preserve the constitutive elements of national identity. The work is interdisciplinary in nature, touching upon both folkloristics and linguocultural studies.

Keywords: Tuvan ritual folklore, well wish (йөрээлдер), praise (макталдар), conjuration (чалбарыглар).

For citation: Prosyannikova, OI 2024, 'Tuvan Ritual Folklore as a Sample of Ethnocultural Identity', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 139–148, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-139-148> (in Russ.)

Information about the Author: *Olga I. Prosyannikova* – Associate Professor, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoye sh., St. Petersburg – Pushkin, 196605, Russia.

© Prosyannikova O. I., 2024

Введение

Фольклорные произведения, дошедшие сквозь исторические этапы, хранят в себе культурный код, отражающий этническую идентичность, основанную на общности культурных, психологических, религиозных и языковых признаках. Именно такие связи объединяют этнос и составляют культурную идентичность, что подразумевает духовную общность, ценности и традиции, модели поведения. Национальный фольклор как особый пласт народной культуры и духовного наследия является зеркалом морально-этических представлений народа. Интерес к исследованию национально-специфических жанров фольклора вызван стремлением выявить свойственные этносу и сохранившиеся в фольклоре реликтовые черты традиционной культуры. Настоящая статья посвящена выявлению тех черт национальной идентичности, которые отражены в жанрах тувинского обрядового фольклора.

Исследования тувинского фольклора берут свое начало в XIX веке, когда русские ориенталисты Н. Ф. Катанов, В. В. Радлов и другие записали и опубликовали образцы многих жанров тувинского фольклора. Изучению тувинской культуры и фольклора в разные годы посвятили свои работы С. И. Вайнштейн [1], Г. Н. Курбатский [11], Ч. К. Ламажаа [15], Е. С. Новик [18], М. В. Монгуш [17], З. Б. Самдан [19], У. А. Донгак [4]. Глубокое изучение эпических произведений, искусства шаманов и песенного жанра легло в основу работ Л. В. Гребнева [2], З. К. Кыргыз [16], М. Б. Кенин-Лопсана [8; 9; 10].

Единство устно-поэтического творчества тувинцев основано на взаимосвязи различных жанров: героических сказаний, сказок и многочисленных малых жанров, которые являются специфическими для тувинского фольклора. Классификацией жанров обрядового фольклора, имеющих народное название *алгыши*, объединяющее образцы обрядовой поэзии, занимались исследователи Ч. Ч. Куулар [14], Ж. М. Юша [21], выделившие жанры благопожелания (йөрээлдер), восхваления (макталдар) и заклинания (чалбарыглар). В них фиксируются и мифологические представления, и этнографические реалии, и элементы народной поэзии. Каждый обряд состоит из ритуала и словесного компонента, которые в совокупности обладают смыслом и выполняют определенные задачи. Источниковой базой исследования послужили составленные З. К. Кыргыз [16] и М. Б. Кенин-Лопсаном [8; 9; 10] коллекции обрядовой поэзии тувинского народа.

Жанры обрядовой поэзии

Жанр благопожеланий (йөрээлдер) в самом названии несет положительный посыл, в них отражаются «мировоззрение, нравственные принципы и идеалы, основы традиционной педагогики тувинцев» [21, с. 13]. Благопожелания звучат при исполнении семейно-бытовых, календарных, хозяйственных, промысловых и других обрядов. К семейно-бытовым обрядам относятся родинные, свадебные, освящение новой юрты.

Обряд, совершаемый при рождении ребенка, включает в себя перерезание его пуповины, после чего мешочек с пуповиной и оберегом в виде медвежьего когтя привязывается к колыбели, а «приемная мать» читает благопожелание (1). В обряде стрижки волос ребенка участвуют близкие родственники и почтенный старик, который произносит напутствие, совершая ритуал (2):

(1) Долгожителем пусть будет! // Большое счастье пусть ему будет! // До седых волос пусть живет, // Белобородым, седоголовым пусть будет [16, с. 46]!

(2) Как куропатка, пусть имеет много друзей! // Как дрофа, нарядным пусть будет! // Друзья его пусть будут хорошими! // С удалью, весело пусть живет [16, с. 47]!

Из слов пожеланий мы узнаем о том, что ценится в народе: дружба, долголетие, добрый нрав и смелость. В них демонстрируется пристальное внимание к окру-

жающей природе – восхищение красотой оперенья дрофы, наблюдение за стайной жизнью куропадок.

В свадебном обряде благопожелание произносится от лица почтенных родственников. В этих благопожеланиях звучат слова, передающие традиционные представления тувинцев о женской красоте (1, 2), о достоинствах мужчины и женщины (3, 4), о нравственном поведении (5–8), гостеприимстве, плодовитости и благополучии (9):

- (1) Словно дятел, нарядной, будь, дочка!
- (2) Зубы белыми, как ракушка, пусть будут! // Щеки красными, как киноварь, пусть будут!
- (3) Первенец, как топор [крепким], пусть будет! // Средний сын, как мотыга [работящий], пусть будет! // Младший сын пусть будет, словно тесло [острым] [16, с. 52]!
- (4) Мимо не стреляющего, меткого, // Не засиживающегося, красноречивого, // Зверя бьющего без промаха, меткого, // В речи не ошибающегося, красноречивого [16, с. 57].
- (5) Идики с узором шьющую // Дочку-мастерицу пусть имеет [16, с. 54]!
Вдевающую нитку в иголку [мастерицу] // Дочь имей, дочка [16, с. 55]!
- (6) Вежливым и разумным пусть будет!
- (7) Старших уважай, дочка [16, с. 54]!
- (8) Плохое слово // За голову бросай, // Доброе слово // На плечи клади, дочка. // Уходящих-приходящих [гостей] // Уважай всегда, // Упавших, пытающихся встать // Поднимай всегда [16, с. 55]!
- (9) Юрта пусть, словно белое яичко, будет! // Детей много пусть будет, что в юрте не умещается! // Скота пусть имеет столько, что на стоянке не уместится! // Табуны с лучшими жеребцами пусть будут [16, с. 45–50]!

Из текстов благопожеланий узнаем, что в мужчине ценится меткость охотника, в женщине – мастерство швеи, в людях – доброта, отзывчивость, уважительность. В свадебном обряде проповедуются плодовитость, богатство, благополучие. Поскольку скот и конь имели огромное значение для скотоводческого хозяйства тувинцев, то пожелания иметь как можно больше скота различных мастей встречаются во многих обрядах.

Объектом большой значимости для тувинцев была юрта – дом, очаг. При постановке новой юрты приглашался старейшина аала, который совершал обряд освящения, разбрызгивая молоко и намазывая важные детали юрты курдюком барана, с призывом к духам быть милостивыми:

Отверстие обруча *хараача* помилуйте! // Над дверью тонкие жерди-стропила помилуйте! // Около огня железный пол помилуйте [16, с. 62, 63]!

Использование в обрядах молока объясняется в первую очередь тем, что молоко и молочные продукты являлись основными в питании кочевых тувинцев. По этой причине молоко как белая пища имело сакральное значение, и по сей день белый цвет ассоциируется у тувинцев с понятиями о чистоте и благополучии [5, с. 234–235]. Молоко используется в праздничных ритуалах и считается священным продуктом, а белая юрта символизирует семейное счастье и благополучие:

Замечательную белую юрту пусть имеет [16, с. 51]!

Наряду с юртой символом дома для тувинцев является коновязь, установка которой связана с созданием новой семьи и относится к свадебному обряду (1), а обряд освящения устраивают, чтобы увеличить поголовье животных (2):

- (1) Коновязь пустой, без скота, чтобы не оставалась [16, с. 52]!
- (2) Конь мой, помилуй! // Высокой, благородной коновязи своей // Хозяином будь, конь мой, помилуй [16, с. 114]!

Для обряда готовят коня-рысака, ритуальную ложку, которой разбрызгивают молоко, цветные ленты, вплетаемые в хвост лошади.

Особый смысл несут обряды, связанные со скотом. Известны многие ритуалы, посвященные этому виду хозяйственной деятельности тувинцев. В них заключается просьба о покровительстве духов в размножении скота, от чего зависело благополучие семьи:

[Такое большое, что] вскачь не объехать, стойбище пусть имеет! // Коров пусть будет в дальнейшем десять тысяч и больше [16, с. 66, 67]!

Благопожелания заканчиваются, как правило, словами, выполняющими роль закрепки:

- (1) Курай! Курай!
- (2) Өршээ! өршээ! (Помилуй! Помилуй!)

Кроме благопожеланий (йөрээлдер) исполнялись моления или заклинания (чалбарыглар): освящение домашних животных (1), заклинание при жертвоприношении печени домашнего скота (2), заклинание, обращенное к бараньей лопатке (3).

- (1) В стойбище покой пусть будет! // Опасности пусть минуют [16, с. 69]!
- (2) Скот мой приумножь!
- (3) Мясо с лопаток сдирая, // Один я его никогда не ел [16, с. 65]!

Хозяйственная деятельность тувинцев была тесно связана со скотоводством и охотой, источниками мяса, шерсти, кожи. Трудовые обряды проводились в связи со стрижкой овец, сбиванием шерсти и обкатыванием войлока. В этом трудоемком процессе принимала участие вся большая семья. В текстах молений отражаются вера людей в помощь духов, их отношение к скоту, от которого во многом зависела их благополучная жизнь, их коллективность в делах. По этой причине часть пожеланий является обращением к духам о покровительстве в приумножении скота и помощи в этих делах. Сопровождалась такая работа благопожеланиями мягкой шерсти, ее изобилии, хорошей и успешной обработки, а заканчивалась праздником шерсти дүк дою и благопожеланиями, которые произносят почтенные старики:

Клубок за клубком мягкой пусть будет! // Овечья шерсть в изобилии пусть будет! // При катании [войлока] пусть хорошо катается! // Большая работа быстро пусть свершится [16, с. 72]!

Моления охотников, сопровождаемые ритуалом, включали обращение к духам о богатой добыче и о помощи, которое часто исполнялось под звуки музыкального инструмента *хомус*:

- (1) Невмещающуюся в телегу медведицу одарите!
- (2) Что в чащобе, // На открытое место выводите, // Того, что на высоте, // На равнину спускайте. // Хорошее приближайте, // Плохое // Отдаляйте, прошу! Хайыракан [16, с. 6]!

В пожелании описывается и отношение к духам (1), и отношение к своим соплеменникам (2):

- (1) Самое лучшее из моей пищи преподношу я [16, с. 78].
- (2) Людям, идущим навстречу [мне], // Курдюк и грудинку (часть добычи) я отдам. // Золотого мира моего дарами // С народом своим поделюсь я [16, с. 79].

Календарные обряды связаны не только с трудовой деятельностью народа, они отражают годовой обрядовый цикл. В них сконцентрировалась этническая специфика духовной и материальной культуры народа [3, с. 4]. Важный календарный обряд тувинцев, сохранившийся по сей день, связан с Шагаа, праздником проводов старого и встречи нового года. В обрядовых текстах отражаются мифологические представления тувинцев о смене года. Старый год сравнивается с верблюдом, новый – с верблюжонком. Старый год и все с ним связанное уходит в прошлое, как кожа, сброшенная змеей перед наступлением весны:

Старый год провожаю. // Новый год встречаю. // [Старый] год, словно верблюдов, прошел, // [Новый] год, словно верблюжонок, пришел. // [Новый] год наступил, // Змеиная кожа облезла, // Старый, уходящий год [мой] // Сокровищами своими пусть одарит [16, с.104]!

Обращение шамана к новому году – «это гимн радости, веселья и надежды на светлое будущее» [9, с. 258], которое связывалось со здоровьем, благоприятной погодой, увеличением скота:

(1) Болезней, от которых кашляют, пусть не будет! // Болезней, хворей с насморком пусть не будет!

(2) По месяцам и дням // Дождями творимую // Золотисто-желтую вселенную мою // Великий падеж скота пусть не настигнет, // В гнездо, во двор мой // Волк пусть не проникнет [16, с. 108]!

Поскольку новый год в тувинском календаре приходится на первый месяц весны, то в текстах благопожеланий звучит мотив будущего хорошего урожая, подготовка к которому начинается после встречи нового года:

Ячменя-проса в достатке пусть будет! // Урожай богатым пусть будет [16, с. 108]!

Календарные обряды были связаны с сельскохозяйственными делами, успех которых зависел от природных условий, поэтому не случайны моления о милости (чалбарыглар), обращенные к духам природы:

(1) Дождь с градом стороной пусть пройдет [16, с. 84]!

(2) Небесный гром [мой]! // Обойди стороной, помилуй. // Отклонись, пощади [16, с. 91].

Традиционными обрядами летнего цикла являлись для тувинцев обряды освящения *оваа*, и оросительного канала.

Обряд освящения *оваа* относится к архаичному религиозному культу гор, что объясняется расселением тувинцев в горном крае. *Оваа* представляют собой сооружения из груды камней и березовых столбов с разноцветными ленточками, либо сложенных в виде шалаша веток, символизирующих гору. Такие насыпи возводились в честь духов на перевалах, переправах, в местах, опасных чем-либо. Исполняя обряд, лама или шаман разбрызгивает молоко и читает благопожелание, обращаясь к обожествляемым тувинцами тайге, земле, вселенной:

Бай-Тайга, *Хайыракан!* // Помилуй, *Хайыракан!* // Земля-тайга моя, травы-деревья мои! // Земле-родине моей, оваа и горам своим, // Принося жертву, кланяюсь я [16, с. 97].

Обряды сопровождаются угощением духов:

К месту освящения *Узун-Куя* // Большой курдюк принесу я. // К месту освящения *Тере-Холя* // Проса-зерна принесу я. // К месту освящения *Эдер-Куя* // Мяса в качестве угощения принесу я. // К месту освящения *Даштыг-Хема* // Муку из жареного ячменя принесу я [16, с. 98].

По мнению В. П. Дьяконовой, в основе обряда освящения *оваа* лежало представление тувинцев о зависимости их благополучия от сил природы, поэтому совершается приношение и звучит моление-обращение, в первую очередь, к высокой горе Бай-Тайге, затем – к ее младшим братьям-горам как символам *оваа* [6, с. 190].

Моление оросительному каналу Г. Н. Курбатский называл праздником тувинских земледельцев, поскольку целью обряда было задабривание духов – хозяев рек угощением [12, с. 21]. Обряд, берущий свое начало в культе родника, проводился после посевных работ и окончания рытья арыков, небольших каналов-ответвлений для орошения посевов, по которым должна пойти вода для полива. Ритуал сопровождался обращением шамана к благосклонности духов:

В знойный день // Пусть не высохнет вода в канале! // Дочь-ливень // Пусть не перевернет (берег канала) [9, с. 249]!

Поскольку культура народа пропитана мифологическими представлениями, то различные действия, совершаемые человеком, сопрягались с верой в духов, поэтому на всякое действие имелся ритуал и его вербальная часть. При освящении домашнего очага жертвоприношение духам приносилось через огонь, по этой причине лама, проводивший обряд, обращался в благопожелании к огню как к божественной сущности – «хайыракан».

Стальной и бронзовый мой огонь-творец, // О, помилуй, *Хайыракан!* // В аале, на стойбище спокойствие пусть будет! // Огню очага своего я молюсь, // Треножник-таган мой окуриваю, // О, помилуй, хайыракан [16, с. 96]!

Как упоминалось выше, молоко, относящееся к белой пище, имело сакральное значение для тувинцев и использовалось как атрибут ритуала во многих обрядах:

Верх и низ окропляю сивой кобылицы молоком [16, с. 99].

Моления (чалбарыглар) перед дальней дорогой произносились при исполнении обрядов, связанных с путешествием. Собираясь в путь, обращались к духу – хозяину огня и бросали в огонь жертвенную пищу, прося о милости и помощи (1). В горной стране, коей является Тува, приходилось совершать переходы через горные перевалы, поэтому на перевале при исполнении ритуала вешали на лиственницу или березу пучки волос из лошадиной гривы, цветные ленты, брызгали молоко или чай и читали заклинание (2):

(1) Путнику [мне] // Усталости чтоб не было [16, с. 75]!

(2) Ездовой конь // Пусть путь пройдет без усталости! // Высокий перевал мой, // Пониже будь, помилуй! Труднопроходимый путь // Без завалов пусть будет! // Длинная дорога, // Становись короче, помилуй [16, с. 92]!

Моления также отражают связь человека с природой, его сакральное отношение к ней. В обрядовой практике особое место занимает культ дерева как маркер рода. По верованиям тюркских народов дерево являлось хранителем человеческой души, жизненной силой между деревом и родом, поэтому нельзя было рубить дерево своего рода, которое считалось священным [20, с. 119]. У тувинцев такими деревьями были кедр, лиственница, сосна. Обряд поклонения духу-хозяину священного дерева проводился шаманом, совершалось жертвоприношение во благо благополучия рода (1). Если по хозяйственной необходимости надо было срубить дерево, проводился обряд и произносилось заклинание с объяснением и просьбой о милости:

(1) <...> Самое лучшее из белой пищи, // Вместе с посудой принять извольте, // Не тронутая имеющим губы, // Самое лучшее из мясной пищи, // Поклоняясь, подношу, // Наклонившись, принять извольте, // Пощади, Хайыракан, помилуй, помилуй [16, с. 88]!

(2) Помилуй, Хайыракан! <...> // Валю не для того, чтобы просто свалить, // Рублю не для того, чтобы просто срубить, – // По нужде срубил [16, с. 86].

Жанр восхваления (мактал) являлся неотъемлемой частью в традиционных состязаниях – конных скачках и борьбе, по завершении которых совершался культовый ритуал в честь победителя. Победивший в скачках конь окуривался можжевельником и восхвалялся (1), в честь победителя в борьбе произносились хвалебные слова, оценивающие его качества (2):

(1) Со стальной-железной уздечкой, // С обликом, словно ястреб, // Удивительно быстроногий // Конь мой Кара-Доруг // Всех обошел, // О, помилуй! [16, с. 110]

(2) С глазами, как подзорные трубы, // С дыханием, похожим на туман, // С зубами белыми, словно ракушки, // Сам по себе с львиным телом; // С лица на богатыря посмотришь – // Танцует, словно орел-птица [16, с. 116].

Вновь на передний план выходит неразрывная связь с природой, выражающаяся в сравнениях с теми природными объектами, с которыми тувинцы соприкасались постоянно.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что изучение вербальных компонентов обрядового фольклора позволяет выявить черты традиционной культуры тувинцев, сформировавшиеся в течение длительного исторического периода, характерные для этого этноса, объединяющие народ. В ритуально-магических действиях и сопровождающих их текстах благопожеланий, восхвалений и заклинаний, являющихся маркерами национальной идентичности тувинцев, демонстрируются отношения между людьми, отношение к труду, к природе, модели поведения, верования, в них отражаются мифологические представления предков, то есть те черты, которые определяют национальную картину мира. Тексты благопожеланий (йөрээлдер), заклинаний (чалбарыглар), включенные в обряды, дополняют акциональный компонент и предметный, придают сакральный смысл действиям и атрибутам и не функционируют вне рамок обряда.

Список источников и литературы

1. *Вайнштейн С. И.* Тувинское шаманство. М.: Наука, 1964. 12 с.
2. *Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос : (опыт ист.-этногр. анализа). М.: Изд-во вост. лит., 1960. 147 с.
3. *Джарылгасинова Р. Ш.* Введение. Календарные обычаи обряды в системе традиционной культуры // Календарные обряды и обычаи народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука, 1989. С.3–12.
4. *Донгак У. А.* Тувинское стихосложение. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2006. 149 с.
5. *Донгак С. Ч., Ондар А. У.* Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 2-А. С. 233–239.
6. *Дьяконова В. П.* Религиозные культы тувинцев // Памятники народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. С. 172–216. (Сборник МАЭ / АН СССР, т. 33).
7. *Катанов Н. Ф.* Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова. В 2 т. Т. 1: Народная поэзия тувинцев (уряньхайцев), хакасов (абаканских татар), тафаларов (карагасов) / Сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. ст. и коммент. А. В. Преловского. М.: Новый ключ, 2003. 576 с.
8. *Кенин-Лопсан М. Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 172 с.
9. *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинские шаманы. М.: Маска, 2009. 328 с.
10. *Кенин-Лопсан М. Б.* Алгыши тувинских шаманов : перевод автора с тувинского. Якутск: Бичик, 2017. 206 с.
11. *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре : историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2001. 464 с.
12. *Курбатский Г. Н.* Тувинские праздники. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. 75 с.
13. *Куулар Д. С.* Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 10.01.09 / Куулар Доржу Сенгилович. Улан-Удэ, 2000. 46 с.
14. *Куулар Ч. Ч.* Алгыш-йөрээлдер // Тыва улустун аас чогаалы. Кызыл, 1976. С. 132-141.
15. *Ламажаа Ч. К.* Национальный характер тувинцев. СПб.: Нестор-история, 2018. 237 с.
16. *Кыргыз З. К.* Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск: Сибирская горница, 2015. 429 с.
17. *Монгуш Ч. В.* Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX – XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Монгуш Чойгана Владимировна. Абакан, 2005. 202 с.

18. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. 304 с.
19. Самдан З. Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016. 178 с.
20. Тадьшева Н. О. Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 118–123.
21. Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Юша Жанна Монгеевна. Улан-Удэ, 2005. 25 с.

References

1. Vaynshteyn, SI 1964, *Tuvinskoye shamanstvo* (Tuvan shamanism), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Grebnev, LV 1960, *Tuvinskiy geroicheskiy epos (opyt ist.-etnogr. analiza)* (Tuvan heroic epos. Experience of historical-ethnographic analysis), Izd-vo vost. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
3. Dzharylgasinova, RSh 1989, 'Vvedeniye. Kalendarnyye obychai obryady v sisteme traditsionnoy kultury' (Introduction. Calendar rituals and customs in traditional culture system), *Kalendarnyye obryady i obychai narodov Vostochnoy Azii. Godovoy tsikl* (Calendar rituals and customs of East Asia peoples), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
4. Dongak, UA 2006, *Tuvinskoye stikhoslozheniye* (Tuvan poetry), Tuvin. kn. izd-vo publ, Kyzyl. (In Russ.)
5. Dongak, SCh & Ondar, AU 2019, 'Sakralnyye aspekty «beloy pishchi» u tuvinskikh kochevnikov' (Sacred aspects of "White Food" among the Tuvan nomads), *Culture and Civilization*, vol. 9, no 2A, pp. 233–239. (In Russ.)
6. Dyakonova, VP 1977, *Religioznyye kul'ty tuvintsev* (Religious cults of Tuvinians), *Pamyatniki narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* (Monuments of Siberian and Northern peoples (second half of the 19th – early 20th century)), vol. 33, Nauka publ., Leningrad. (In Russ.)
7. Katanov, NF 2003, 'Narodnaya poeziya tuvintsev (uryankhaytsev), khakasov (abakanskikh tatar), tafalarov (karagasov)' (Folk poetry of Tuvinians (Uryankhais), Khakasses (Abakan Tatars), Tafalars (Karagas)), *Folklor sayanskikh tyurkov XIX veka. Iz sobraniya N. F. Katanova. V 2 t.* (Folklore of Sayan Turks of the 19th century. From N. F. Katanov's collection of. In 2 vols.), vol. 1, trans. A.V. Prelovskiy, Novyy klyuch publ, Moscow. (In Russ.)
8. Kenin-Lopsan, MB 1987, *Obryadovaya praktika i folklor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX – nachalo XX v.* (Ritual practice and Tuvan shaman folklore. The end of the 19th – the beginning of the 20th century.), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
9. Kenin-Lopsan, MB 2009, *Tuvinskiye shamany* (Tuvan shamans), Maska publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kenin-Lopsan, MB 2017, *Algyshi tuvinskikh shamanov : perevod avtora s tuvinskogo* (Blessings of Tuvan shamans : translated by the author from Tuvan), Bichik publ, Yakutsk. (In Russ.)
11. Kurbatskiy, GN 2001, *Tuvintsy v svoym folklore : istoriko-etnograficheskiye aspekty tuvinskogo folklor*a (The Tuvans in their folklore: historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore), Tuvin. kn. izd-vo publ, Kyzyl. (In Russ.)
12. Kurbatskiy, GN 1973, *Tuvinskiye prazdniki* (Tuvan holidays), Tuvin. kn. izd-vo publ, Kyzyl. (In Russ.)
13. Kuular, DS 2000, *Tuvinskiy folklor v kontekste tsentralno-aziatskikh ustno-poeticheskikh traditsiy* (Tuvan folklore in context of central asian oral-poetic traditions), doctoral thesis, Ulan-Ude. (In Russ.)
14. Kuular, ChCh 1976, 'Algysh-yereelder', *Tyva ulustun aas chogaaly*, Kyzyl. (In Tuv.)
15. Lamazhaa, ChK 2018 *Natsionalnyy kharakter tuvintsev* (Tuvan National character), Nestor-istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)

16. Kyrgys, ZK 2015 *Tuvinskiye narodnyye pesni i obryadovaya poeziya* (Tuvan folksongs and ritual verses), Sibirskaya gornitsa publ, Novosibirsk. (In Russ.)
17. Mongush, ChV 2005, *Obryady kak otrazheniye traditsionnykh verovaniy tuvintsev i khakasov v XIX XX vv.* (Rituals as a reflection of the traditional beliefs of Tuvans and Khakass in the 19th and 20th centuries). PhD thesis, Abakan. (In Russ.)
18. Novik, ES 2004, *Obryad i folklor v sibirskom shamanizme. Opyt sopostavleniya struktur* (Ritual and folklore in Siberian shamanism. Experience of comparing structures), Vost. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
19. Samdan, ZV 2016, *Mif v folklornoy traditsii tuvintsev: (formy bytovaniya, syuzhetnyy sostav, sistema personazhey)* (Myth in the folklore tradition of Tuvinians: (forms of existence, plot composition, character system)), Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
20. Tadyшева, NO 2018, 'Otrazheniye kulta dereva v traditsionnom mirovozzrenii tyurkov Sayano-Altaya' (The reflection of the tree cult in the traditional world outlook of the Turks of the Sayan-Altai), *Tomsk State University Journal of History*, no. 51, pp. 118–123. (In Russ.)
21. Yusha, ZhM 2005, *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* (Ritual poetry of Tuvinians: structure and semantics), PhD thesis, Ulan-Ude. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 23.04.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

РЕЦЕНЗИИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 149–158.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 149–158.

Рецензия

УДК 94(35)+655.552

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-149-158>

**С ОПОЗДАНИЕМ О ДАВНО НЕОБХОДИМОМ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. К. НЕФЁДКИНА
«ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНИХ ПЕРСОВ».
М.: ЭКСМО: ЯУЗА, 2022. 272 С. (ЛУЧШИЕ ВОИНЫ В ИСТОРИИ)**

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. В рецензии рассматривается посвященная персидскому военному делу книга 2022 г., подготовленная известным исследователем А. К. Нефёдкиным. Рассматриваемое издание представляет собой собрание как новых, так и уже публиковавшихся очерков и статей, имеющих научный характер, но скомпонованных вместе и выпущенных как часть популярной книжной серии. В книге, выстроенной в соответствии с хронологическим и проблемным принципами, разбираются различные вопросы, связанные с военной сферой доахеменидского Ирана, державы Ахеменидов и государства Сасанидов. К их числу относятся проблемы отражения военного дела в отдельных малоизученных письменных памятниках, роль женщин в военной сфере жизни персидского общества, тактические, стратегические и организационные аспекты проведения военных кампаний, тактика пехоты и кавалерии, проблема преемственности между военным делом времен Ахеменидов и Сасанидов, специфика персидского военно-теоретического знания. Отмечается, что в процессе рассмотрения поднятых вопросов А. К. Нефёдкин опирается на данные античных и древневосточных письменных источников, отечественную и зарубежную научную литературу, часто и эффективно применяет сравнительно-исторический метод. Книга написана доступным языком, лишённым излишне сложных терминов и громоздких наукообразных оборотов. К числу недостатков может быть отнесено лишь отсутствие опоры на некоторые исследования. Констатируется, что издание позволяет получить представление о современном научном видении ключевых проблем персидского военного дела VI в. до н. э. – VII в. н. э., в связи с чем оно может быть полезно любителям древней истории, школьникам, студентам и практикующим исследователям.

Ключевые слова: персы, Ахемениды, Сасаниды, военное дело, тактика, стратегия, вооружение, рецензия.

Для цитирования: Клейменов А. А. С опозданием о давно необходимом. Рецензия на книгу А. К. Нефёдкина «Военное дело древних персов». М.: Эксмо: Яуза, 2022. 272 с. (Лучшие воины в истории) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 149–158. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-149-158>

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Клейменов А. А., 2024

Review
UDC 94(35)+655.552
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-149-158>

**BELATEDLY ABOUT A LONG-NEEDED.
BOOK REVIEW: 'VOENNOYE DELO DREVNIKH PERSOV'
(WARFARE OF THE ANCIENT PER-SIANS) BY ALEKSANDR K. NEFYODKIN
(EKSMO PUBL, YAUZA PUBL, MOSCOW, 2022, 272 P.)
(THE BEST WARRIORS IN HISTORY)**

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The review examines a book devoted to Persian military affairs, written by the famous researcher A. K. Nefyodkin in 2022. The book under review is a collection of both new and previously published scientific essays and articles, compiled and published as part of a popular book series. Structured according to chronological and problem-based principles, the book deals with various issues related to the military sphere of pre-Achaemenid Iran, the Achaemenid power and the Sassanian dynasty. Among these problems are the reflection of military affairs in certain little-studied written monuments, the role of women in the military life of Persian society, tactical, strategic and organizational aspects of military campaigns, infantry and cavalry tactics, the problem of continuity between military affairs of the Achaemenid and Sassanid times, the specifics of the Persian military theoretical tradition. In addition to the new material, the book actively uses previously published by the author, developments, most of which have been updated. The review notes that in the process of considering the issues raised, A. K. Nefyodkin relies on the data of ancient and ancient Oriental written sources, Russian and foreign scientific literature, often and effectively applies the comparative-historical method. The book is written in an accessible language, without complex terms and cumbersome scientific phrases. Among the drawbacks is the lack of reliance on some studies. The author of the review states that the book allows you to get an idea of the modern scientific understanding of the key problems of Persian military affairs in the 6th century BC – 7th centuries AD. Thus, it can be useful for enthusiast of ancient history, students and researchers.

Keywords: Persians, Achaemenid dynasty, Sassanids, warfare, tactics, strategy, weaponry, book review.

For citation: Kleymeonov, AA 2024, 'Belatedly about a Long-needed. Book Review: 'Voennoye Delo Drevnikh Persov' (Warfare of the Ancient Persians) by Aleksandr K. Nefyodkin (Eksmo publ, Yauza publ, Moscow, 2022, 272 p.) (The Best Warriors in History)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 149–158, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-149-158> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander A. Kleymeonov* – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the History and Archeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Kleymeonov A. A., 2024

Не секрет, что в отечественной исторической литературе есть темы как сравнительно популярные, так и обделенные вниманием. Последние нечасто попадают в поле зрения серьезных исследователей и, не получая должного отображения на страницах официальных изданий, во всей «красе» раскрываются перед аудиторией в неисчислимых и, лишь за единичными исключениями, крайне сомнительных текстах и видеороликах, заполняющих Всемирную сеть. К такой «небезучей» проблематике можно отнести военное дело некоторых древних народов, которое интересует немалое число любителей истории, но упорно игнорируется специалистами. Именно так обстоит дело с военной сферой жизни Древней Персии, которая редко получает освещение в научных и научно-популярных книгах отечественных авторов. Особо печальна ситуация с персидским военным делом времен Ахеменидов, так как помимо немногочисленных узкотематических научных статей [1; 15; 16; 17] в распоряжении русскоязычного читателя есть лишь отдельные очерки в составе книг, специально военному искусству и вооруженным силам персов не посвященных [2, с. 228–242; 19, с. 20–36]. Данная ситуация не просто прискорбна, но и по-настоящему удивительна, особенно при учете более лучшего освещения в новейших отечественных работах военного дела персов эпохи Сасанидов¹. Все перечисленное не дает обойти вниманием книгу «Военное дело древних персов», вышедшую в 2022 году в научно-популярной серии «Лучшие воины в истории» издательства «Яуза», тем более что ее автором является известный исследователь военного дела древности доктор исторических наук Александр Константинович Нефёдкин.

Структура рассматриваемой книги выстроена в соответствии с проблемным и хронологическим принципами. Лаконичное введение (с. 8–12) вполне традиционно и содержит краткий обзор источников и знаковых научных трудов. Здесь же отмечены главные решаемые в издании задачи, заключающиеся в освещении проблем организации и функционирования персидской армии, а также в рассмотрении некоторых аспектов военной идеологии. Первая глава книги, получившая название «Иранцы ранней эпохи» и посвященная, соответственно, военной истории доахеменидского периода, открывается небольшим по объему (с. 18–25) параграфом «Военное дело иранцев по данным “Сказания о Зарере”». В нем на базе анализа материалов эпического сказания при их последовательном сопоставлении с сообщениями античных авторов констатируется, что основной блок представленных в произведении сведений, касающихся военной практики, отображает реалии первой четверти I тыс. до н. э., на которые, согласно предположению А. К. Нефёдкина, могли наслоиться более поздние сасанидские интерпретации (с. 25). Данный раздел можно считать удачным началом основной части книги, так как он не только раскрывает перед читателем малоизвестные аспекты военного дела иранцев, но и демонстрирует методику научного анализа художественного произведения. Сам представленный материал не был создан непосредственно для «Военного дела древних персов» и согласно содержащемуся прямому указанию (с. 18) ранее публиковался в сборнике 2005 г. [9]. Здесь необходимо отдельно отметить, что вся рецензируемая книга представляет собой собрание как новых, так и уже публиковавшихся очерков и статей, имеющих научный характер, но скомпонованных вместе и выпущенных как часть популярной книжной серии. Нет никаких оснований считать подобный путь создания книги предосудительным: даже при учете того, что некоторые материалы ранее обнародовались, повторное их использование можно считать в полной мере оправданным и тематическим соответствием, и общей направленностью издания. Последнее нацелено на широкую аудиторию, большая часть которой не знакома с содержанием журналов, выпущенных, как правило, ограниченным тиражом и не всегда представленных во Всемирной сети. Также следует отдать должное А. К. Нефёдкину и отметить, что подобный материал в большинстве случаев был им актуализирован.

К сожалению, ранняя публикация, отраженная в первом параграфе, не подверглась доработке, и это можно считать определенным недостатком, так как с момента выхода соответствующей статьи автора вышли работы, несколько расширяющие представления о связях преданий о Зарере с ранней иранской традицией [21, с. 274–275] и, что особенно досадно, в целом подтверждающие сформулированные А. К. Нефёдкиным выводы.

Следующий параграф, также имеющий в основе более раннюю публикацию [10], в данном случае уже несколько измененную, посвящен такой важной, но не освященной в отечественной науке проблеме, как роль женщин в военной сфере жизни Древней Персии. Приводимый материал лишь приблизительно встроен в структуру главы, так как фактически представляет собой очерк, немногим связанный с доахеменидской историей Ирана и преимущественно рассматривающий поднимаемый вопрос в широкой исторической перспективе, охватывающей ахеменидский, парфянский и сасанидский периоды. Подобноевольное обращение со структурой работы уже в первой главе может несколько запутать читателя, что, впрочем, не мешает оценить наполнение параграфа как весьма ценное. В нем на основании исследования древнеиранских и греко-римских письменных памятников и при опоре на произведения изобразительного искусства в общих чертах рассмотрены роль женщин в военной сфере жизни кочевых иранских сообществ (с. 26) и рассказы о персидских воительницах в легендарной традиции (с. 26–27), дана развернутая характеристика места женщин в военной практике ахеменидского и сасанидского времени (с. 30–39). Ограниченность имеющихся сейчас сведений А. К. Нефёдкин компенсирует посредством эффективного и вполне корректного использования сравнительно-исторического метода. В частности, после упоминания присутствия возглавлявших войска правительниц в истории древней Карики (с. 28–29) А. К. Нефёдкин не пытается экстраполировать это явление на все ближневосточное пространство и избегает грубых натяжек, характерных для некоторых современных работ². На основании анализа разнообразных свидетельств автор приходит к оправданным выводам, подразумевающим, что в Персии женщины сопровождали армию в качестве обозной прислуги и спутниц мужчин, иногда представительницы прекрасного пола привлекались к участию в боевых действиях, однако последнее имело место лишь в чрезвычайных обстоятельствах (с. 38–39).

Наиболее объемная и по своей сути основная глава посвящена военному делу времен Ахеменидов. Открывается она большим очерком «Армия в кампании», который ранее не публиковался и представляет собой комплексный обзор военной организации и методики ведения войны ахеменидской эпохи. Сколь-нибудь близких аналогов в отечественной литературе он не имеет. Здесь подробно характеризуется система комплектования вооруженных сил и их структура (с. 44–64), организация стратегической и тактической разведки (с. 64–69), особенности подготовки военных походов (с. 69–78). Весьма обстоятельны содержащиеся далее описания принципов ведения военных кампаний (с. 78–82), тактики действия персидских войск в открытых полевых сражениях (с. 82–96). Мало того, А. К. Нефёдкин нашел возможность обратиться к персидскому осадному делу (с. 96–103), военной сигнализации (с. 103–106), организации обозов (с. 106–114), обустройству войсковых лагерей (с. 114–118), методике преодоления водных препятствий и флоту державы Ахеменидов (с. 118–126). Завершается параграф рассказом об обычаях ведения войны, имеющим, помимо прочего, явное историко-антропологическое преломление (с. 126–137). Ценной чертой всего раздела является системный подход к исследованию основных компонентов ахеменидской военной практики. Второй параграф представляет собой актуализированную статью 2018 г., посвященную тактике персидской пехоты в первой половине V в. до н. э. [13]. Отталкиваясь от свидетельств Геродота, Ксенофонта и

других античных авторов, археологических данных и памятников изобразительного искусства, А. К. Нефёдкин характеризует костюм и вооружение персидских пехотинцев (с. 138–140), принципы их боевого построения и тактики, основанной на использовании больших плетеных щитов и метательного вооружения (с. 141–149). Кроме того, уделяется внимание проблеме исторических корней подобной манеры ведения пехотного боя, ее трансформации и исчезновению (с. 150–151). В определенном смысле недостатком можно назвать лишь отсутствие опоры на классические для отечественной исторической науки исследования [18; 20, с. 138–141] при характеристике эффективности персидских луков, а также игнорирование при обращении к проблеме персидских плетеных щитов статьи М. В. Горелика [1], которую А. К. Нефёдкин использует в других местах книги. Учитывая направленность издания на русскоязычную аудиторию, отсылка к этим вполне доступным материалам явно не стала бы лишней.

В следующем параграфе³ автор рассматривает развитие тактики персидской конницы от эпохи, предшествующей ахеменидской военно-политической экспансии, до времен завоеваний Александра Великого. Сделанные в очерке выводы о наличии среди персидских всадников V в. до н. э. значительного числа лучников (с. 155–161) и их замене в IV в. до н. э. кавалеристами, экипированными копьями-пальтонами (с. 161–162), вполне убедительны. А. К. Нефёдкину удалось проследить зависимость между распространением нового вида оружия и изменением боевых порядков (с. 163–164), выявить связь этой трансформации с социально-экономическими факторами, предопределившими снижение боевых качеств значительной части личного состава (с. 165–166). Примечательно, что автор не ограничивается одним весьма заманчивым объяснением и ниже отмечает зависимость перехода персидской конницы к более тяжелому вооружению от практики противостояния грекам, сделавшей более востребованными ударные качества кавалерии (с. 167). Не отрицая ценность полученных выводов, можно заметить, что имеется возможность их развития. В частности, согласившись с выявленной А. К. Нефёдкиным связью между ростом ударного значения персидской кавалерии и внедрением пехоты, схожей вооружением с балканскими пельтастами (с. 167), можно обратить внимание на значимость еще одного фактора, способствовавшего переходу персов от тактики дистанционного боя к более решительным атакующим действиям. Речь идет об инкорпорировании в состав вооруженных сил державы Ахеменидов такой мощной ударной силы, как наемные греческие гоплиты, которых стало особенно много именно в IV в. до н. э. [23, с. 231–235; 25, с. 219–222; 26, с. 7–8].

Завершается глава узкотематическим очерком, представляющим собой преобразованную версию статьи, опубликованной А. К. Нефёдкиным еще в 1998 г. [12]. Здесь представлен анализ изображения сцены боя на золотой обложке ножен акинака, найденной в датируемом второй половиной IV в. до н. э. Чертомлыкском кургане. Отмечая наличие различных интерпретаций (с. 173), автор подробно разбирает представленные на артефакте образы греков и их «варварских» противников, уделяя внимание одежде, защитной экипировке, вооружению, предметам конной упряжи. Сравнивая сцену битвы с другими памятниками искусства, античными сообщениями и археологическим материалом, А. К. Нефёдкин приходит к выводу, что на обложке ножен показан бой эллинов с персами. Отталкиваясь от времени создания памятника и изображения длинных копий у варварских всадников, автор указывает на возможность связи сцены с событиями времен Восточного похода Александра Македонского и битвой при Гавгамелах, в преддверии которой Дарий III провел перевооружение своих войск и внедрил более длинные кавалерийские копья (с. 179–183). Оценивая изложенную позицию, необходимо отметить хорошую аргументированность выводов А. К. Нефёдкина о характере военных преобразований Дария III и

оправданность указаний на схожесть деталей изображения из Чертомлыка с содержанием «Саркофага Абдалонима» и греко-персидских гемм, однако предположение об отражении в анализируемой батальной сцене результатов реформ Дария действительно можно считать лишь гипотезой, имеющей немало слабых сторон, отдельные из которых, что важно, отмечены самим исследователем (с. 183). Остается добавить, что от сцен вооруженного противостояния греческих гоплитов и варваров, отраженных в произведениях эллинского искусства, сложно ждать документальной точности, так как подобное противоборство было, прежде всего, устойчивым культурным шаблоном, эволюционировавшим и воплощавшимся в конкретных произведениях без тесной связи с реальной практикой [23, с. 237].

Третья глава «Военное дело персов Сасанидской эпохи (III – VII вв.)» имеет более скромный объем и отражает отдельные примечательные вопросы иранской военной истории обозначенного периода. Первые два параграфа тесно связаны друг с другом. Один из них представляет собой репрезентацию статьи 2014 г., посвященной выявлению влияния военных традиций Ахеменидской державы на практику сасанидской эпохи [14]. Здесь на основании сравнения информации о персидской практике разных времен автор отмечает связь сасанидского и ахеменидского военного дела в области организации войска и в принципах боевого построения (с. 185–187), указывает на схожие черты в пехотном вооружении (с. 187–188), применении лучников, конницы и элефантерии (с. 188–192). Примечательно, что, заостряя внимание на выявляемых сходствах, А. К. Нефёдкин отделяет частное от общего и справедливо отмечает фундаментальные различия отделенных огромной хронологической дистанцией военных систем. Вслед за этим очерком помещен небольшой параграф «Еще раз о континуитете в военном деле Сасанидского Ирана» (с. 194–199), созданный в ответ на публикацию В. А. Дмитриева [5], критически рассматривающую упомянутую выше статью. А. К. Нефёдкин по пунктам отвечает на замечания оппонента, отстаивая ранее приведенные аргументы о наличии преемственности между отдельными элементами персидских военных систем времен Ахеменидов и Сасанидов. Излишне не вдаваясь в подробности дискуссии, заметим, что, обосновывая собственную позицию, автор активно опирается и на материал источников, и на наработки ведущих исследователей. Предполагается, что особо убедительно А. К. Нефёдкин отстаивает свое мнение о преемственности в практике использования трубных сигналов, которую В. А. Дмитриев оценил как заимствованную у римлян (с. 196). Она действительно фиксируется как часть ахеменидского военного обихода благодаря упоминаемым А. К. Нефёдкиным отрывкам из сочинений Ксенофонта и Курция Руфа. Соглашаясь с доводами автора, также можно отметить, что подача сигналов с помощью труб присутствовала еще в ветхозаветные времена (Исх.10: 3–4). Не лишено оснований и указание А. К. Нефёдкина на связь сасанидской практики боевого применения слонов именно с эрой Ахеменидов, а не с эллинистической эпохой (с. 197–198), хотя аргументы автора, к сожалению, не учитывают интересный материал некоторых современных публикаций⁴. Весь раздел написан в остром полемическом ключе и местами достаточно эмоционален (с. 194, 198), однако считать его нарушающим нормы научно-публицистической речи нельзя. Сам материал для любителей истории может быть не только занимательным, но и полезным, так как наглядно показывает, в каких напряженных дискуссиях рождается настоящее историческое знание.

Третий параграф воспроизводит ранее уже публиковавшийся А. К. Нефёдкиным в 2010 г. [8] обзор сочинения Фавстоса Бузанда «История Армении» как источника по военному делу персов и армян (с. 200–205). Для отечественной и мировой историографии очерк, целостно характеризующий освещение в обозначенном письменном памятнике различных аспектов военной организации, вооружения, тактики

и стратегии указанных народов, является уникальным. Анализ данных армянского историка V в. сопровождается сравнением с материалом иных источников и имеющимися в научной литературе наработками, позволяя читателю не только ознакомиться с особенностями неизвестного широкой аудитории исторического сочинения, но и облегчает использование его информации в учебной или исследовательской деятельности. Не вызывает никаких сомнений оправданность заключения А. К. Нефёдкина о схожести тактики персов и армян, а также выводов о сочетании в «Истории Армении» достоверных данных и сугубо литературных элементов (с. 212). Необходимо признать самостоятельную ценность завершающего третью главу очерка сасанидской военной теории (с. 212–220), который не имеет в отечественной историографии аналогов за исключением одной из статей К. А. Иностранцева [6]. Этот материал, по сути, выступает своеобразным дополнением к знаковым для отечественной исторической науки книгам В. А. Дмитриева, где обозначенные аспекты специально не выделяются. Начиная очерк с краткого анализа проблемы формирования персидского военно-теоретического знания в эпоху Ахеменидов, А. К. Нефёдкин рассматривает специфику отображения информации подобного рода в основных литературных сочинениях сасанидского времени, приходя к обоснованным выводам о настоящем расцвете военно-теоретического жанра, обусловленном общим взлетом персидской письменной культуры (с. 219). Автор прослеживает влияние персидской военной теории на сасанидскую практику ведения войны, а также на военное искусство исламского мира, тем самым показывая значимость этого малоизвестного компонента древневосточного литературного наследия.

Говоря о рецензируемой книге в целом, необходимо констатировать, что перед нами результат занявших несколько десятилетий исследований разных аспектов персидского военного дела. Дополнительным подтверждением этого является обширный перечень использованных автором источников и научных публикаций, сделавший бы честь даже сугубо академическому изданию. Обращая внимание на иные сильные стороны книги, отдельно стоит отметить стиль изложения. «Военное дело древних персов» написано вполне доступным и понятным языком, лишенным излишне сложных терминов, а также столь любимых многими отечественными исследователями нарочито наукообразных лексем и громоздких оборотов. Вместе с тем А. К. Нефёдкин не прибегает и к упрощенной вульгаризированной речи, которую часто используют ориентированные на заигрывание с интернет-аудиторией популяризаторы науки нового поколения, тем самым способствуя профанации научного знания как такового. Выбрав действительно оптимальный литературный стиль, автор достигает главного результата – изложенный в «Военном деле древних персов» материал воспринимается легко при сохранении постоянного осознания того, что имеешь дело именно с выверенными научными данными. Единственным компонентом, которого может не хватить современному избалованному читателю, можно назвать изобразительные реконструкции облика персидских воинов. Это обстоятельство в книге объяснено: автор в вводной части отметил, что нет особой необходимости подробно рассматривать в представленном издании одежду и вооружение, которые «достаточно хорошо освещены в западной историографии» (с. 12).

Подытоживая, заметим, что книга А. К. Нефёдкина успешно решает те задачи, что были обозначены автором во введении. Отражающее как уже ранее приводившиеся выводы и концепции, так и новые научные наработки, «Военное дело древних персов» позволяет читателю и получить представление о современном научном видении ключевых проблем персидского военного дела в VI в. до н. э. – VII в. н. э., и найти точку опоры для проведения самостоятельных изысканий. Рецензируемая книга, несмотря на ее выход в популярной серии, носит научный характер и потому будет полезна не только школьникам, студентам-историкам и разнообразным люби-

телям древней и военной истории, но и уже состоявшимся практикующим исследователям.

Примечания

1. Прежде всего здесь следует упомянуть труды псковского исследователя В. А. Дмитриева [3; 4].
2. В качестве одного из наиболее показательных примеров можно упомянуть концепцию французской исследовательницы В. Себиллот Кюше, использовавшей данные о деятельности карийских правительниц Артемисии II и Ады как подтверждение тезиса об активном участии греческих (!) женщин в войнах архаического и классического периодов [25, с. 243–244].
3. Раздел представляет собой подвергнувшуюся значительной актуализации статью, русскоязычный вариант которой был опубликован еще в 1999 г. [11].
4. Следует упомянуть статью М. Б. Чарльза, где показано, что введение в сасанидский военный обиход элфантирии имело в том числе символическое значение, так как олицетворяло возрождение персидской мировой державы [20, с. 303–305, 340–341].

Список источников и литературы

1. Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян Ахеменидского времени // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 90–106.
2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980. 416 с.
3. Дмитриев В. А. Военный флот Сасанидов. СПб.: Евразия, 2019. 160 с.
4. Дмитриев В. А. Воины Ахурамазды: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Евразия, 2018. 400 с.
5. Дмитриев В. А. К вопросу об «ахеменидских традициях» в военном деле Сасанидского Ирана // Псковский военно-исторический вестник. 2015. Вып. 1. С. 34–42.
6. Иностранцев К. А. Сасанидская военная теория // Para bellum. 2003. № 3 (19). С. 7–38.
7. Нефёдкин А. К. Военное дело древних персов. М.: Эксмо: Яуза, 2022. 272 с.
8. Нефёдкин А. К. Военное дело персов и армян в «Истории Армении» Фавстоса Бузанда // Para Bellum. 2010. № 32. С. 21–34
9. Нефёдкин А. К. Военное дело иранцев по данным «Сказания о Зарере» // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года) / отв. ред. В. П. Никонов. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 138–140.
10. Нефёдкин А. К. Древнеперсидская женщина на войне // Stratum plus. 2010. № 3. С. 131–139.
11. Нефёдкин А. К. Развитие тактики персидской конницы Ахеменидов // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: Сборник научных статей / отв. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 20–32.
12. Нефёдкин А. К. Сцена боя на золотой обложке ножен акинака из Чертомлыка и военная реформа Дария III: к вопросу об интерпретации изображения // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы научной конференции. СПб.: Гос. музей истории религии, 1998. С. 71–76.
13. Нефёдкин А. К. «Множество стрел закроет солнце»: тактика персидской пехоты в первой половине V в. до н.э. // Scripta antiqua. 2018. Т. 7. С. 62–75.
14. Нефёдкин А. К. Традиции персидского военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 185–192.
15. Нечитайлов М. В. Конница Ахеменидской державы во второй половине V в. до н.э. // Para Bellum. 2002. № 14. С. 19–36.
16. Нечитайлов М. В. Полевая армия ахеменидской Малой Азии: битва при Гранике // Военно-исторический журнал «Воин». 2011. № 15. С. 2–12.
17. Сланов А. А. Персидская фортификация и полиоркетика // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2014. № 1. С. 62–66.

18. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966. С. 29–44.
19. Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка, 1984. 117 с.
20. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 167 с.
21. Charles M. B. The Rise of the Sassanid Elephant Corps: Elephants and the later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 301–346.
22. Davidson O. M. Persian/Iranian Epic // *A Companion to Ancient Epic* / ed. J. M. Foley. Malden–Oxford: Blackwell, 2005. P. 264–276.
23. Lissarrague F. L'autre guerrier: archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris: Éditions La Découverte ; Rome: École Française de Rome, 1990. 326 p.
24. Rop J. Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 265 p.
25. Sebillotte Cuchet V. The Warrior Queens of Caria (Fifth to Fourth Centuries BCE): Archeology, History, and Historiography // *Women & War in Antiquity* / ed. J. Fabre-Serris, A. Keith. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. P. 228–244.
26. Seibt G. F. Griechische Söldner im Achaimenidenreich. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1977. 236 p.
27. Trundle M. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. London; New York: Routledge, 2004. 196 p.

References

1. Gorelik, MV 1982, 'Zashchitnoye vooruzheniye persov i midyan Akhemenidskogo vremeni' (Defensive Armour of the Persians and Medes in the Achaemenid Period), *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History), vol. 3, pp. 90–106. (In Russ.)
2. Dandamayev, MA & Lukonin, VG 1980, *Kultura i ekonomika drevnego Irana* (Culture and economy of Ancient Iran), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Dmitriyev, VA 2019, *Voennyi flot Sasanidov* (The Sassanid Navy), Yevraziya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
4. Dmitriyev, VA 2018, *Voiny Akhuramazdy: Voennoye delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh voyn* (The Warriors of Ahura Mazda: Warfare of Sasanian Iran and the history of the Roman-Persian Wars), Yevraziya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Dmitriyev, VA 2015, 'K voprosu ob "akhemenidskikh traditsiyakh" v voennom dele Sasanidskogo Irana' (The Problem of the "Achaemenid Traditions" in Warfare of Sasanian Iran Revisited), *Pskovskiy voenno-istoricheskiy vestnik* (Pskov Military Historical Bulletin), vol. 1, pp. 34–42. (In Russ.)
6. Inostrantsev, KA 2003, 'Sasanidskaya voennaya teoriya' (Sasanian military theory), *Para bellum*, vol. 3 (19), pp. 7–38. (In Russ.)
7. Nefyodkin, AK 2022, *Voennoye delo drevnikh persov* (Warfare of the ancient Persians), Eksmo publ, Yauza publ, Moscow. (In Russ.)
8. Nefyodkin, AK 2010, 'Voennoye delo persov i arмян v "Istorii Armenii" Favstosa Buzanda' (The Warfare of the Persians and Armenians in the "History of Armenia" by Faustos Buzand), *Para bellum*, vol. 32, pp. 21–34 (In Russ.)
9. Nefyodkin, AK 2005, 'Voennoe delo irantsev po dannym "Skazaniya o Zarere"' (The Warfare of the Iranians according to the "Legend of Zarere"), *Tsentralnaya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, ehtnologiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchenoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo* (Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: archaeology, history, ethnology, culture. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of Alexander Markovich Belenitsky birth), 2-5 November, St. Petersburg, ed. V.P. Nikonorov, IIMK RAN publ, St. Petersburg, pp. 138–140. (In Russ.)
10. Nefyodkin, AK 2010, 'Drevnepersidskaya zhenshchina na voyne' (The ancient Persian woman at war), *Stratum plus*, vol. 3, pp. 131–139. (In Russ.)

11. Nefyodkin, AK 1999, 'Razvitiye taktiki persidskoy konnitsy Akhemenidov' (The evolution of the tactics of the Achaemenid Persian cavalry), *Drevniye i srednevekovyye tsivilizatsii i varvarskiy mir: Sbornik nauchnykh statey* (Ancient and medieval civilizations and the barbaric world. Collection of scientific articles), ed. A. A. Kudryavtsev, Izd-vo SGU publ, Stavropol, pp. 20–32. (In Russ.)
12. Nefyodkin, AK 1998, 'Stseny boya na zolotoy obkladke nozhen akinaka iz Chertomlyka i voennaya reforma Dariya III: k voprosu ob interpretatsii izobrazheniya' (The battle scene on the golden plate of the acenaces scabbard from Chertomlyk and the military reform of Darius III: on the question of interpretation of the image), *Bosporskoye tsarstvo kak istoriko-kulturnyy fenomen: Materialy nauchnoy konferentsii* (The Bosporan Kingdom as a historical and cultural phenomenon. Proceedings of the scientific conference), December, Gos. muzey istorii religii publ, St. Petersburg, pp. 71–76. (In Russ.)
13. Nefyodkin, AK 2018, 'Mnozhestvo strel zakroyet solntse': taktika persidskoy pekhoty v pervoy polovine V v. do n.e.' ("A lot of arrows close the sun": tactics of the Persian infantry in the first half of the 5th century BC), *Scripta antiqua*, vol. 7, pp. 62–75. (In Russ.)
14. Nefyodkin, AK 2014, 'Traditsii persidskogo voennogo dela ehpkhi Akhemenidov v Sasanidskom Irane' (Traditions of Persian warfare of the Achaemenid era in Sasanian Iran), *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* (Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World), vol. 14, Izd-vo SPbGU publ, St. Petersburg, pp. 185–192. (In Russ.)
15. Nechitaylov, MV 2002, 'Konnitsa Akhemenidskoy derzhavy vo vtoroy polovine V v. do n.e.h.; (The cavalry of the Achaemenid empire in the second half of the 5th century BC), *Para bellum*, vol. 14, pp. 19–36. (In Russ.)
16. Nechitaylov, MV 2011, 'Polevaya armiya akhemenidskoy Maloy Azii: bitva pri Granike' (The Field Army of Achaemenid Asia Minor: The Battle of the Granicus), *Voenno-istoricheskiy zhurnal "Voin"* ("Warrior". Military historical journal), vol. 15, pp. 2–12. (In Russ.)
17. Slanov, AA 2014, 'Persidskaya fortifikatsiya i poliorketika' (Persian fortification and polioreticon), *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, vol. 1, pp. 62–66. (In Russ.)
18. Khazanov, AM 1966, 'Slozhnyye luki evraziyskikh stepey i Irana v skifo-sarmatskuyu epokhu' (Complex bows of the Eurasian steppes and Iran in the Scythian-Sarmatian era), *Material'naya kul'tura narodov Srednej Azii i Kazakhstana* (The material culture of the nations of Central Asia and Kazakhstan), Nauka publ, Moscow, pp. 29–44 (In Russ.)
19. Chernenko, EV 1984, *Skifo-persidskaya voyna* (The Scythian-Persian War), Naukova dumka publ, Kiyev. (In Russ.)
20. Chernenko, EV 1981, *Skifskiye luchniki* (Scythian Archers), Naukova dumka publ, Kiyev. (In Russ.)
21. Charles, MB 2007, 'The Rise of the Sassanid Elephant Corps: Elephants and the later Roman Empire', *Iranica Antiqua*, vol. 42, pp. 301–346.
22. Davidson, OM 2005, 'Persian/Iranian Epic', *A Companion to Ancient Epic*, ed. J.M. Foley, Blackwell publ, Malden, Oxford, pp. 264–276.
23. Lissarrague, F 1990, *L'autre guerrier: archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique*, Éditions La Découverte publ, Paris, École Française de Rome publ, Rome. (In French)
24. Rop, J 2019, *Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE*, Cambridge University Press publ, Cambridge.
25. Sebillotte Cuchet, V 2015, 'The Warrior Queens of Caria (Fifth to Fourth Centuries BCE): Archaeology, History, and Historiography', *Women & War in Antiquity*, eds. J. Fabre-Serris, A. Keith, Johns Hopkins University Press publ, Baltimore, pp. 228–244.
26. Seibt, GF 1977, *Griechische Söldner im Achaimenidenreich*, Rudolf Habelt Verlag publ, Bonn. (In German)
27. Trundle, M 2004, *Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander*, Routledge publ, London, New York.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 24.06.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 159–171.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 159–171.

Рецензия

УДК 908

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«НАСЕЛЕНИЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ
ВОЙНАМИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКОВ И АНТРОПОЛОГОВ»,
ПОД ОБЩ. РЕД. О. В. ЗМЕЕВОЙ. М.: НАУКА, 2022. 366 С.**

***Татьяна Владимировна
Бауэр***

Петрозаводский государственный
университет
Петрозаводск, Россия, taty-lis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6572-2758>

Аннотация. Данная работа представляет собой рецензию на коллективную монографию, подготовленную сотрудниками Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Мурманского областного краеведческого музея. Исследование посвящено процессам формирования постоянного населения Кольского полуострова в сложный межвоенный период. В рецензии кратко представлено содержание пяти глав, объектом изучения в которых выступают различные социальные и профессиональные группы, сыгравшие значительную роль в ходе научно-промышленного освоения Кольского Севера и повлиявшие на формирование историко-культурной специфики края. Отличительными характеристиками рецензируемой монографии являются всестороннее раскрытие темы, обширная источниковая база с акцентом на уникальные архивные материалы и труднодоступные опубликованные источники, внимание как к макро-, так и микроисторическим сюжетам, акцентирование внимания на процессах формирования идентичности жителей северных территорий, а также конструирования образа Кольского Севера и истории края.

Ключевые слова: Кольский Север, 1920 – 1930-е годы, социальные группы, социокультурная динамика, индустриализация, фронтир, идентичность.

Для цитирования: Бауэр Т. В. Рецензия на коллективную монографию «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов», под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 159–171. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

Сведения об авторе: Т. В. Бауэр – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

© Бауэр Т. В., 2024

Review
UDC 908
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

**BOOK REVIEW: 'POPULATION OF THE KOLA PENINSULA
BETWEEN THE TWO WORLD WARS:
VIEW OF HISTORIANS AND ANTHROPOLOGISTS'
(ED. BY O. V. ZMEYEVA, MOSCOW: NAUKA, 2022. 366 P.)**

Tatyana V. Bauer

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia, taty-lis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6572-2758>

Abstract. The paper is a review of a collective monograph prepared by the staff of the RAS Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Center, the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and the Murmansk Regional Museum of Local History. The study highlights the processes of the resident population formation on the Kola Peninsula in the difficult interwar period. The review summarizes the contents of the five chapters. The objects of study in these chapters are various social and professional groups that played a significant role in the scientific and industrial development of the Kola North and influenced the formation of the historical and cultural specifics of the region. The distinctive characteristics of the peer-reviewed monograph are the comprehensive developing of the theme, the extensive source base with a focus on unique archival materials and hard-to-find published sources, attention to both macro- and microhistorical subjects, emphasis on the processes of identity formation of the inhabitants of the northern territories, as well as the construction of the Kola North image and the regional history.

Keywords: Kola North, 1920 – 1930s, social groups, socio-cultural dynamics, industrialization, frontier, identity.

For citation: Bauer, TV 2024, 'Book Review: 'Population of the Kola Peninsula Between the Two World Wars: View of Historians and Anthropologists' (ed. by O. V. Zmeyeva, Moscow: Nauka, 2022. 366 p.)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 159–171, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatyana V. Bauer* – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Petrozavodsk State University, 33, Lenina Av., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia.

© Bauer T. V., 2024

В 2022 году в издательстве «Наука» вышла коллективная монография, ставшая результатом плодотворного сотрудничества исследователей Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Мурманского областного краеведческого музея. Данная работа, подготовленная при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность», представляет интерес не только для специалистов в области истории, этнологии, антропологии и социологии, но и для широкого круга читателей, интересующихся региональными сюжетами и проблемами сохранения культурно-исторической памяти, а также локальной, этнической и региональной идентичности жителей Севера. Исследование посвящено процессам формирования постоянного населения Кольского полуострова в межвоенный период, характеризующийся административно-территориальными преобразованиями и интенсификацией индустриального развития северных территорий. В фокусе внимания исследователей оказываются миграционные процессы, а также проблемы адаптации, идентификации и взаимодействия различных социальных групп. В качестве объекта изучения авторы выбрали колонистов Мурманского побережья, строителей Мурманской железной дороги, саамов как представителей коренного населения, исследователей-«первопроходцев» и спецпереселенцев, т.е. те социальные и профессиональные группы, которые, по мнению исследователей, сыграли значительную роль в ходе научно-промышленного освоения Кольского Севера и повлияли на формирование историко-культурной специфики края [4, с. 12–13].

Идентификация России как северной державы, связанная, в том числе, с торгово-промышленным потенциалом Российского Севера [3, с. 104] актуализует проблему развития данного региона. Однако низкий удельный вес населения, отрицательная динамика численности жителей Мурманской области на 2023 год и закрепление данной тенденции, согласно демографическому прогнозу до 2036 года [9; 7], являются существенным препятствием для использования потенциала северных территорий. Поэтому обращение к советскому опыту освоения Кольского полуострова, предлагающему так называемую «модернизационную» модель колонизации, является необходимым условием для формирования продуманной стратегии развития региона. Исследование процессов освоения края, постепенной стабилизации населения с акцентом на изучение разного рода идентичностей в ретроспективном ключе актуально и с точки зрения корректировки современной политики конструирования как общегражданской, так и локальной идентичности жителей рубежных регионов, поскольку изменение их ценностных ориентаций, политических и геополитических установок, моделей поведения может создавать, как справедливо отмечают авторы, потенциальную угрозу для страны в целом [4, с. 9–10].

Достаточно широкий спектр проблематики, связанной с освоением Кольского Севера, демонстрируют, в частности, материалы областной научно-практической конференции, проведенной в Мурманске в 2015 г. [6]. Однако перечень обзорных исследований, посвященных данной теме, не так уж обширен. Рецензируемая монография в определенной степени продолжает традицию написания обобщающих работ по истории освоения Кольского Севера, заложенную советскими исследователями-краеведами [1; 2; 10] и подхваченную в постсоветский период [5; 8; 11; 12].

Исследование выполнено в рамках историко-антропологического подхода с опорой на теоретико-методологические наработки истории повседневности (труды А. К. Байбурина, Л. Н. Пушкаревой, Н. Рис и др.) и теорий коллективной исторической памяти и идентичности (работы П. Нора, Дж. Александера, Э. Хобсбаума и др.).

В плане проблематики и методологии наиболее важными и близкими для авторов, как отмечается во введении, являлись исследования, посвященные происходившим на Севере процессам модернизации, а также конструированию идентичности жителей северных территории и самого концепта Север [4, с. 11–12].

Заявленные в названии территориальные и хронологические рамки являются весьма условными во многом благодаря специфике как самой территории, так и временного промежутка. Так, фронтальный характер региона и хронологически обрамляющие описываемые в монографии события и процессы мировые войны, требуют осмысления происходившего во всесоюзном и международном контекстах, а экскурсы в предшествующий и последующие периоды позволяют проследить истоки и последствия социокультурных изменений, характерных для межвоенного периода, способствуя их более глубокому пониманию. Последнее особенно важно для читателей, незнакомых с логикой имевших место на региональном уровне процессов, однако в некоторых случаях раздвигание хронологических границ все же выглядит чрезмерным.

Несомненным достоинством работы являются разноплановый иллюстративный материал, расположенный на вклейке: это карты (в том числе составленные самими авторами), фотокопии документов (статистические таблицы, личная документация), а также фотографии, иллюстрирующие значимые события, архитектурный облик населенных пунктов, повседневную жизнь жителей Кольского полуострова и позволяющие воссоздать социальные портреты различных групп населения.

Введение открывается обзором истории региона, причем основное внимание уделяется происходившим на данной территории интенсивным административно-территориальным преобразованиям, которые, тем не менее, не разрушали историко-культурного единства Кольского Севера [4, с. 6–8]. Уделяется внимание терминологическому аппарату исследования, в частности, таким понятиям, как модернизация, специфика которой состояла в ведущей роли научного фактора, фронт, идентичность. Во введении представлен краткий обзор обширной источниковой базы, включающей неопубликованные материалы пяти федеральных и региональных архивов, а также разнообразные опубликованные источники, многие из которых относятся к труднодоступным, что, несомненно, повышает научную ценность монографии. Авторы активно использовали региональную периодическую печать, законодательные и нормативно-правовые документы, путевые очерки, краеведческую и этнографическую литературу, а также источники личного происхождения, что позволило, с одной стороны, проследить глобальные процессы, происходившие на Кольском Севере, а с другой – осуществить анализ на микроуровне с акцентом на изучение повседневной жизни населения и самоидентификацию различных социальных групп. О том, что тематика монографии вызрела в течение достаточно длительного времени, свидетельствует приведенный во введении список работ авторов, так и иначе связанных с проблемой освоения региона и формирования идентичности жителей Кольского полуострова [4, с. 10].

Первая глава монографии за авторством Е. А. Ореховой представляет собой классическое историческое исследование, посвященное колонизации Мурманского берега в межвоенный период. Оно основано на скрупулезно проработанной источниковой базе, включающей, прежде всего, архивные документы, статистические материалы и местную периодику. Исследование во многом построено с ориентацией на хронологический принцип: автор выделяет два этапа колонизации, которые, по сути, представляют собой две разные модели: т. н. «железнодорожную колонизацию» 1920-х гг. и сменившую ее в последующее десятилетие «социалистическую». Причем уделяется внимание и периоду 1914 – 1920 гг., в рамках которого закладывались идеи, ставшие фундаментом для грядущих колонизационных мероприятий, и эту

линию преемственности исследователь старается проследить на протяжении всей главы. С другой стороны, период 1920 – 1930-х гг. противопоставляется предшествующему на основании специфики колонизации, приобретшей плановый и централизованный характер и вписанной в общий процесс экономического освоения Севера [4, с. 74].

В рамках заявленных этапов внимание автора концентрируется на динамике численности колоний и их населения, изменениях, касающихся национального состава, планировании и осуществлении колонизационных мероприятий, основных проблемах, возникающих в ходе колонизации, в том числе и связанных с взаимоотношениями коренного и пришлого населения. Е. А. Орехова выявляет влияние смены внутривластных установок и изменений международной обстановки на ход колонизационной политики.

В качестве новых тенденций, характерных для первого этапа, автор выделяет образование колоний с преобладающим либо значительным саамским населением, появление городских колонистов и колонистских объединений, деятельности которых, как и деятельности факторий, уделяется большое внимание в рамках данной главы [4, с. 38–57]. При этом в 1920-е гг. прослеживаются также черты, сложившиеся еще на дореволюционном этапе, в частности, добровольность переселения и ориентация на уроженцев северных территорий [4, с. 58]. Однако, как показывает исследователь, начавшийся процесс деколонизации окраин, обострившиеся конфликты с соседними регионами по поводу вербовки переселенцев, продовольственные трудности, которые, по мнению властей, можно было решить за счет развития рыбной промышленности на Мурманском берегу, ориентация на развитие внешней торговли, а также изменения внутривластного курса повлияли на смену модели колонизации.

Особенностями нового этапа стали принудительный характер переселения, коллективные формы колонизации, упор на индустриализацию с искоренением частной инициативы, ограничение переселенцев по социальному признаку, вовлечение в орбиту коллективизации традиционного хозяйства местного населения, чистки по национальному признаку. Новые формы колонизации повлекли за собой и новые проблемы, в частности, связанные с необходимостью изолировать принудительно переселенных [4, с. 58–61]. Автор акцентирует внимание и на изменении национального состава в рамках данного периода, в частности, на росте русского населения и сокращении численности представителей других национальностей в результате ассимиляционных процессов, затронувших различные этнические группы, и депортации, коснувшейся финнов и норвежцев, что уничтожило последнюю специфическую черту колоний Мурманского берега – многонациональность. Итогом происходивших в стране процессов с ориентацией на унификацию и подчинение общей системе разнообразных групп населения стала, как констатирует исследователь, ликвидация статуса колонистов и самих колоний, на месте которых появились объекты военной инфраструктуры, в т. ч. и «закрытые» населенные пункты [4, с. 75].

В фокусе внимания автора второй главы, Е. Ю. Дубровской, оказываются строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны. Данный период представляет особый интерес для исследователя, занимающегося проблемами идентичности, поскольку не только Первая мировая, но и начавшаяся Гражданская война, и революционные события, потрясшие страну, оказали несомненное влияние на изменение системы ценностей и ориентиров населения, проживавшего либо оказавшегося волей судьбы в годы военного лихолетья на Кольском Севере.

Глава открывается историографическим обзором, охватывающим исследование, включающие анализ социально-политической ситуации на Севере России в го-

ды Первой мировой войны. Во вводной части приводятся также важные для автора теоретические работы, посвященные понятию идентичности. Здесь кратко охарактеризована и газета «Мурманский путь», издававшаяся дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги [4, с. 76–80]. Ценность данного источника, отразившего восприятие происходивших событий людьми, задействованными на строительстве магистрали, не вызывает сомнения. Однако стоит отметить, что автор, характеризуя пространство сооружения железнодорожного пути, связавшего Петроград с побережьем Баренцева моря, широко привлекает и другие периодические издания, а также разнообразные архивные материалы.

В центре оказывается изучение повседневной жизни как местного населения, в частности, жителей Терского берега и Карельского Поморья, так и различных категорий рабочих, привлеченных к строительству: от вольнонаемных выходцев из российских губерний до военнопленных германской и австро-венгерской армий. Погружению в пучину повседневной жизни, воссозданию ее целостной картины способствуют не только передающие личные впечатления и эмоции авторов воспоминания и жанрово разнообразные материалы периодики – от травелога до публикации, близкой по своей тональности фельетону, но и материалы сельских сходов и отчеты сенаторской ревизии.

Опираясь на материалы периодики, автор показывает, как конструируются идеализированный образ прошлого и характеризующийся экстремальными условиями существования образ настоящего, упоминая об инверсии оценок прошедшего и событий современности в последующие годы и корректировке и мифологизации прошлого в рамках большевистского дискурса [4, с. 90]. При анализе разнообразных материалов вскрывается не только оппозиция прошлого и настоящего, но и противопоставление «свой – чужой», «локальная – столичная идентичность» и т.п. Автор обращается к самым разнообразным сюжетам, показывая, как радужные ожидания трудовых мигрантов резко контрастируют с суровой реальностью [4, с. 82–89], как строительство магистрали, осмысляемой в качестве проводника русской православной культуры, становится в провинциальной публицистике своего рода инструментом борьбы с панфинским влиянием [4, с. 92–93]. Интересен и приводимый Е. Ю. Дубровской спектр оценок результатов строительства: от восторженных высказываний в столичной прессе, акцентирующих внимание на будущности края и формирующих иллюзию скорого использования туристического потенциала северных территорий, до трезвых и нелюбимых суждений специалистов-железнодорожников [4, с. 97–99].

Красной нитью через все исследование проходит мысль о том, что временный характер стройки не способствовал сплочению коллектива строителей железной дороги несмотря на то, что Мурманская магистраль обладала большим потенциалом для формирования региональной идентичности. Рабочие, как правило, не отождествляли себя с северным краем и действовали в своих интересах; они разнились в оценках явлений социально-экономической жизни региона с коренным населением, демонстрирующим специфическую береговую идентичность; их объединяла не гражданская идентичность и чувство долга, к которым пытались воззвать власти, а обида, разочарование и пессимизм обманутых людей, постоянное ощущение угрозы смерти, негативное отношение к военнопленным, задействованным на строительстве магистрали, и вообще ко всем этнически, а также социально чуждым [4, с. 82, 84, 99, 104, 108, 112, 116, 119–120, 130, 132–133].

Третья глава монографии, написанная О. А. Бодровой, посвящена саамам Экоостровского погоста в 1900 – 1930-х гг. Исследование открывается параграфом, воссоздающим этнографический портрет саамов Кольского полуострова в XIX – XX вв. Здесь автор перечисляет локальные группы саамов, приводит общую характеристику

поселений кольских саамов (погостов, или сийтов), их хозяйственных занятий, особенностей материальной и духовной культуры, языка. Затем исследователь характеризует локальную группу имандрских саамов, проживавших в Бабинском, Масельгском и Экоостровском погостах, расположенных вдоль крупнейшего водоема Кольского полуострова озера Имандра. Кроме специфики территории, их объединяют такие признаки, как общность экзоэтнонима в древнерусских источниках, языковая близость, единство эндогамного ареала, сходство хозяйственно-культурного комплекса, поэтому рассмотрение автором специфики хозяйственно-культурной жизни всей локальной группы на примере одного из погостов – Экоостровского – представляется вполне оправданным [4, с. 134–139].

При написании главы О. А. Бодрова опирается на архивные источники, опубликованные статистические сведения и отчеты, а также на разнообразные очерки – путевые, этнографические, краеведческие, справедливо расценивая их как своего рода полевые материалы. В работе задействованы также визуальные источники и картографические материалы. Автор углубляется в историю погоста вплоть до XVI в., определяет его локализацию с учетом перемещений, объясняя их причины, останавливается на этимологии названия. Исследователь и далее работает с языковыми данными, выявляя, в частности, отражение специфики традиционных занятий в топонимике [4, с. 154, 155]. Стоит отметить особое внимание автора к различиям, содержащимся в источниках. Так, характеризуя территориальное и социальное устройства погоста, О. А. Бодрова выявляет и объясняет картографические ошибки и путаницу в материалах переписи [4, с. 147, 149]. Микроисторический анализ включает не только характеристику погоста. Значительное внимание автор уделяет трем основным фамилиям экоостровских саамов и даже отдельным представителям рода, описывая состав их семей и скрупулезно воссоздавая представление об их семейных угодьях [4, с. 149–152].

Исследователь отмечает, что по сравнению с охотой и рыболовством оленеводство было слабо развито, хотя дикий олень играл одну из ведущих ролей в хозяйстве экоостровских саамов [4, с. 154–155]. Акцентируя внимание на бедности населения [4, с. 153], автор подчеркивает его способность к адаптации под экономические нужды погоста, проявляющуюся в освоении дополнительных промыслов, таких как судостроение, изготовление изделий из бересты, рубка леса и получении доходов от торговли. Свидетельством высокой степени мобильности и адаптивности к меняющимся социально-экономическим условиям являются также, по мнению О. А. Бодровой, второстепенные промыслы, такие как извоз, и новые занятия саамов, в частности, работа проводниками, сторожами-смотрителями на почтовых станциях и в станционных казармах. Устанавливая локализацию станционных казарм, автор отмечает, что именно они послужили причиной того, что погост сменил свое местоположение. А второстепенные промыслы и более частые контакты с русскими в связи с их развитием обусловили, с точки зрения исследователя, особый тип миграции имандрских саамов и более быстрый переход их к оседлому образу жизни. По сути, эти же причины привели и к утрате некоторых элементов традиционной культуры [4, с. 155, 161, 164–165].

Рассматривая Экоостровский погост в контексте административных преобразований 1920 – 1930-х гг. и появление железнодорожных и переселенческих поселков, автор отмечает, что переселенческая политика не была направлена на приведение саамов к оседлости, однако появление смешанного населения на бывших саамских территориях привело к возникновению комбинированного хозяйства, сочетавшего саамский и привнесенный элементы. При этом в 1920-е гг., несмотря на появление телеграфной сети и железной дороги, культура экоостровских саамов все еще оставалась традиционной [4, с. 167–168]. Окончательный переход к оседлости,

по наблюдениям исследователя, происходит в 1930-е гг., чему способствуют процессы индустриализации, урбанизации и коллективизации [4, с. 175–176]. Своего рода символом нового этапа становится фигура Калины Ивановича Архипова как первого оседлого саама. Представляют несомненный интерес рассуждения автора, развенчивающего миф о Калине Ивановиче как основателе Мончегорска. По мнению О. А. Бодровой, он выступает как проводник культурного героя, академика А. Е. Ферсмана, предстающего в некоторых источниках в качестве демиурга по отношению к данному городу, но при этом во многом поспособствовавшего романтизации и мифологизации образа Архипова [4, с. 171–173].

Следующая глава, написанная О. В. Змеевой, посвящена процессам урбанизации и индустриализации Кольского Севера. В центре внимания исследователя оказываются события, повлиявшие на формирование историко-этнографического профиля региона. Автор использует самые разнообразные опубликованные и неопубликованные источники, начиная от отчетов, докладов и речей и заканчивая воспоминаниями, а также произведениями детской литературы, как научно-популярной, так и художественной. Глава открывается кратким экскурсом в историю строительства железной дороги, который завершается тезисом о том, что временный характер стройки повлиял на формирование весьма непрочного коллектива строителей, часто действовавшего как совокупность временных социальных групп [4, с. 179]. Данный тезис раскрывается затем в последующих параграфах. Историографический обзор включает исследования, касающиеся мобилизации и использования рабочих, а также межэтнических взаимодействий [4, с. 179–181].

Автор подробно останавливается на проблемах, связанных с набором рабочей силы, и этапах ее привлечения [4, с. 182–189], дополняя сюжеты, изложенные во второй главе, точно так же как Е. Ю. Дубровская развивает отдельные наблюдения коллеги. Эту постоянную «переключку» авторских идей, характерную для всего текста, стоит признать несомненным достоинством монографии, связывающим ткань повествования в единое целое.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, О. В. Змеева рассматривает контроль и координацию как основные меры установления социального порядка среди разношерстного контингента строителей железной дороги и утверждает, что критерий группировки рабочих по их гражданской принадлежности был более существенным для установления социального порядка, интегрируя различные этнические общности в условную группу «русских», связанных общей задачей строительства магистрали [4, с. 190–191], хотя далеко не все, как демонстрируют наблюдения самого автора и Е. Ю. Дубровской, осознавали ее значимость. Как подчеркивает исследователь, социальный порядок в этих сложных условиях обеспечивался не только усилиями начальства и службы охраны, опиравшихся на разработанную нормативно-правовую базу, но и за счет традиций этнических групп, поддерживаемых руководством стройки [4, с. 192–194].

Следующие несколько параграфов посвящены образу Мурманска, реконструируемому на основе различных текстов, большинство из которых относится к современному периоду. Это, казалось бы, отступление от темы, тем не менее, органично встраивается в логику повествования об истории города и формирования идентичности мурманчан. Ключевые формулы локальной идентичности включают выделенные автором свойства города, типология которых (уникальные – специфические – уступающие), проиллюстрированная примерами, размещена для удобства восприятия в виде таблицы [4, с. 200–201]. Рассматривая полиэтничность как важнейшую характеристику города, отраженную, в том числе, и неофициальной микротопонимике, исследователь подчеркивает живучесть сюжетов о пребывании на месте будущего города коренного населения, отмечая, что сохранение и актуализация саамской

символики в догородской истории является результатом целенаправленной деятельности как самих горожан, так и специалистов [4, с. 210–211]. Временность как характеристика самой стройки и общности строителей распространяется, по наблюдениям О. В. Змеевой, и на образ молодого города, воспринимаемого приезжими как «временная стоянка людей» или «большая ночлежка», а амбивалентное отношение к Мурманску, выражаемое формулой «не город и не деревня» будет сохраняться вплоть до середины XX в. [4, с. 212–213]. При этом темпы строительства влияли, с точки зрения автора, на восприятие социального пространства и жителей города: пространство характеризовалось как неустоявшееся и неоформившееся, а жители воспринимались как географически и социально мобильные, что исторически определялось профессиональной спецификой мужского населения, связанного с морской деятельностью [4, с. 214–215].

Отдельный, казалось бы, вполне прозаический сюжет главы связан с геолого-минералогическими открытиями и освоением центральной части полуострова. Однако авторский подход к материалу и его интерпретации придает этому сюжету особый колорит. В фокусе внимания О. В. Змеевой оказывается фигура академика А. Е. Ферсмана, который рассматривается, прежде всего, не как выдающийся исследователь в области естественных наук, а как культурный герой и фактически творец местной истории. Предметом анализа выступает система представлений академика о производстве геологических исследований в центральной части полуострова в 1920 – 1930-е гг., которую О. В. Змеева предлагает рассматривать в рамках теории социального конструктивизма как миф об освоении Хибин, развиваемый его последователями и транслируемый последующим поколениям. Воспринимаемый как реальность, он служит, с одной стороны, важнейшим элементом идентичности северян, а с другой – основой для формирования историко-этнографического профиля региона [4, с. 217–220, 238]. В качестве рамочных событий этой истории исследователь предлагает рассматривать первую поездку А. Е. Ферсмана и формирование регионального научного сообщества, подчеркивая при этом их символическое значение [4, с. 223, 234–235]. Геологи, выступающие в роли краеведов и антропологов и контактировавшие, прежде всего, с саамами и железнодорожными рабочими, выполнявшими функции проводников, оказывались теми, кто фиксировал ценные сведения о жителях края, не воспринимаемого при этом вплоть до строительства городов как обитаемый, однако расцениваемого как имеющий огромные перспективы для создания нового социального мира [4, с. 229–232].

В фокусе внимания автора завершающей главы И. А. Разумовой оказывается проблема социально-культурной идентификации спецпереселенцев как категории населения, сыгравшей огромную роль в истории края. Глава открывается обстоятельным историографическим обзором, акцентирующим внимание на сложных вопросах, связанных с применяемой терминологией [4, с. 240–241], противоречиями в оценках истории спецпереселений [4, с. 244], а также перспективах исследования локальных историй с целью изучения проблемы вариантивности процесса спецпереселений [4, с. 242–243]. В качестве основного источника используются воспоминания, извлеченные из архивных фондов и малотиражных печатных изданий, что обуславливает их особую ценность и делает доступными широкому кругу читателей. Автор характеризует специфику воспоминаний, подчеркивает определенные сложности, возникающие при работе с ними (проблема атрибуции, принадлежность мемуаристов к разным поколениям, в том числе и тем, которые непосредственно не участвовали в событиях, что предполагает обращение к понятию постпамяти). В фокусе исследования оказывается, прежде всего, семейная память, в которой преломляется история государства и которая может стать национальным достоянием, пройдя процесс институализации [4, с. 245–247].

Описывая историю спецпереселений сквозь призму персональных биографий и семейных историй, автор выявляет ключевые моменты (события, мотивы, образы), характерные для семейного нарратива, начиная с выселения и заканчивая перечнем обстоятельств, при которых биографии приобретают нормализованное завершение, либо перечнем свидетельств «не завершенной» жизни [4, с. 248, 258–259]. И. А. Разумова показывает, как постепенно на фоне происходивших событий, изменений условий существования происходит трансформация идентичности: от осознания себя жертвой до формирования идентичности первостроителя, горожанина, жителя Севера [4, с. 258–259]. Подчеркивая роль семейного фактора в модернизации, автор уделяет особое внимание семейной идентичности. Акцентируя внимание на адаптивных стратегиях семьи и способах противостояния власти, исследователь приходит к выводу, что ценность семьи для данной категории населения оказывается важнее ценности свободы, а продолжение рода осмысливается в рамках семейной истории как «победный» результат этого противостояния [4, с. 262–265].

Рассматривая общность спецпереселенцев, автор выделяет ряд присущих данной категории свойств и сопутствующих обстоятельств. Отмечается, что государство меняло свои идентификаторы в зависимости от насущных интересов, но на самоидентификации спецпереселенцев это почти не сказывалось [4, с. 272–274]. Особый интерес представляет параграф, в котором на основе воспоминаний выделяются ключевые концепты, своего рода культурные маркеры общности спецпереселенцев, такие как страдание, правда, труд, честь и т.д., являющиеся важнейшими концептами национальной культуры. Здесь хочется отметить чуткий подход автора к материалу: воссоздавая коллективный портрет общности, исследователю удается на первый план выдвинуть личность с ее разнообразными переживаниями, страхами и надеждами [4, с. 274–286].

Параграф «Динамика социальных границ: биографическое изменение» во многом развивает тему формирования и трансформации идентичности спецпереселенцев, сосредотачиваясь на проблеме конфликта идентичностей прошлого и настоящего. Автор отмечает, что не всем спецпереселенцам удалось преодолеть социальную стигматизацию и принять новую идентичность «северян», «строителей города». Однако и те, кто принял ее, и те, кто не смог это сделать даже после официального упразднения категории спецпереселенцев оказались включенными в символическую общность бывших спецпереселенцев, общность «значим[ую], жертвен[ую], героическ[ую]», высоконравственную», такую, от которой невозможно дистанцироваться, отказавшись от данного статуса [4, с. 292].

Важным аспектом является рассмотрение процесса самоидентификации спецпереселенцев в системе отношений «свой – чужой (другой)», где «свои» (осужденные, ссыльные, инонационалы, а также учителя и преподаватели на месте прибытия) маркируются как «жертвы», а «чужие» (власть и ее исполнители, чаще всего представляющие в качестве непреодолимой обезличенной силы) – как «насильники», а коллективным объектом насилия выступает семья [4, с. 291–292, 300, 303, 315]. При этом в отношении первых автор уделяет большое внимание факторам сближения, а в отношении вторых – формам сопротивления спецпереселенцев и факторам, влияющим на степень негативизма в отношении к власти. Представляют особый интерес наблюдения исследователя, связанные с влиянием на восприятие конкретных обличенных властью персоналий статусно-ролевого и личностного факторов, в результате чего образ оценивался положительно, и даже мифологизировался, наделяясь чертами патрона, опекуна, наставника, как это произошло с С. М. Кировым. Как правило, так воспринимали людей, олицетворяющих центральную власть, но отвечающих на организацию управления на данной территории, а также представителей местной власти. При этом негативные ассоциации были связаны, прежде всего, с ис-

полнителями надзирающих и карательных функций [4, с. 306–308]. Причем мотивы поведения представителей власти в воспоминаниях чаще всего зависели, по мнению, мемуаристов, от личных качеств человека [4, с. 311].

Отдельно автор рассматривает взаимоотношения спецпереселенцев и прочих «свободных людей», у которых, в отличие представителей власти, была возможность выбора линии поведения (односельчан, «других» на месте прибытия), варьирующиеся от напряженных и отчужденных до дружеских и родственных, причем исследователь показывает, как в итоге граница между «вольными» и «невольными» сглаживается, а пребывание спецпереселенцев на территории Кольского Севера влияет на формирование его образа [4, с. 311–317].

В заключительном параграфе «Воссоздание общности: послесловие» автор отмечает, что переломными в отношении самоидентификации спецпереселенцев, которые на данный момент являются исторической и символической общностью, являются 1989 – 1991 гг., когда был принят ряд документов, признавших их жертвами режима, нуждающимися в реабилитации [4, с. 317–318]. Особое внимание уделяется формированию дискурса, в рамках которого говорят и пишут о спецпереселенцах, базирующегося на таких ключевых культурных концептах, как «память», «судьба», «семья», «род», субъектам, участвующим в формировании групповой идентичности «спецпереселенцев», а также неоднозначному отношению к спецпереселенцам в современном российском обществе [4, с. 320–324]. Чрезвычайно важным представляется заключение автора, солидаризирующегося с мнением П. Нора, о недопустимости перехода от «скромной» памяти к «обвиняющей» [4, с. 325], т. е., по сути, о гармонизации взаимоотношений в обществе, основанной на признании разных версий прошлого, но не допускающей радикализации взглядов, способствующей общественному расколу.

В заключении монографии основное внимание сосредотачивается на изменении положения Кольского Севера. Авторы еще раз подчеркивают ключевое значение в этом процессе строительства Мурманской железной дороги, а затем городов и промышленных объектов, что, в свою очередь, кардинально повлияло на судьбы старожилов Кольского полуострова. В качестве итогового вывода констатируется, что разные категории населения, сведенные волею судеб на этой территории, в рассматриваемый период еще не сформировали региональную общность, однако именно в это время начал создаваться образ Кольского Севера как «преображенной земли», созданной руками «первопроходцев» [4, с. 327].

Стоит отметить, что коллективу авторов удалось создать целостное повествование, описав, с одной стороны, глобальные события и процессы, а с другой – не упустив детали, крайне важные для историка, стремящегося понять, как люди реагировали на происходившие события, как они их воспринимали и оценивали. Заслуга исследователей состоит и в том, что они на страницах монографии не только воссоздают историю края в ее социальном и антропологическом измерении, но и показывают, как она конструируется усилиями отдельных знаковых личностей, а также социальных групп, предлагающих свое видение и свою интерпретацию происходивших событий, которая во многом служит для ориентации в настоящем. И эта палитра версий позволяет как историкам, утратившим иллюзию достижения истины, так и широкому кругу читателей, интересующихся самыми разными вопросами – от локальной истории и истории повседневности до проблем, связанных с коллективной памятью и формированием идентичности, обогатить свое представление о прошлом. По сути, данная монография является прекрасным примером того, как новые научные подходы помогают изменить формат исследования, выводя его за рамки чисто событийной истории в ее социальном измерении. При этом хотелось бы надеяться, что актуальность исследования обеспечит его востребованность не только

в научных кругах, но и на политико-административном уровне при разработке конкретных программ освоения северных территорий, эффективность которых зависит, в том числе, и от учета советского опыта.

Список источников и литературы

1. Двинин Е. А. Край, в котором мы живем. Мурманск: Кн. изд-во, 1966. 242 с.
2. Киселев А. А. Родное Заполярье: Очерки истории Мурманской области (1917 – 1972 гг.). Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 511 с.
3. Маркушина Н. Ю. Внешние связи Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 102–111.
4. Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с.
5. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI – XVIII вв. СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
6. Освоение Кольского Севера: эволюция процесса, 2-я пол. XIX – нач. XXI вв. : к 155-летию начала колонизации Мурманского берега Кольского полуострова : материалы обл. науч.-практ. конф., 27 ноября 2015 г., г. Мурманск / сост. С. А. Заборщикова. Мурманск: РУСМА, 2015. 92 с. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/confern/sbornik-koloniz.pdf> Доступ на сайте Гос. архива Мурманской обл.
7. Основные показатели воспроизводства населения по Мурманской области до 2045 года (средний вариант прогноза от базы на начало 2023 года) // Мурманскстат: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Мурманской обл. : офиц. сайт. Дата размещения: 16.01.2024. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222319> .
8. Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман. Очерки по истории края XIX – начала XX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 221 с.
9. Социально-экономическое положение Мурманской области в 2023 году // Мурманскстат: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Мурманской обл. : офиц. сайт. Мурманск, 2023–2024. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/36664/document/36667> (дата обращения: 24.12.2023).
10. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.
11. Федоров П. В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: ИГГУ, 2014. 175 с.
12. Федоров П. В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова, 1216 – 1991. СПб.: Арт-Экспресс, 2021. 726 с.

References

1. Dvinin, EA 1966, *Kray, v kotorom my zhivym* (The region we live in),: Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
2. Kiselev, AA 1974, *Rodnoye Zapolyarye: Ocherki istorii Murmanskoy oblasti (1917 – 1972 gg.)* (Native Polar Region: Essays on the history of the Murmansk Region (1917 – 1972)), Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
3. Markushina, NYu 2011, 'Vneshniye svyazi Severo-Zapadnogo Federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii i kontseptsiya «Novogo Severa»' (External relations of the North-Western Federal District of the Russian Federation and the concept of 'New North'), *Baltic Region*, no. 2, pp. 102–111. (In Russ.)
4. Zmeyeva, OV (ed.) 2022, *Naseleniye Kolskogo poluostrova mezhdv dvumya mirovymi voyunami: vzglyad istorikov i antropologov* (Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Nikonov, SA 2020, "Kto v more ne khodil, tot bogu ne malivalsya": *promyslovaya kolonizatsiya Murmanskogo berega i Novoy Zemli krestyanami i monastyryami Pomorya v XVI*

- XVIII vv. (“They who never sailed the sea, never truly prayed to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by the Pomor peasants and monasteries between the 16th and the 18th centuries), Nestor-Istoriya publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Zaborshchikova, SA (ed.) 2015, *Osvoeniye Kolskogo Severa: evolyutsiya protsessa. 2-ya pol. XIX – nach. XXI vv., k 155-letiyu nachala kolonizatsii Murmanskogo berega Kolskogo poluostrova* (Development of the Kola North: evolution of the process. 2nd half of the 19th – early 21st centuries. to the 155th anniversary of the beginning of colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula), 27 November 2015, RUSMA publ, Murmansk, <https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/confern/sbornik-koloniz.pdf> (In Russ.)
  7. ‘Osnovnyye pokazateli vosproizvodstva naseleniya po Murmanskoy oblasti do 2045 goda (sredniy variant prognoza ot bazy na nachalo 2023 goda)’ (Main indicators of population reproduction in the Murmansk Oblast until 2045 (average forecast variant from the base at the beginning of 2023)), *Murmanskstat: Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gos. statistiki po Murmanskoy obl*, viewed 24 December 2023, <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222319> (In Russ.)
  8. Popov, GP & Davydov, RA 1999, *Murman. Ocherki po istorii kraya XIX – nachala XX veka*. (Murmansk. Essays on the history of the region in the 19th – early 20th century), UrO RAN publ, Ekaterinburg. (In Russ.)
  9. ‘Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye Murmanskoy oblasti v 2023 godu’ (Socio-economic situation of the Murmansk Oblast in 2023), *Murmanskstat: Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gos. statistiki po Murmanskoy obl*, viewed 24 December 2023, <https://51.rosstat.gov.ru/folder/36664/document/36667> (In Russ.)
  10. Ushakov, IF 1972, *Kolskaya zemlya. Ocherki istorii Murmanskoy oblasti v dooktyabrskiy period* (Kola Land. Sketches of the history of the Murmansk region in the pre-revolutionary period), Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
  11. Fedorov, PV 2014, *Kulturnyye landshafty Kolskogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika* (Cultural Landscapes of the Kola North: Structure and Historical Dynamics), IGGU publ, Murmansk. (In Russ.)
  12. Fedorov, PV 2021, *Rossiya, okruzhennaya vodoy: obzor istorii Kolskogo poluostrova, 1216 – 1991* (Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216 – 1991), Art-Ekspress publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 05.03.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024

Научная статья

УДК 81'139

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-172-178>

**ОПЕРЕЖАЯ СЛОВО:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. К. ХАРЧЕНКО «СЛОВО И МЫСЛЬ:
НА ОДИН ШАГ ВПЕРЕД» (М.: ИНФРА-М, 2024. – 219 С.)**

**Дмитрий Анатольевич
Романов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. Рецензируется новая монография профессора Белгородского национального исследовательского университета В. К. Харченко, посвященная филологической гносеологии в том ракурсе, как она видится в первой трети XXI века. Отмечается современный взгляд автора на проблемы научного познания в филологической сфере и попытка наметить основные пути дальнейшего развития названной научной области. Главной задачей ученого-филолога нового тысячелетия В. К. Харченко видит прежде всего преодоление многих ставших стандартизированными подходов к языковым единицам, тексту, стилю. Константность, по мнению автора, не способствует продуктивности научного поиска, что обосновывается на примере академической лексикографии, доказавшей, что большая полисемантность слова, его способность развивать дополнительные значения определяет степень его устойчивости в активном лексиконе носителей языка. Традиционные парадигмы филологии получают в настоящее время новые импульсы развития, обусловленные вовлечением самой исследовательской линии, большим вниманием к деталям и активным привлечением индивидуального творческого видения ученого.

В. К. Харченко оценивает степени риска современных филологических концепций, обращая внимание на возможности учета не только тех фактов, которые уже являются доказанными, но и гипотез из сферы научной иррациональности и творческой интуиции. На богатом иллюстративном материале автор разбирает те научные достижения филологии предшествующих эпох, которые первоначально считались материально невозможными и даже фантастическими. Широчайшая научная эрудиция В. К. Харченко позволяет ей в равной мере убедительно оперировать фактами из области лингвистики (преимущественно лексикологии, лексикографии, паремиологии), литературоведения (тексты художественных и публицистических произведений русскоязычных авторов XVIII – XXI вв.), искусствознания (история живописи, скульптуры, архитектуры и т. д.), психологии (различные явления сенсорики, синестезии, воздействия на сознание), физиологии (в том числе физиологии высшей нервной деятельности, мозга) и др.

Отмечает В. К. Харченко и уникальные случаи появления новых тематических областей в филологии и новых объектов исследования (например, стихофраз). В книге представляются различные стилистические феномены, которые автор выделяет в современных филологических исследованиях, намечаются связи филологии и этики, постулируется значимость языкового позитива и настроенности на успех.

Ключевые слова: гносеология, филология, методология, традиция, новаторство, константность, лексика, семантика, авторство, стиль, популяризация.

Для цитирования: Романов Д. А. Опережая слово: рецензия на монографию В. К. Харченко «Слово и мысль: на один шаг вперед» (М.: ИНФРА-М, 2024. – 219 с.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 172–178. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-172-178>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – профессор, доктор филологических наук, Руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., 2024

Review
UDC 81'139
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-172-178>

**AHEAD OF THE WORD:
REVIEW OF THE MONOGRAPH 'WORD AND THOUGHT: ONE STEP AHEAD'
BY V. K. KHARCHENKO (MOSCOW, INFRA-M PUBL, 2024, 219 P.)**

Dmitriy A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The author reviews a new monograph by V. K. Kharchenko, Professor of Belgorod State National Research University. The monograph discusses the view of philological epistemology from the perspective of the first third of the 21st century. V. K. Kharchenko has a modern view of the scientific knowledge problems in philology and makes an attempt to outline the main ways of further development of the mentioned scientific field. The main task of the scholar-philologist of the new millennium is, first of all, to overcome many standardized approaches to language units, text, style. According to Kharchenko, constancy does not contribute to the scientific research productivity. For example, academic lexicography proves that the great polysemantics of a word, its ability to develop additional meanings determines the degree of its stability in the active lexicon of native speakers. Traditional paradigms of philology are currently receiving new development impulses due to the branching of the research line, greater attention to details and the active involvement of the individual creative vision of the scholar.

V. K. Kharchenko assesses the riskiness of modern philological concepts, paying attention to the possibility of taking into account not only the proven facts, but also hypotheses from the sphere of scientific irrationality and creative intuition. Using rich illustrative material, the author examines those philological achievements of previous epochs that were initially considered materially impossible and even fantastic. The broad scientific erudition of V. K. Kharchenko allows her to convincingly operate with facts from linguistics (mainly lexicology, lexicography, paremiology), literary criticism (literary and journalistic texts by Russian authors of the 18th – 21st centuries), art history (history of painting, sculpture, architecture, etc.), psychology (various sensory phenomena, synesthesia, effects on consciousness), physiology (including the physiology of higher nervous activity, the brain), etc.

V. K. Kharchenko also notes unique cases of the emergence of new thematic areas in philology and new objects of research (for example, the rhyme). The book presents various stylistic phenomena that the author identifies in modern philological research, outlines the connections between philology and ethics, and postulates the importance of linguistic positivity and aiming for success.

Keywords: epistemology, philology, methodology, tradition, innovation, constancy, vocabulary, semantics, authorship, style, popularization.

For citation: Romanov, DA 2024, 'Ahead of the Word: Review of the Monograph 'Word and Thought: One Step Ahead' by V. K. Kharchenko (Moscow, INFRA-M publ, 2024, 219 p.)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 172–178, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-172-178> (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitriy A. Romanov* – Professor, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenina Prospect, Tula, 300026, Russia.

Гносеология XXI века отражает тематическую спецификацию научного знания. Уже выявлены общие законы познавательной деятельности человека, и в наше время целесообразно и продуктивно анализировать познание в различных профессиональных областях. Новая книга В. К. Харченко посвящена оригинальному авторскому осмыслению различных аспектов познавательной деятельности в филологии. Этой книгой профессор Харченко продолжает цикл своих работ, отражающих неисследованные вопросы филологической теории и практики, возможности нетривиальных подходов к уже сложившимся научным направлениям и, казалось бы, успешно освоенным, «прозрачным» материалам филологического изучения. Автор избирает особый ракурс рассмотрения и оценки, на первый взгляд, хорошо знакомых вещей, привычных и даже ставших обыденными в филологической области, что связано преимущественно с вниманием к тем впечатлениям, которые эти объекты производят на самого автора и ее коллег. Действительно, наука – занятие во многом личностное, предполагающее индивидуальные предпочтения не только в выборе тематики и ограничении круга рассматриваемых вопросов, но и в моделировании методологии исследования, которая всегда складывается из набора частных методов и методик, образующих в трудах каждого ученого неповторимый синтез. Разумеется, филология в этом отношении – наиболее благоприятная сфера проявления индивидуального, но и в других науках такое индивидуальное несколько не исключается. Правда, почему-то ни наука в целом (в гносеологическом, философском плане), ни отдельные исследователи (в рамках осмысления конкретных объектов изучения) не любят в этом признаваться ни себе самим, ни другим.

В. К. Харченко почти всеми своими работами последних лет старается нарушить сложившиеся традиции. При этом она несколько не эпатирует читающую публику, а даже наоборот, излагает свои необычные взгляды интеллигентно, мягко и привлекательно. Рассматриваемую книгу можно назвать книгой научных впечатлений в филологии, хотя посвящена она, как заявляет сам автор, «нетрадиционным формам мышления», а также «проникновению в механизмы мышления через слово». Эту книгу вряд ли имеет смысл читать подряд, хотя, безусловно, общая логика, достаточно стройная композиция у нее есть. Но, видимо, гораздо более полезным будет прочтение этой книги по отдельным главам (причем не обязательно с начала), поскольку мозаичность нашего мышления во многом предполагает построение целостной картины именно с той точки, которая избрана каждым из нас индивидуально. Хотим сразу оговориться, что те аспекты, которые выделили в книге мы (для себя!) и о которых будем говорить далее, могут совсем не совпадать с выбором других читателей этой книги. И в этом – одно из важных ее достоинств. Научный поиск в филологии, по мнению В. К. Харченко, как раз и заключается в попытке индивидуального подхода даже к привычным явлениям, к их отбору и последовательности. И если этот подход окажется действительно заинтересованным, то он не может быть проторенным путем, а всегда собственной дорогой ученого, который найдет в исследуемых объектах нечто новое, до того не открытое.

В целом В. К. Харченко излагает довольно стройную гносеологическую концепцию – вполне материальную по своей сущности и доступную для любого пытливого человека. Но в отдельных случаях автор «прорывается» в иррациональное, что также знакомо любому серьезному исследователю. Так, В. К. Харченко пишет о способности слова «заглядывать в будущее». В первую очередь она имеет в виду литературное творчество, которое действительно зачастую помогает прозреть грядущее. Примером того служат многие литературные произведения, где предсказаны явления будущего. В. К. Харченко, в частности, говорит о произведениях В. Хлебникова и «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Н. Толстого. Однако на самом деле прорыв в будущее связан не только с творческим использованием слова, но и с его научным

исследованием. Открытие таких направлений, как диалектология, этнолингвистика, паремиология и др., в свое время было связано как раз с исследованиями именно слова (но в каких-то новых его гранях).

Есть еще одно иррациональное явление, о которой убедительно говорит В. К. Харченко в своей монографии, – это интуиция. Интуиция не может «соткаться из воздуха». Она приходит к ученому только в том случае, если он длительно и кропотливо занимается чем-либо. И хотя в завершении подобных настойчивых исследований могут не проявиться определенные результаты, могут не сойтись концы с концами, но все равно сам контекст исследования поможет ученому прозреть нечто, до того не ведомое. На наш взгляд, чрезвычайно ценной в гносеологическом плане и в связи с тем, о чем мы говорили выше, является глава «Непонятное, но...». В. К. Харченко справедливо обращает внимание на то, что любая константность в науке всегда ведет к однобокости и узости кругозора. Автор приводит интересные наблюдения над «Словарем русского языка XI – XVII вв.» в сравнении с современными толковыми словарями и показывает, что способностью к «выживаемости» в языке обладают те компоненты (лексемы), которые тяготеют к многозначности, причем полисемия эта должна превышать два значения. Действительно, как лексическая константность (однозначность), так и константность исследовательской точки зрения – явления чрезвычайно непродуктивные. Конечно, нельзя отрицать их присутствия, но они не дают науке двигаться вперед. Любое нарушение константности, любое сомнение – обязательный залог научного поиска.

Первая глава книги В. К. Харченко называется «Управление рисками – вчера и сегодня». На наш взгляд, далеко не случайно автор помещает эту главу в самое начало. Творческое направление в науке всегда сопряжено с определенными рисками: рисками отторжения непривычного, рисками возможных ошибок, рисками выбора адекватных методов и т. д. Но без этих рисков не существует настоящей науки. Достоинство анализируемой книги состоит в том, что в ней представлен огромный эмпирический материал. Она богата примерами как сугубо лингвистического плана, так и историко-филологического характера. Действительно, вопрос о том, как работали твои предшественники, важен для любого ученого, поскольку может служить примером выбора оптимального исследовательского пути. Даже самые исхоженные научные дороги обязательно имеют «глуховатые ответвления», по которым есть возможность идти вперед. В частности, ономастика, которая прекрасно исследована и с точки зрения номенклатурной, и с точки зрения этимологической, достаточно интересно представляется автором в главе «Сохранить имя» посредством семейных родословных, меморатов, данных регионоведения и т. д. Автор постоянно подчеркивает, что новая мысль не обязательно сопрягается с новой темой. Она может саму тему словно бы «переворачивать», выявляя временами прямо противоположные смыслы у привычных для филологии вещей. Можно не во всех трактовках соглашаться с автором, какие-то из этих трактовок могут быть читателю не близки, однако безусловная заслуга В. К. Харченко состоит в том, что она способна осветить привычное в филологии совершенно по-иному. Например, в седьмой главе достаточно интересно представлен культурный контекст стихотворения А. А. Блока «Скифы» и романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Вместе с тем автор обращает внимание на возможность открытия новых тем в филологии, что бывает нечасто. Например, в главе «Новый жанр?» В. К. Харченко с увлечением рассказывает о стихофразах А. Р. Поповой. В целом соединение различных отраслей знания в едином научном поиске активно приветствуется В. К. Харченко. Для исследования по гносеологии XXI века это, видимо, особенно важно. В одних случаях автор говорит о так называемой интердискурсивности, в других – о подключении иного регистра научного осмысления. Будучи известным в

стране специалистом по лингвосенсорике, В. К. Харченко приводит интересные примеры привлечения к филологическим исследованиям, например, живописи и анализирует образ в том числе с привлечением разнообразных сенсорных каналов: аудиальных, визуальных, ольфакторных и др.

Автор интересно и разносторонне изучает, например, вопросы гендера в филологии и оригинально трактует социолингвистические проблемы поколений в исследовательском поле. В главе «Прислушаемся» В. К. Харченко предлагает своеобразные трактовки уже устоявшихся в филологии взглядов на взаимоотношения «отцов» и «детей» в известном романе И. С. Тургенева и обращает наше внимание на возрастной контекст картины Валентина Серова «Девочка с персиками» и авторской позиции в романе А. Фадеева «Разгром». По поводу последнего следует отметить отсутствие какого бы то ни было негативного или презрительно-высокомерного мотива. Книга В. К. Харченко в целом очень интеллигентна и представляет собой воплощение авторского «приятного» мира. Мелиоративная оценочность словно бы разлита по всей книге. Автор, безусловно, подтверждает своей работой одну из высказанных им ранее концепций – концепцию языкового позитива.

Научная деятельность представляет собой постоянный и неустанный труд, который изначально вовсе не предполагает положительного или весомого результата. И вместе с тем результатов бы не было, если бы ученые не внедрялись в поле своей деятельности столько серьезно, ответственно и самозабвенно. В. К. Харченко всегда была сторонницей сопряжения филологического исследования с этикой. Высокие этические принципы должны проявляться в отношении к потенциальному читателю, в отношении к исследуемому объекту, но закономерно и нравственно серьезное отношение исследователя к самому себе. В главе «Соединение лозунга, метафоры, нарратива» В. К. Харченко цитирует весьма примечательные слова академика Н. П. Бехтерева: «Человек должен нести ответственность за неделанное». Разумеется, великие открытия даются гениям, но гений пропадет без повседневного кропотливого труда. Неслучайно В. К. Харченко вспоминает замечательный фильм Ильи Авербаха «Монолог», в котором академик Сретенский рассуждает об «ученых, пробивающих стены» и «ученых, десятилетиями разбирающих осколки». Разумеется, результат важен для любой науки, – и для филологии тоже. Но на примере того же академика Сретенского мы должны, по мнению В. К. Харченко, осознать, что в научных работах могут быть так называемые «спящие красавицы», то есть второстепенные и проходные, на первый взгляд, идеи, которые спустя определенное время станут востребованными и приобретут совершенно иное качество. В. К. Харченко приводит в этом отношении много оригинальных примеров не только филологического, но и общенаучного значения. В главах «Переоценка личностей» и «Переоценка слов» эти примеры подобраны и проанализированы филигранно, что свидетельствует о высочайшем уровне научной культуры автора.

В. К. Харченко касается подчас вопросов достаточно сложных и таких, о которых не принято говорить в полный голос. Глава «Шоковая терапия» посвящена «запретным» филологическим темам. Не будем касаться их в рецензии, а любому интересующемуся читателю посоветуем обратиться к первоисточнику. Отметим лишь, что этой главе, как и всей книге, свойственна деликатность изложения. Сама В. К. Харченко на протяжении развития композиции своего исследования не раз демонстрирует способность к так приветствуемому ею альтернативному мышлению. Она с неподдельным увлечением поддерживает идею о связи комиксов с изобразительной культурой Средневековья или развивает идею о целебном одиночестве (в одноименной главе своей книги).

Для ученого весьма важно осознание собственного масштаба на фоне коллег и предшественников. Это вопрос чрезвычайно тонкий и редко поднимаемый, но вме-

сте с тем очень важный. В главе, носящей символическое название «Пушкин и Вяземский», В. К. Харченко размышляет о том, как большие таланты пушкинской эпохи чувствовали себя на фоне «солнца русской поэзии». Несмотря на многие сложности подобного самоощущения, это не должно быть препятствием к ведению своей темы. Тихих голосов в науке не бывает. Бывают голоса самостоятельные, оригинальные, привлекающие других, а бывают – не имеющие собственного звучания, а потому неинтересные и в итоге бесполезные. В. К. Харченко очень много цитирует собственные отзывы на книги других исследователей, диссертации, авторефераты. У каждого из своих адресатов она находит тот самый индивидуальный научный голос, который и является основным признаком состоятельности ученого. Список литературы к ее монографии весьма внушителен, и в нем не только общепризнанные авторитеты (которые, заметим, представлены автором почти всегда в некоем новом ракурсе), но и совершенно новые имена молодых, только входящих в науку исследователей. И в этом отношении рецензируемая книга пропагандирует и популяризирует филологию, открывает широкому читателю ее самые современные страницы.

Особых положительных слов заслуживают главы монографии, посвященные юмору и смеху в научной деятельности. В. К. Харченко называет юмор «учебником мышления», а умение посмеяться над собой, иронию и самоиронию закономерно сопрягает со смелостью исследователя. Действительно, только состоявшиеся в науке люди, уверенные в правильности выбранного пути способны поглядеть на себя ироничным взглядом. К сожалению, в современном научном мире этого катастрофически не хватает. В главе «Смех и сложность мышления» В. К. Харченко приводит множество интересных извлечений из научных диалогов, протоколов заседаний диссертационных советов, записей личных встреч и т.д., в которых различные приемы комического иллюстрируют глубину и пластичность человеческого мышления. Это одна из тех глав книги, которые вполне самодостаточны и могут читаться и перечитываться заново просто для удовольствия, для формирования вкуса к хорошему и точному слову. А подобный вкус, органично присущий самой В. К. Харченко, должен, по ее мнению, быть выработан у каждого исследователя.

Проблемы лингвистического вкуса сопряжены с задачами обретения собственного исследовательского стиля. Известное изречение «Человек есть стиль» вполне применимо и к ученому-филологу. Каждый крупный и по-настоящему самобытный исследователь обладает таким стилем и вполне узнаваем по нему. Так, невозможно спутать статью Д. С. Лихачева и В. В. Виноградова, даже если они посвящены одной и той же проблеме – проблеме авторства, которой они оба интересовались. Яркими стилистическими чертами отличается научная речь В. В. Колесова, Р. М. Фрумкиной, О. Н. Трубачева и многих других. Автор рецензируемой книги возвращает нас к традиционным ценностям филологической науки, к числу которых, безусловно, принадлежит и самобытный стиль.

Завершается книга главой с весьма показательным названием «Чувство счастья и задача филологов». Эта глава представляет собой своеобразное обобщение размышлений автора, утверждающего, что кропотливый научный труд обязательно дает сладкий плод если не результата, то процесса творческой самоотдачи. В этом отношении книга В. К. Харченко является не только источником новых, во многом альтернативных представлений об особенностях филологического познания, но и отправной точкой для реализации исследовательского потенциала молодых ученых, которые могут использовать эту книгу как своеобразную путеводную нить. По хорошему дидактичная направленность, оптимистичность и открытость финала монографии вселяют веру в то, что это далеко не последняя книга большого ученого

В. К. Харченко, берущего на себя непростую миссию гносеологического представления филологии в XXI века.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 17.05.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024